

Н. МАЛЫШЕВЪ.

W $\frac{510}{326}$

$\frac{257}{702.}$

ОБЫЧНОЕ СЕМЕЙНОЕ ПРАВО КИРГИЗОВЪ.

№29975.

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК

ЯРОСЛАВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.
1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

930167-36

Обычное семейное право киргизовъ.

Литература.

Гродековъ Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыръ Дарьинской области. Т. I. Юридическій бытъ.

Хидая. Комментаріи мусульманскаго права. Переводъ съ англійскаго подъ редакціею Гродекова. Ташкентъ 1893.

Самоквасовъ. Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ.

Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. 1832 г.

Загряжскій. Юридическій обычай киргизовъ. Матеріаль для статистики Туркестанскаго края 1876 г. Вып. IV.

Маковецкій. Матеріаль для изученія юридическихъ обычаевъ киргизовъ. Вып. I. Матеріальное право. Омскъ. 1886 г.

Зеландъ. Киргизы. Этнологическій очеркъ.

Даулбаевъ. Разказы о жизни киргизовъ Николаевскаго уѣзда, Тургайской области (съ 1830—1880 г.г.). Записки Оренбургскаго Географическаго Общества 1881 г. Вып. IV.

Алтынсаринъ. Очеркъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ. Записки Оренбургскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Вып. I. Казань. 1870 г.

Леонтьевъ. Обычное право киргизовъ. Юридическій Вѣстникъ. 1890 г., кн. 5—6.

Израиловъ Н. Обычное право киргизовъ Семирѣченской области (адатъ). Этнографическое Обзорѣніе 1897 г., кн. 3—4.

Памятная книжка Тургайской области 1899 года.

Памятная книжка Западной Сибири 1882 года. Отд. III. И. Козловъ—Обычное право киргизовъ. „Киргизская Степная Газета“, „Тургайская Газета“, „Тургайскія Областныя Вѣдомости“ и др.

Харузинъ. Киргизы Букеевской орды. Т. I.

Обычное киргизское право, краткая его характеристика, влияние на него шаріата и русскаго законодательства.

Важное значеніе обычнаго права киргизовъ видно изъ того, что ст. 210 Туркестанскаго Положенія прямо говоритъ, что „осѣдлые туземцы—кочевники имѣютъ отдѣльные суды, разрѣшающіе имъ подсудныя дѣла на основаніи существующихъ въ каждой изъ означенныхъ частей населенія обычаевъ“. Но обычное право имѣетъ значеніе не только для судовъ; оно особенно важно для изученія исторіи народа, для уразумѣнія его жизни, для пониманія его культуры, цѣли стремленій. Короче сказать, кто не знаетъ обычаевъ народныхъ, тѣмъ не знаетъ и самого народа. Киргизское-же обычное право въ настоящее время почти совсѣмъ еще не разработано.

Все это вмѣстѣ взятое даетъ мнѣ смѣлость на сильное раскрытіе и освѣщеніе вопроса объ обычномъ семейномъ правѣ киргизовъ.

Слово „право“ въ европейскомъ смыслѣ не существуетъ въ киргизскомъ языкѣ. Слово „хак“ означаетъ: 1) истина, 2) Богъ и 3) право на полученіе чего-либо.

Обычай-же, по которому живутъ и судятся киргизы, называется тюрскимъ словомъ „зангъ“, или арабскимъ „адатъ“. Начало „занга“, какъ полагаютъ изслѣдователи киргизскаго права, кроется въ томъ отдаленномъ прошломъ, когда всѣ разбросанныя теперь въ Азіи тюрскія народности жили одною общею жизнью. Доказательствомъ этого служить то, что такія сильно омонголившіяся народности, какъ якуты, буряты, тунгузы, имѣютъ много общихъ съ киргизами обычаевъ: родовое начало, калымъ, мѣну дочерями безъ калыма и пр.

Въ зангѣ не отличаются обычан частной жизни отъ обычаевъ судебныхъ; не разграничиваются обязательства нравственныя отъ юридическихъ, взысканія домашнія и административныя отъ судебныхъ. Кромѣ этихъ недостатковъ киргизское обычное право отличается еще страшною отсталостію и въ другихъ отношеніяхъ. Особенное значеніе для опредѣленія отсталости юридическихъ пониманій киргизовъ имѣетъ то обстоятельство, что всѣ спорныя и уго-

ловныя дѣла въ степи сопровождаются присягами, хотя-бы доказательства правоты одной стороны были на лицо. Признакомъ отсталости является и то, что право киргизовъ отвергаетъ наказаніе за преступленіе и допускаетъ только вознагражденіе потерпѣвшей сторонѣ.

Затѣмъ „кунъ“, цѣна крови, существовалъ въ старомъ обычномъ правѣ всѣхъ европейскихъ народовъ. Цѣна крови отведена особенно почетное мѣсто въ „Правдѣ“ Ярослава, въ которой, какъ теперь у киргизъ, подробно опредѣляется плата за смерть почетнаго лица, простого человѣка, за убѣчье, выбитый зубъ, порчу членовъ и т. д.

Такое мало развитое, несоотвѣтствующее современнымъ воззрѣніямъ на право людей образованныхъ—киргизское обычное право сложилось подъ вліяніемъ своеобразныхъ условій ихъ кочевого быта, родового устройства, вслѣдствіе слабаго развитія у нихъ культуры, образованія и т. п. Присутствіе внѣшняго посторонняго вліянія если и сказывается въ этомъ правѣ, то оно не глубоко и скорѣе выражается отрицательнымъ образомъ. Внѣшнія вліянія, изъ которыхъ главными нужно считать вліяніе магометанской религіи и русскаго закона, способствовали лишь, вмѣстѣ съ измѣнившимися условіями жизни, колебанію прочно установившагося правового порядка, внося въ него очень не много созидающихъ началъ.

Исслѣдователямъ исторіи киргизъ не удалось установить время принятія киргизами магометанства, но можно по многимъ даннымъ предполагать, что распространеніе этой религіи началось среди нихъ не ранѣе конца XVI или начала XVII вѣка нашей эры, слѣдовательно не очень давно. Но, чтобы полноѣ понять сравнительную ничтожность вліянія магометанства на обычное право киргизъ, необходимо упомянуть объ отличительной чертѣ этого народа, это объ удивительномъ индифферентизмѣ его къ религіи. Правда, теперь, благодаря болѣе живымъ и тѣснымъ связямъ киргизъ съ мусульманами—фапатиками, замѣтно усиливается въ степи вліяніе мулль, чѣмъ и объясняются тѣ заимствованія изъ шаріата, которыя замѣчаются въ современномъ правѣ киргизъ. Съ развитіемъ грамотности въ степи, къ сожалѣнію, грамотности только мусульманской, большее число лицъ знакомится съ кораномъ и его правовыми воззрѣніями, съ

шаріатомъ и вотъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже проявляется вліяніе послѣдняго.

По установившемуся мнѣнію принято думать, что шаріать есть сводъ мусульманскихъ законовъ. Но никакого свода мусульманскихъ законовъ нѣтъ, и безчисленныя книги шаріата писаны нѣсколько вѣковъ тому назадъ и не въ видѣ закона, а въ видѣ сочиненій юридическаго характера. Мусульманское право основывается на текстѣ корана и на суннѣ—изустныхъ преданіяхъ, сочиненіемъ которыхъ съ большимъ усердіемъ занимались первые асхабы, занимаются и до сего времени разные ишаны и сами казіи. Еще въ первые вѣка мусульманства такихъ преданій набиралось до полмилліона. Вотъ основной матеріаль шаріата; матеріаль, созданный и создаваемый восточной фантазіей, часто подъ вліяніемъ подходящаго случая или личнаго аффекта. Поэтому весьма естественно, что шаріать не представляетъ изъ себя чего бы обязательнаго, яснаго, и даже сборникъ шаріатныхъ постановленій, извѣстный подъ названіемъ „Хидая“, есть только комментаріи мусульманскаго права, сборникъ чего-то, въ родѣ сенатскихъ разъясненій и толкованій, составленный по ученіямъ четырехъ главныхъ имамовъ, не считая нѣсколькихъ второстепенныхъ.

Усиленіе шаріата среди киргизъ въ высшей степен нежелательно. Адатъ, народный обычай, есть продуктъ народнаго творчества, продуктъ жизненный и способный къ улучшенію и прогрессу при дальнѣйшемъ развитіи народнаго кругозора; самые плохіе обычаи подъ вліяніемъ умственнаго и нравственнаго развитія исчезнуть, исчезнуть безъ всякаго насилія. Шаріать, имѣя основой неподвижный коранъ, заключающій въ себѣ альфу и омегу мусульманской мудрости, есть матеріаль мертвый, ни къ развитію, ни къ уступкѣ неспособный, а къ тому же непримиримо враждебный гяуру, т. е. всякому христіанину. Помимо усиленія фанатизма коранъ влечетъ за собой косность, которой отличаются всѣ мусульмане.

Конечно, прежде всего вліяніе шаріата должно отразиться на дѣлахъ брачныхъ, ибо бракъ совершается при посредствѣ муллъ, носителей мусульманской идеи. Обстоятельство это констатировано и Государственнымъ Совѣтомъ, въ мотивахъ котораго къ изданію Степного Положенія, меж-

ду прочимъ, упомянуто, что муллы „обнаруживаютъ стремленіе разбирать брачныя и семейныя дѣла, руководствуясь при этомъ не обычаями народа, а шаріатомъ“. А у Гродекова замѣчено, что нѣкоторые бии въ своихъ дѣлахъ руководствуются уже шаріатомъ, говоря: „мы рабы шаріата, за адатъ не стоимъ“ (шаріатка кулмыз адатка таласпаймыз).

Однако въ своихъ основныхъ чертахъ обычное киргизское право неизмѣнно, существуетъ съ самыхъ давнихъ временъ и носить на себѣ явные слѣды самостоятельно сложившагося порядка—продукта тѣхъ условій жизни, въ которыхъ цѣлыя столѣтія находился киргизскій народъ.

✓ Какъ въ своей домашней жизни киргизы не соблюдаютъ предписаній корана, допуская сравнительно большую свободу для женщинъ, которыя никогда, напр., не закрываютъ своего лица, какъ это требуется правовѣрными, такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ они руководствуются гораздо больше своими древними обычаями, носящими на себѣ слѣды древняго родового устройства и древнихъ религіозныхъ воззрѣній, господствовавшихъ у киргизъ до принятія магометанства. Обычное право киргизъ живетъ въ памяти народа, выраженное въ многочисленныхъ юридическихъ пословицахъ, обиліе которыхъ поражаетъ всякаго.

Русское вліяніе на обычное право киргизъ также не отличается своею силою. Непосредственное вліяніе русскихъ порядковъ на складъ жизни киргизъ началось очень недавно, напр., въ Малой Ордѣ—лишь съ 1868 года.—Въ такое короткое время даже очень крутая ломка не можетъ пересоздать вѣками сложившіяся и приспособленные къ потребностямъ жизни общественный строй народа, не можетъ изгладить характерныхъ чертъ этого строя. Русское-же вліяніе въ стени до сихъ поръ было совершенно чуждо ломкѣ нѣковыхъ устоевъ народной жизни. До 1868 г. въ Малой Ордѣ киргизы были совершенно независимы въ своей внутренней жизни отъ вліянія русскаго закона. Въ нѣкоторыхъ областяхъ правовой жизни не киргизы, а русскіе приспосаблились къ юридическимъ воззрѣніямъ киргизъ. Такъ, напр., само правительство въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія узаконило баранту противъ киргизъ, какъ лучшее средство для воздѣйствія на кочевника. Съ времени введенія въ дѣйствіе „Временнаго Положенія объ управленіи во об-

ластях Уральской, Тургайской, Акмолинской, и Семипалатинской“ 1868 г. русское влияние, конечно, усилилось но, тѣмъ не менѣ самая обширная область правовой жизни киргизъ осталась неприкосновенною. Только важныя уголовныя преступленія киргизъ, какъ убійство, грабежъ, разбой и т. п., судятся по русскимъ законамъ; всѣ-же гражданскія дѣла между киргизами, а также нѣкоторыя уголовныя преступленія, включая сюда и кражи, разбираются народнымъ судомъ биевъ.

Но если нѣтъ прямого пути, посредствомъ котораго отражалось-бы влияние корана и русскаго закона на обычномъ правѣ киргизъ, то изъ этого еще нельзя дѣлать заключенія о полномъ отсутствіи такого влияния. Оно существуетъ благодаря тому, что обычное право киргизъ, сложившееся при другихъ условіяхъ народной жизни, часто совершенно не соотвѣтствуетъ требованіямъ современнымъ. Благодаря этому многія положенія древняго обычнаго права начинаютъ забываться и бии или народные судьи киргизъ вынуждены бывають заимствовать свои правовыя положенія изъ другихъ источниковъ, т. е. главнымъ образомъ изъ шариата, а отчасти и изъ русскихъ законовъ.

Общій характеръ брака.

Бракъ — одинъ изъ главныхъ показателей общественно-юридическаго развитія. Мы встрѣчаемъ поэтому на различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія самыя разнообразныя виды брака. Существовала форма брака, при которой не женщина подчинялась мужу, а мужъ подчинялся, правда, не женѣ, но семьѣ жены. Какимъ-бы страннымъ ни казалось такое явленіе, оно все-же свидѣтельствуетъ о дальнѣйшемъ развитіи сравнительно съ безпорядочнымъ половымъ общеніемъ (гетеризмомъ), которое господствовало до этого, и многіе слѣды котораго сохранились въ позднѣйшее время; главнымъ образомъ, въ видѣ *jus primae noctis*, удостовѣреннаго у различныхъ народовъ. Эта несовершенная форма брака соотвѣтствуетъ началамъ материнскаго права, по которому связь ребенка съ отцемъ не имѣетъ юридическаго значенія и таковое признается лишь за отношеніями между

матерью и ребенкомъ. Поэтому за отцомъ не признается никакихъ правъ на его дѣтей—дѣти принадлежатъ матери и материнской семьѣ. Такой обычай не составляетъ особенности только отдѣльныхъ племенъ, а встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта. Это всеобщее явленіе. При такомъ положеніи дѣла прогрессомъ приходится считать даже простое признаніе фактическаго отношенія отца къ дѣтямъ: право еще не обращаетъ вниманія на зачатіе, а лишь на рожденіе, но чисто естественныя отношенія понемногу получаютъ, благодаря этому признанію, нравственное значеніе, и отецъ начинаетъ занимать въ семьѣ то положеніе, которое надлежитъ ему въ силу того, что ребенокъ есть плоть и кровь отъ его плоти и крови, что не только мать, но и отецъ продолжаетъ свое существованіе въ ребенкѣ. Но прежде чѣмъ завершилось это развитіе идей, право прошло рядъ промежуточныхъ стадій. Одной изъ наиболѣе существенныхъ переходныхъ ступеней былъ бракъ съ установленіемъ власти мужа надъ женою (*manus, mundium*). До насъ дошли извѣстія о томъ, что нѣкогда въ Римѣ жена подпадала подъ власть мужа (*manus*), т. е. поступала въ положеніе подвластной дочери. Это подвластное положеніе жены было лишь смягченной формою прежняго рабскаго подчиненія ея, которое первоначально было настолько полнымъ, что послѣ смерти мужа жена, какъ часть наслѣдственнаго имущества, переходила по наслѣдству къ братьямъ мужа и даже къ его сыновьямъ, хотя, конечно, лишь къ сыновьямъ отъ другой жены.

Такое рабское положеніе женщины было слѣдствіемъ первобытныхъ формъ брака—*умычки* и развившейся изъ нея *покупки* жены. Подобно тому, какъ насиліемъ добывали рабовъ, добывали также и женъ-рабынь. Первоначально похищеніе вело къ кровавымъ столкновеніямъ, и вотъ почему установился обычай брать жену изъ далека, изъ другого племени, изъ другой мѣстности. Умычку мы встрѣчаемъ въ народныхъ обычаяхъ почти всѣхъ странъ; едва-ли какой-либо другой юридическій обычай болѣе распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Съ притворнымъ насиліемъ похищаютъ жену изъ отцовскаго дома, изъ подъ крова ея матери, взваливаютъ ее на лошадь и увозятъ; при этомъ происходитъ дѣйствительная или притворная борьба, при которой

много шумять и бранятся, а иногда и сражаются. Даже у римлянъ и германцевъ встрѣчались подобные обычаи. Добыть себѣ жену силой и оружіемъ кажется настолько естественнымъ, что безъ этой формы не считаютъ возможнымъ обходиться. Умычка у киргизъ иногда практикуется и въ настоящее время. Явные-же слѣды ея проявляются въ той борьбѣ (тартысь), которую ведутъ между собою сторонники жениха и невѣсты въ первый его прїѣздъ къ ней (см. обычаи при сватовствѣ).

Впослѣдствіи умычка жены превратилась въ покупку ея. Уже при дѣйствительномъ похищеніи дѣло могло кончиться миромъ, когда вступали въ соглашеніе съ семьей жены и уступали ей, въ видѣ выкупа, цѣнность женщины или другую женщину взаменъ ея. Но по мѣрѣ того, какъ умычка обращалась въ символическій обрядъ, покупка все болѣе и болѣе прививалась, пока не сдѣлалась наконецъ обычной формой брака. Раньше похищали жену и затѣмъ уже вступали въ соглашеніе съ ея семьей, — теперь-же съ самаго начала договаривались о продажѣ невѣсты. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ сохранились различные странные обычаи, указывающіе на то, что нѣкогда на сватовство смотрѣли какъ на враждебное дѣйствіе или на вызовъ. Этимъ объясняется, напр., обычай по нѣскольку разъ выпроваживать сватающаго, или показывать ему вмѣсто невѣсты старуху. Упомянутые мною ниже киргизскіе обычаи при сватовствѣ говорятъ о томъ-же самомъ. Покупка жены также чрезвычайно распространенное явленіе. Смѣло можно утверждать, что нѣтъ культурнаго народа, у котораго позднѣйшая форма брака не развилась-бы изъ купли. На этой стадіи развитія бракъ находится еще у всѣхъ монгольскихъ народовъ. въ томъ числѣ и у киргизъ. Женитьба у киргизъ является обыкновенной сдѣлкой, а бракъ не таинствомъ, а гражданскимъ договоромъ купли-продажи, такъ-какъ главнымъ его условіемъ является плата за невѣсту калыма. Сдѣлка эта, пока женихъ не уплатитъ всего калыма, выгодна для родителей невѣсты, такъ-какъ даетъ имъ право предъявлять къ нему разныя требованія. Но за то киргизъ послѣ становится полновластнымъ господиномъ, безконтрольно распоряжается имуществомъ и волей своей молодой жены, которая низводится почти на степень рабыни и безъ ропота и

возражений подчиняется волѣ мужа и всѣмъ его требованіямъ и желаніямъ, какого-бы они характера ни были.

Такимъ образомъ бракъ у киргизъ по своему заключенію является сдѣлкой—выгодной только для мужа.

Другія черты брачнаго союза и его юридическія послѣдствія будутъ указаны мною попутно въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ моей работы.

Положеніе киргизской женщины.

Непросвѣщенный, не культурный человѣкъ, вслѣдствіе скудости своего умственного развитія, имѣетъ возможность достигнуть превосходства надъ кѣмъ-либо только путемъ грубой физической силы. Его вниманіе обращается, конечно на тѣхъ, кто слабѣе его, и отъ нихъ онъ старается пріобрѣсти себѣ уваженіе. Подъ уваженіемъ же онъ разумѣетъ страхъ. Своимъ кулакомъ онъ заставляетъ уважать себя всѣхъ, кто слабѣе его. Въ этомъ заключается причина пониженнаго положенія женщины у всѣхъ первобытныхъ племенъ. Съ теченіемъ времени, когда умственные силы народа и отдѣльных личностей начинаютъ развиваться, тогда уваженіе къ сильному кулаку начинаетъ смѣняться уваженіемъ къ сильному уму. Въ то время, какъ грубый варваръ гнететъ и давитъ все, что слабѣе его, человѣкъ—просвѣщенный знаніемъ, питаетъ безграничное снисхожденіе ко всему слабому и немощному, онъ заботится о томъ, чтобы того, кто слабѣе его, возвысить до своего положенія.

Благодаря такому значенію умственной силы, смѣнившейся преобладаніемъ силы физической, завоевывается то положеніе женщины, какимъ она по праву должна пользоваться у современныхъ образованныхъ народовъ.

Жалкое-же, тяжелое положеніе киргизской женщины, въ которомъ, какъ мы увидимъ, она находится, доказываетъ только печальное состояніе киргизскаго народа, погруженнаго во мракъ невѣжества и темноты.

Едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что каждая киргизская семья обязана своимъ происхожденіемъ акту произвола, дѣйствію чужой воли, помимо всякаго желанія лицъ, которымъ приходится вступать между собою въ бракъ.

Можно себѣ представить, какая создается почва для всякаго рода семейныхъ неурядицъ при дѣйствіи такихъ условій брачнаго права. Но вся тяжесть несчастныхъ послѣдствій неизбежно прежде всего и больше всего падаетъ на женщину, какъ на существо слабѣйшее и потому, какъ у всѣхъ некультурныхъ народовъ, безгласное и безправное.

✓ Киргизская женщина безправное существо даже не личность, а что то безличное. Все назначеніе ея состоитъ въ служеніи тому, кто избралъ, вѣрнѣе, взялъ ее себѣ въ жены. Не отъ ея воли зависитъ устройство ея будущности, ея судьбы, а — отъ воли господина, которымъ до замужества является отецъ, а послѣ мужъ. Не видится ли въ такомъ ея положеніи глубокой трагизмъ, вдумываясь въ который, приходишь къ заключенію, что тутъ нѣтъ ни малѣйшей доли человѣческаго счастья, что тутъ одно только горе, скрытое, подавленное горе, которое дѣлаетъ киргизку покорной рабой своему господину. Жизнь ея въ замужествѣ есть ничто иное, какъ вѣчный гнетъ, слѣпая покорность мужу, своему полноправному господину.

✓ Киргизы усвоили себѣ воззрѣніе на женщинъ не какъ на существа разумныя, одаренныя такъ же, какъ мужчины, тѣломъ и душой, въ груди которыхъ тоже бьется человѣческое сердце, а какъ на существа низшія, сотворенныя Аллахомъ для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей. По понятіямъ киргизъ женщины живутъ исключительно для размноженія человѣческаго рода. Поэтому тѣ изъ нихъ, которыя много рожаютъ дѣтей, заслуживаютъ и болѣе ласковаго обращенія, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ дѣти не родятся. Послѣднія презираются и имъ приходится оплакивать злую судьбу и просить Аллаха, чтобы онъ далъ имъ дѣтей. Въ общемъ воззрѣніе киргизъ на женщину проникнуто крайнимъ недовѣріемъ и пренебреженіемъ. „Не вѣрь дома женѣ, а въ полѣ коню“; „у собаки нѣтъ измѣны, у женщины нѣтъ вѣрности“; „лягушка безъ хвоста, женщина безъ ума“ и пр — гласятъ киргизскія пословицы. Пренебреженіе киргиза къ женщинѣ низводитъ ее на степенъ вещи. По обычаямъ киргизъ женщина составляетъ предметъ купли — продажи. Запродается она родителями въ первые года своей жизни, и послѣ уплаты калыма становится имуществомъ того, кто купилъ ее. Никакія послѣдующія обстоятельства: болѣзнь,

уродство и даже смерть жениха не избавляют женщину от кабалы, созданной для нея расчетами ея родителей. Не смотря на физическіе недостатки жениха, на его дряхлость, порочное поведеніе и т. п. запроданная женщина не имѣетъ права уклониться отъ брачнаго союза съ нимъ; а по смерти жениха, до или послѣ брака, она переходитъ въ пользованіе брата или другого ближайшаго родственника покойнаго, какъ вещь. Нужно ли говорить, что женщина обязана исполнять всё, даже самыя дикія прихоти своего мужа, иначе ей придется подвергнуться истязаніямъ безъ конца. „Я могу бить свою жену, сколько мнѣ угодно, а если убью, то заплачу кунтъ“, говоритъ киргизская поговорка.]

Печальная участь киргизской женщины начинается съ того момента, когда она появляется на свѣтъ Божій невиннымъ существомъ. Если у киргизъ рождаются дочери, то это значитъ, что у нихъ появляется въ рукахъ живой товаръ, который нужно прибыльно сбыть. „Слава Богу и у насъ есть красная шерсть“, говорятъ киргизы при рожденіи дѣвочекъ. Хотя невинные младенцы въ колыбели не могутъ еще мечтать о женихахъ, но родители ихъ день ото дня ждутъ сватовъ, конечно, отъ богатыхъ жениховъ, чтобы выгодно совершить человѣческой торгъ. Будь женихъ младенецъ,—торгъ непременно состоится, лишь былъ-бы предложенъ богатый калымъ. Если нѣтъ жениха младенца,—вотъ сластолюбивый богачъ-старичекъ ищетъ себѣ невѣсту. Состояніе есть, значитъ найдутся и дѣвушки-невѣсты, изъ которыхъ надо выбрать самую красивую; или вотъ еще богачъ,—онъ не довольствуется одной, двумя и даже тремя женами и сватаетъ себѣ новую. (Не даромъ говоритъ киргизская пословица: „если киргизъ богатѣетъ, то онъ приобрѣтаетъ женъ, а если русскій—то онъ обзаводится домомъ“. Бѣдныя киргизки, повинуваясь родительской волѣ, безпрекословно должны выходить и за младенцевъ и за стариковъ, вообще за кого заблагоразсудится старшимъ. Онѣ не высказываютъ своимъ родителямъ несогласія,—это бесполезно, ибо послѣдніе, по словамъ пѣсни, „глухи и нѣмы и жадны“. Несчастныя киргизки оплакиваютъ свое горе и поютъ, часто обращаясь къ Богу:

„Творецъ, Ты сотворилъ всѣхъ людей

И разсѣялъ ихъ по лицу земли...

Ты далъ болѣе мужчинамъ силы физической,
Ты имъ подчинилъ насъ, женщинъ.

Творецъ, нѣтъ Твоимъ милостямъ предѣловъ,
Нѣтъ пристрастія въ справедливости Твоей!
Но гдѣ великія Твои милости?

Гдѣ Твоя Божеская справедливость?

Насъ женщинъ презирають,
Насъ женщинъ продають.
О, Творецъ, умиლოსердись надъ нами,
Защити насъ, дай намъ силы!“

Между тѣмъ мечты ихъ направлены къ любимому человеку, къ молодому джигиту:

„Охъ, воля, куда ты скрылась?
Посѣти ты насъ случайно,
Тогда мы будемъ счастливы,
Выбравъ себѣ жениха по желанію!“

Охъ, дала-бы намъ жениха,
Войдя въ наше положеніе;
И мы были бы счастливы,
Когда дали-бы намъ достойнаго жениха“.

Но

„Родители наши глухи и нѣмы,
Они не спрашиваютъ насъ,
Кого мы любимъ,
И не видятъ нашихъ слезъ“.

— „Тебя продають родители:
Имъ нуженъ калымъ,
Перестань горевать и печалиться,
Не плачь, не плачь бикемъ!“ (Уменьшительное ласкательное имя—въ родѣ „дѣвочка“).

Киргизская женщина, попавшая въ несчастный подневольный бракъ, любитъ выражать въ пѣсняхъ тяжелые случаи своей жизни. Пѣсни эти печальны и безотрадны подобно самой жизни.

„Бьетъ меня мужъ.
Бьетъ меня свекоръ,
Бьетъ меня свекровь,
Чѣмъ жить такъ
Лучше я умру“.

Одна киргизская пѣсня очень подробно и обстоятельно обрисовываетъ судьбу женщины.

„Женская доля“. (Кирг. Стенн. Газ. 1898 года № 15. Сообщилъ Е. Алекторовъ).

„Ни о чемъ не заботится дѣвица въ молодости,
Живетъ и рѣзвится въ домѣ родителей;
Для родителей она такъ-же мила, какъ сынъ,
И дорожке чужихъ мурзъ...
Лелѣя, воспитываютъ дочку родители...
Но вотъ просватаютъ дѣвицу и получаютъ скотъ въ
калымъ,

По старому киргизскому обычаю...
Приблизится затѣмъ срокъ вѣнчанія
И каждый день станетъ ѣздить къ невѣстѣ женихъ.
Родители тѣмъ временемъ готовятъ приданое,
Чтобы порадовать свою голубушку,
А ни о чемъ не думавшая дѣвица
Со всѣми, рыдая, прощается...
Много у ней печальныхъ думъ въ головѣ,
И теряетъ дѣвица рассудокъ...
Ей предстоитъ разлука навѣки.
Съ родителями, съ братьями, сестрами и сверстницами. .
Ей жалко разставаться съ домомъ,
Гдѣ выросла и была уважаема всѣми оца,—
Гдѣ рѣзвилась беззаботно съ утра до вечера...
И плачетъ дѣвица, разставаясь съ домомъ,
Плачетъ, прощается къ каждымъ ауломъ;
Ей все простительно ради разлуки...
Не въ силахъ удержаться отъ слезъ дѣвица,
Когда нѣкоторые говорятъ за нее: „прощай, мой родной
народъ“.

Въ родномъ своемъ гнѣздѣ дѣвицы охорашиваются
подобно попугаю;

Въ это время все возможно имъ...
Какъ-бы ни привыкли онѣ къ веселью на родинѣ,
Но въ новой средѣ имъ придется подчиниться волѣ
другихъ.

Радуются невѣсткѣ въ домѣ тестя (свекра);
Съ почетомъ провожаютъ ее изъ своего аула...
Со словами—„сноха идетъ—ха—ха!“

Кричатъ и радуются бабы пожилыя...
Съ этого момента нѣтъ болѣе названія „дѣвица“.
По старинному киргизскому обычаю,
Ее беспокоятъ многіе
Требуютъ отъ нея колѣнопреклоненія,
Пользуясь старшинствомъ, даже дряхлые...
Надъ ней издѣваются малыя ребята;
Нѣтъ у нея права гнать отъ себя прочь любопытныхъ,
Не различая плохихъ и хорошихъ,
Она должна скромничать предъ всѣми!
Прибывши къ чужимъ,
Молодуха теряетъ домашнюю смѣлость,
И пока не свыкнется съ новой обстановкой,
Чужой народъ не можетъ замѣнить ей родной...
Умнымъ и глупымъ рѣчамъ
Подчиняется она, какъ малый ребенокъ...
Поднимая вуаль, ее беспокоятъ многіе...
Какъ возвратится домой молодуха,
Надѣваютъ ей джаулыкъ. (Головной уборъ киргизской
замужней женщины).

И объ ней, какъ о молодущкѣ,
Бываетъ много разныхъ толковъ.
Дома остались отецъ и мать,—
Остались на родинѣ сверстники...
Каковы плохіе на родинѣ,
Таковы хорошіе на чужбинѣ,
Привыкшая, подобно султаншѣ, сидѣть на почетномъ
мѣстѣ,

Она должна помѣщаться теперь около двери...

При такой обидной долѣ

.. Не можетъ она переваривать пищу...

До знакомства съ чужимъ народомъ

.. Осторожно ходить, слѣдя за собой, молодуха.

Родители, когда была она дома,

.. Не будили ее рано,

А здѣсь, не выспавшись достаточно,

Встаетъ теперь до зари она...

И много будетъ толковъ,

Если она не откроетъ тундюкъ *) и не разведетъ огня.

*) Отверстіе вверху кибитки, прикрываемое кошмой. Въ него выходитъ дымъ.

Надѣвши передникъ,
Идетъ рано дѣлать кизякъ,
Доить корову, таскаетъ воду
И не видитъ отдыха до поздней ночи.
Скучаетъ о родителяхъ и родинѣ,
Какъ соколъ, попавшійся въ сѣти,
И льетъ слезы изъ глазъ
Въ уединеніи и степномъ просторѣ...
Гдѣ домашнее приволье,
Когда она блистала во всей своей красотѣ
Съ краснымъ платкомъ, развѣвавшимся, какъ золотое
знамя?

Наставленіе даетъ ей теперь
Грязная старушонка,
И, не смѣя противорѣчить,
Она слушаетъ глупый совѣтъ;
И, всхлипывая, плачетъ съ досады
Гдѣ нибудь въ уединеніи молодуха...
Проводившая молодость въ волѣ
И жившая, какъ иноходецъ — жеребенокъ въ холѣ,
Она, когда находилась дома,
Видѣла только рабство молодыхъ сосѣдей,
А теперь на чужбинѣ смѣются надъ ней..
Золотые пальчики и бѣлоснѣжныя ручки
Растрескаются скоро отъ кизяка...
Забывши привольную жизнь на родинѣ
И привыкнуши къ новому положенію,
Прядетъ она пряжу и бьетъ шерсть,
Припасая нужное для хозяйства
И вотъ по немногу накапливаетъ рухлядь.
Въ дальнѣйшемъ — ей остается только желаніе имѣть
своихъ дѣтей“...

Положеніе киргизской женщины должно признать тѣмъ болѣе печальнымъ, что оно соединяется съ представленіемъ о невозможности какого-либо исхода, поворота къ лучшему, кромѣ смерти. Женщина при обыкновенныхъ условіяхъ не можетъ рассчитывать на улучшеніе своей доли. Во власти мужа, по киргизскимъ обычаямъ, во всякое время избавиться отъ своей жены, — будь она идеальнѣйшею изъ женщинъ, стоитъ дать только ей разводъ, съ полнымъ возвращеніемъ

приданого. Разъ явится такое желаніе у мужа, жена обязана безусловно убираться вонъ. Но будь ея мужъ олицетвореніемъ всѣхъ пороковъ, она не можетъ разсчитывать на удовлетвореніе справедливѣйшей своей жалобы. Изъ такого рабскаго положенія женщину не освобождаетъ даже и вдовство. Она по смерти мужа становится собственностью родственниковъ мужа, и власть его надъ ней переходитъ къ нимъ. Вдова женщина, пріобрѣтенная за извѣстное количество калыма, составляетъ принадлежность семьи и рода, внѣ котораго она не имѣетъ никакого положенія. Выхода ей нѣтъ; потому что она представляетъ собою цѣнность, во столько-то головъ скота, которая должна быть возмѣщена, если предметъ ея стоимости переходитъ въ другія руки, помимо того цикла родовичей, которые были заинтересованы въ уплатѣ за нее калыма. Участъ вдовы въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо таки трагична. § 56 Сборника Загряжскаго говоритъ: „вдова можетъ выйти замужъ за посторонняго киргиза, но въ такомъ случаѣ она теряетъ все свое имущество; дѣти, не исключая грудныхъ и еще не рожденныхъ отъ перваго брака остаются у родныхъ умершаго мужа“. Этотъ § у Гродекова редактируется такъ: „если вдова, съ позволенія родни покойнаго мужа, выйдетъ за посторонняго человѣка, то дѣти, даже не рожденные еще, остаются въ домѣ прежняго мужа“. Далѣе §§ 115 и 116 Сборн. Загряжскаго гласятъ: „если мать несовершеннолѣтнихъ выходитъ замужъ за родственника умершаго, тогда дѣти остаются при матери и опекуномъ назначается ея мужъ“ (§ 115, а если же мать выходитъ замужъ за посторонняго человѣка, то дѣти разлучаются съ матерью и остаются при опекунахъ“ (§ 116). Такимъ образомъ предъ матерью во все время вдовства стоитъ дилемма: или пользоваться правами и удовлетворять чувство материнства и оставаться вдовою, или переходить, какъ какое-нибудь наследство, къ одному изъ родственниковъ умершаго мужа, не задавая своему сердцу вопроса, — можетъ ли оно спокойно принимать ласки этого послѣдняго.

Если-бы молодая киргизская вдова, оставшаяся съ малыми дѣтьми, задумала жить человѣческой жизнью не заглушая въ себѣ ни личныхъ чувствъ, ни чувствъ матери и сошлась съ любимымъ человѣкомъ внѣ брачной связи, то и

тутъ адать встрѣчаетъ ее суровымъ постановленіемъ, въ силу котораго „вдова уличенная въ беременности не отъ мужа, лишается правъ вдовы и изгоняется изъ кибитки мужа,“ т. е. лишается дѣтей и всего имущества. Другими словами изъ существа и безъ того уже безправнаго превращается окончательно въ жалкую парію.

При дѣйствіи такихъ обычаевъ сплошь и рядомъ въ степи совершаются самые невѣроятные и возмутительные браки. Иногда вдова 40—50 лѣтъ становится женою 12—15 лѣтняго мальчика, а иногда наоборотъ 15 ти лѣтняя вдова должна быть женой разслабленнаго старца годовъ 80. Что получается изъ такихъ браковъ понятно безъ всякаго поясненія. Удивительно только то, что цѣлый народъ уже нѣсколько вѣковъ видитъ эти аномаліи и до сихъ поръ не можетъ отрѣшиться отъ ихъ безобразія.

Если къ этому еще добавить, что киргизская женщина не можетъ вступать ни въ обязательства, ни въ сдѣлки, что она не имѣетъ почти никакихъ имущественныхъ правъ, что показанія ея на судѣ биевъ считаются „не совершенными“ и т. д. и т. д., то предъ нами встанетъ яркая картина полнаго безправія человѣческой личности. Женщина — не человѣкъ, а вещь. Къ ней въ буквальномъ смыслѣ приложима наша грубая русская пословица: „Курица не птица, а баба не человѣкъ“.

Характерной иллюстраціей такого положенія женщины у киргизовъ можетъ служить сообщеніе изъ Буртинской волости, помѣщенное въ № 80 „Тургайской Газеты“ за 1896 г., о томъ, что киргизъ Бистамакской волости Тажибай Шагинбаевъ продалъ свою жену Несвелію киргизу Темиръ-Ургачской волости Маймаку Айбулатову за 10 годовъ скота и 50 рублей деньгами, а самъ женился на другой.

Однако такое тяжелое положеніе киргизской женщины за послѣднее время стало улучшаться. Теперь, съ постепеннымъ развитіемъ въ киргизскихъ степяхъ русскаго образованія, лучъ свѣта коснулся и забитой киргизки. Она увидѣла и оцѣнила инныя отношенія, ознакомилась съ болѣе высокими запросами; въ ней зарождается потребность къ образованію, и цѣпи рабства, гнетъ насидія ей начали казаться невыносимо тяжелымъ. Естественнымъ слѣдствіемъ

этого является то, что киргизская женщина, хотя пока робко и нечасто, стала дѣлать попытки сбросить съ себя оковы безправія и завоевать себѣ хоть какую-либо свободу. Зарождается борьба рабы съ владыкою ея — мужемъ, отцемъ и родственниками. Перипетіи этой борьбы теперь уже извѣстны отчасти по тѣмъ жалобамъ и прошеніямъ, которыя подаются во всѣ учрежденія и чуть не ко всѣмъ должностнымъ лицамъ въ степи, — то о разводѣ, то объ освобожденіи отъ жениха, то о предоставленіи свободного выбора мужа, то о возвращеніи насильно отобраннаго имущества и т. д., и т. д.

Учрежденіе киргизскихъ женскихъ школъ, какъ, напр., Кустанайской прогимназіи (въ Тургайской обл.), должно еще сильнѣе двинуть впередъ вопросъ о нѣкоторой эмансипаціи киргизской женщины. По выходѣ изъ школъ съ извѣстными знаніями и нѣкоторымъ развитіемъ киргизскимъ дѣвушкамъ будетъ слишкомъ тяжело переносить то унижительное и рабское положеніе, какое для нихъ создано народными обычаями и чуждыми для нихъ, но усердно пропагандируемымъ, началами шаріата. Весьма естественно и въ высшей степени желательно, чтобы, вступая въ жизнь въ качествѣ самостоятельныхъ хозяекъ, онѣ постарались устроить ее сообразно понятіямъ и началамъ, вынесеннымъ изъ русской школы.

Сватовство, орунтой и вѣнчаніе.

„Выборъ невесты зависить отъ отца жениха“. (Продеконъ).

Желая высватать за своего сына дочь извѣстнаго лица, отецъ отправляетъ къ нему своего родственника или уважаемаго въ ихъ средѣ чловѣка, называемаго „джаучи“, спросить предварительно, „желаетъ-ли такой-то отдать свою дочь за его сына“. Садясь на коня, джаучи съ одной ноги запускаетъ чембары (шаровары) за голенища, а съ другой выпускаетъ на сапогъ: примѣта, — чтобы отецъ засватаваемой невесты былъ снисходительнѣе и не отказался отъ предполагаемаго родства. По пріѣздѣ въ аулъ отца невесты джаучи входитъ къ нему въ кошъ, обмѣнивается привѣт-

ствіями и объявляет о цѣли своего пріѣзда. Если отецъ невѣсты согласенъ, то говоритъ: „пусть пожалуютъ большіе сваты для заключенія окончательнаго условія“. Тутъ-же условливаются о части калыма—кара малъ и башъ жаксы. Башъ жакса это—сумма денегъ, которую женихъ даетъ на головной уборъ невѣсты (саукелѣ). Затѣмъ отецъ невѣсты колетъ барана, угощаетъ джаучи и назначаетъ день для пріѣзда большихъ сватовъ; большею частію въ среду или четвергъ, такъ какъ эти дни считаются счастливыми. Въ назначенный день самый близкій родственникъ жениха, въ сопровожденіи 5—10 человѣкъ, называемыхъ „джанъ аширь“, „кудачи“, отправляются въ аулъ невѣсты. Одѣваются они въ лучшее платье и ѣдутъ на лучшихъ лошадяхъ. Въ аулѣ невѣсты тоже дѣлаются различныя приготовленія для встрѣчи большихъ сватовъ. У аула невѣсты сватовъ встрѣчаетъ молодой человѣкъ верхомъ, обмѣнивается съ ними привѣтствіями и ведетъ ихъ къ приготовленной юртѣ. Отецъ невѣсты, ея родные и близкіе знакомые здороваются съ прибывшими и приглашаютъ ихъ въ кибитку. Встрѣча кудачей въ кибиткѣ сопровождается различными курьезными, а иногда и циничными обычаями и обрядами. До приглашенія ихъ въ кибитку женщины собираются и готовятъ жидкое тѣсто, достаютъ глину и грязь изъ земли и все это кладутъ въ отдѣльныя чашки; заранѣе припасаютъ нѣсколько женскихъ головныхъ уборовъ, веревки и держатъ къ тому времени около кибитки нѣсколько быковъ. Съ припасенными матеріалами женщины, пританцвшись, стоятъ гдѣ-нибудь около дверей и ждутъ сватовъ. Какъ только послѣдніе переступятъ порогъ, ояъ выпрыгиваютъ изъ засады: однѣ изъ нихъ мажутъ лицо кудачей тѣстомъ, другія—грязью, надѣваютъ на нихъ насильно женскіе головные уборы, усаживаютъ лицомъ къ хвосту на быковъ, пускаютъ ихъ въ стѣнь и гонятъ до тѣхъ поръ, пока бѣдные кудачи не слетятъ съ нихъ кубаремъ. Впрочемъ кудачи подарками могутъ и избавиться отъ этихъ неприятныхъ для нихъ экспериментовъ. Въ такомъ случаѣ ихъ прямо приглашаютъ въ кошъ невѣсты, гдѣ имъ приготовлены уже подарки. Сваты проходятъ въ переднюю часть юрты и садятся по старшинству, а хозяица садится противъ нихъ. Начинается бесѣда. Спрашиваютъ о здоровьѣ

семьи, аула, скота и проч., но о цѣли прїѣзда не говорятъ. Посидѣвъ нѣсколько времени съ гостями, хозяинъ уходитъ, предоставляя близкимъ роднымъ ихъ угощать. Ихъ подучаютъ кумысомъ, колютъ барана и варятъ его съ примѣсью кобыльихъ колбасъ (казы) и бараньяго вяленаго мяса (сюрь). На слѣдующій день послѣ угощенія, состоящаго опять изъ кумыса и баранины, сваты заявляютъ, что „съ помощью Бога они желаютъ породниться съ хозяиномъ“. Затѣмъ просятъ его выдать дочь замужъ за ихъ жениха и назначить за нее калымъ. По окончаніи всѣхъ переговоровъ отецъ невѣсты устраиваетъ у себя угощеніе и приглашаетъ кромѣ прїѣзжихъ сватовъ своихъ родныхъ и ближайшихъ сосѣдей. Между собравшимися гостями сваты попрежнему занимаютъ почетное мѣсто, а остальные гости садятся послѣ нихъ, но также соблюдая старшинство. Обмѣнявшись привѣтствіями, всѣ гости умолкаютъ и среди глубочайшей тишины хозяинъ ставитъ предъ гостями въ чашкѣ или блюдѣ „тюстюкъ“ *), мелко искрошенный и заявляетъ вмѣстѣ съ сватами всѣмъ присутствующимъ, какъ свидѣтелямъ, о состоявшемся на такихъ-то условіяхъ соглашеніи и предлагаетъ вкусить тюстюка, какъ бы въ залогъ вѣрности и нерушимости этихъ условій. Затѣмъ всѣ сваты берутъ по кусочку тюстюка и ѣдятъ, остальной тюстюкъ раздаютъ гостямъ, заботясь, чтобы всѣмъ непременно хватило по кусочку. Юридическое значеніе тюстюка или иначе „куйрукъ-баура“ (куйрукъ—курдючное сало, бауръ—печенка) состоитъ въ томъ, что кушанье это, подаваемое исключительно при сватовствѣ, служить на судѣ бѣевъ непреложнымъ доказательствомъ сватовства. Такъ, въ случаѣ спора о томъ, имѣло-ли сватовство мѣсто, бѣи спрашиваютъ, ѣли ли куйрукъ—бауръ и при утвердительномъ отвѣтѣ считаютъ фактъ сватовства доказаннымъ. „Доказательствомъ брака служатъ сваты, заключавшіе сватовство, посторонніе люди, ѣвшіе куйрукъ—бауръ и мулла, производившій обрядъ вѣнчанія“, говоритъ Загрязскій. Послѣ ѣды тюстюка угощеніе продолжается обычнымъ порядкомъ, а потомъ начинаются между моло-

* Тюстюкъ—баранья грудина, срѣзанная съ кожей и шерстью; ее палятъ и поджариваютъ надъ огнемъ, поливая крѣпкимъ рассоломъ, затѣмъ разрѣзаютъ на длинныя узенькіе кусочки.

дежью и сватами различного рода игры и забавы. Предъ отѣздомъ сватовъ отецъ невѣсты раздаетъ имъ подарки (кѣнты), при чемъ самый дорогой и главный подарокъ посылаетъ отцу жениха, а остальнымъ даетъ менѣ цѣнные (Загряжскій). Цѣнность подарковъ зависитъ отъ желанія и щедрости дающаго; большею-же частію они равняются суммѣ башъ-жаксы. Полученіе кѣнта считается фактомъ, обязующимъ получившаго платить калымъ. А такъ-какъ въ степи встрѣчаются люди, которые, разъѣзжая по ауламъ, высватаютъ для своихъ сыновей невѣсты только для того, чтобы получить кѣнтъ и, такимъ образомъ, обращаютъ сватовство въ промыселъ, то на чрезвычайномъ сѣздѣ народныхъ судей Устькамменногорскаго и Семипалатинскаго уѣздовъ въ 1896 году 17 августа было постановлено: „Если высватаютъ невѣсту только для того, чтобы получить свадебные подарки (кѣнтъ), а не для того, чтобы платить за нее калымъ и жениться на ней, то признанные виновными въ томъ дѣяніи должны возвратить кѣнтъ и заплатить за обманъ штрафъ—одну лошадь съ хомутомъ (§ 3)“.

Получивъ подарки, большіе сваты прощаются съ хозяиномъ и въ назначенный день приглашаютъ его къ себѣ. Отецъ невѣсты ѣдетъ съ такою-же почти свитой къ отцу жениха, гдѣ повторяется та-же встрѣча, тѣ-же угощенія, тѣ-же игры, однимъ словомъ все—кромѣ подарковъ, которые дѣлаются въ меньшихъ размѣрахъ, такъ-какъ этотъ пріѣздъ уплачивается большая часть калыма. Первый взносъ его производится въ присутствіи свидѣтелей; дальнѣйшіе же уплачиваются безъ свидѣтелей. Жениха также не показываютъ отцу невѣсты, какъ невѣсту отцу жениха. Вообще невѣсту и жену могутъ только видѣть младшіе родственники ея жениха или мужа, старшимъ-же показываться она не смѣетъ. „Невѣста не посѣщаетъ аула жениха, иначе она не можетъ уже вернуться домой. Не входитъ она также въ аулъ ни старшей, ни младшей родни будущаго свекра (Гродековъ). Хорошая невѣстка всю жизнь скрывается изъ стыда и изъ почтительности (уялады, иззетъ клады) отъ свекра и всѣхъ его восходящихъ родственниковъ, по пословицѣ: „не цѣнять мужа, тѣло котораго видятъ; не цѣнять родственницу, лицо которой видятъ“. Хорошая жена не должна даже звать по имени мужнину родню (кайн), а

должна звать ихъ нарицательными именами, напр., свекоръ (ата), господинъ (мирза) и т. д. Неприлично также произносить слова, въ составъ которыхъ входятъ имена мужниной родни. Есть анекдотъ, какъ одинъ старикъ захотѣлъ испытать изобрѣтательность женщинъ въ описательныхъ выраженіяхъ и назвалъ сыновей именами самыхъ обыденныхъ предметовъ: Камышъ, Вода, Волкъ, Баранъ, Ножъ, Оселокъ. Разъ, когда между водою и камышемъ, волкъ похитилъ овцу, то невѣстка закричала: „Тестъ, тестъ! за журчащимъ предъ колышущимся блеющимъ ѣсть воющий; иди съ тѣмъ, что трутъ о точащее („Ата, ата! салдыраманымъ арыягында, силдираманынъ бере ягында манграманы уульма эб ятыр яныманы билемеге билеб билеб алыб келе койынгыз)“ (Гродековъ „Киргизы и Каракиргизы“ стр. 100).

Отецъ невѣсты нѣсколько разъ ѣздитъ къ отцу жениха и получаетъ калымъ частями. Когда большая часть калыма уплачена, отецъ отправляетъ жениха къ невѣстѣ на свиданіе (калымдык уйнамак). Посѣщеніе невѣсты (калымдык) женихомъ до брака, тайно (ясырын) называется орунбарган или орунтой. Цѣль его—одобреніе жениха и совѣщаніе объ окончательной уплатѣ калыма. Женихъ ѣдетъ въ сопровожденіи довѣреннаго лица и отъ 3 до 9 провожатыхъ (косчи). Они везутъ съ собой подарки, называемые „лю“, которые женихъ долженъ раздавать при свадебныхъ церемоніяхъ. Главные предназначаются родителямъ невѣсты и подносятся имъ провожатыми жениха. Для жениха въ аулѣ ставится отдѣльная богатая кибитка, куда заранѣе собираются приглашенныя для встрѣчи жениха женщины. Когда женихъ съ товарищами подъѣдетъ къ кибиткѣ, и когда женщины выйдутъ къ нему на встрѣчу, то онъ и его свита должны спѣшиться и потомъ онъ обязанъ сдѣлать имъ, опустивъ руки, низкій поклонъ—„тяджимъ“. Ближайшая родственница невѣсты беретъ его подъ руку и вводитъ въ поставленный для него кошъ. Здѣсь старшій въ свитѣ жениха (утагасы) раздаетъ женщинамъ часть привезенныхъ подарковъ. Между тѣмъ въ аулѣ рѣжется скотъ на пиръ (туй) и начинаются увеселенія: происходитъ скачка, стрѣльба, борьба, играютъ на балалайкахъ и поютъ, восхваляя въ стихахъ жениха, невѣсту и ихъ родителей. Во все это время женихъ остается въ кошѣ, окруженный женщинами и дѣ-

вицами, исключая невѣсты. Каждая изъ присутствующихъ имѣетъ право требовать отъ него тяджима, и онъ не можетъ сѣсть пока ему этого не позволяютъ. Неисполненіе этихъ требованій женихомъ ведетъ часто къ серьезнымъ недоразумѣніямъ, а иногда такъ даже къ полному разрыву начатаго сватовства.

Наконецъ наступаетъ ночь; родители невѣсты ранѣе обыкновеннаго ложатся спать, а женщины уводятъ невѣсту въ другой ближайшій аулъ или тутъ-же въ чьюнибудь чужую кибитку. Здѣсь изъ молодыхъ людей образуется двѣ партіи: одна наемная, служащая въ пользу жениха, а другая—сторонники невѣсты, которую они прячутъ. Партія жениха розыскиваетъ ее и когда найдетъ, то между ею и партіей невѣсты начинается борьба—тартыс, которая всегда оканчивается тѣмъ, что сторонники жениха невѣсту отобьютъ и передаютъ ее женгамъ (женамъ братьевъ невѣсты), которыя и отправляются съ ней къ жениху. Женихъ во время тартыса остается или въ своемъ кошѣ или, какъ очень часто бываетъ, пробирается къ той кибиткѣ, гдѣ происходитъ борьба, и тамъ у вѣншной стороны сидитъ и любезничаетъ съ невѣстой чрезъ рѣшотку до тѣхъ поръ, пока ее не уведутъ женги.

Послѣ этого женщины проводятъ жениха въ кибитку невѣсты и исполняютъ при этомъ различные обряды и разнаго рода церемоніи. Предъ входомъ къ невѣстѣ женихъ остается не надолго у вѣншной стороны коша и чрезъ рѣшотку подаетъ невѣстѣ руку, обернутую шелковымъ платкомъ, та отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Обрядъ этотъ называется кул-устатар (держаніе руки). За самый входъ въ кибитку женихъ даетъ женщинамъ лучшій подарокъ обыкновенно халатъ (уюй кыргызер). Тутъ же у дверей кибитки ложится какая-нибудь старуха, притворяясь мертвой; ей женихъ даетъ маленькій подарокъ—кемир ульды (старуха умерла). Потомъ встрѣчаютъ женщину, брсающую имъ поперекъ дороги бакань *); переступить чрезъ бакань считается дур-

* *Бакань*—толстая, аршина 4 длины жердь съ раздвоеннымъ концомъ, въ видѣ короткихъ вѣтвѣ съ тупыми концами; баканомъ поддерживаютъ чанаракъ въ то время, какъ ставятъ юрту. *Чанаракъ*—деревянный кругъ, составляющій верхушку юрты, въ немъ прорѣзы, въ которые вставляютъ ууки, выгнутыя, плоскія деревянные палки, образующія сводъ юрта.

ной примѣтой, женихъ даетъ и ей подарокъ; она убираетъ баканъ и присоединяется къ нимъ. Вслѣдъ затѣмъ встрѣчаютъ еще женщину, которая, лежа на землѣ, ворчитъ, какъ собака; женихъ даетъ ей подарокъ „собака ворчитъ (гет ырындыр)“. Роль собаки берутъ на себя самыя бѣдныя женщины. У самыхъ дверей юрты женщина преграждаетъ дорогу жениху, онъ даетъ ей подарокъ; она сторонится, чтобы его впустить, но двѣ женщины снова загораживаютъ ему дорогу. Одной онъ даетъ подарокъ „за поднятіе занавѣса у постели неvěсты“, а другой „за уборку постели“. Онъ беретъ подарки и впускаютъ его за занавѣсъ. Тамъ онъ находитъ неvěсту съ ея родственницей-свахой (дженге) и еще одной женщиной, лежащей на постели. Женихъ даритъ ее „за сидѣнье на постели“, и она уходитъ изъ-за занавѣса. Затѣмъ, когда неvěста на постелѣ сядетъ съ женихомъ рядомъ, одна изъ женщинъ держитъ край одѣяла, какъ бы желая накрыть имъ, за что получаетъ подарокъ—, курпѣ-кумылдатар (шевелить одѣяло). Сваха-же беретъ жениха за руку и позволяетъ погладить неvěсту по головѣ, затѣмъ соединяетъ ихъ руки, получаетъ подарокъ „за обниманье неvěсты“ (кыз кучактар) и уходитъ, оставляя ихъ однихъ. Послѣ этого женихъ съ неvěстой ложатся спать. Хотя магометанскій законъ строго запрещаетъ подобный соблазнъ, но киргизы имѣютъ свои обычаи и жениху нѣтъ ничего запретнаго. Однако неvěстѣ считается позоромъ быть беременною; для этого она пьетъ чай изъ трехъ травъ, изъ которыхъ одна называется кызыл-ча. Этимъ чаемъ киргизки вообще изговяютъ плодъ въ самомъ началѣ. Беременную же киргизка можетъ быть лишь тогда, когда она взята въ домъ мужа. По словамъ Загряжскаго „послѣ совершенія сватовства женихъ можетъ вступить въ права мужа, если онъ выплатилъ весь калымъ или часть его, не смотря на то, что еще не совершено вѣнчанія, которое считается только освященіемъ брака и не обязательно“.

Пробывъ въ аулѣ тестя дня 3—4, женихъ отправляется домой. Отецъ неvěсты посылаетъ ему чрезъ его товарища подарки. Когда онъ садится на коня, сваха передаетъ ему подарки отъ неvěсты, состоящіе изъ серегъ, колець и другихъ мелкихъ вещей. При вѣздѣ жениха въ свой аулъ его встрѣчаютъ сестры съ подругами-дѣвушками, и онъ

раздасть имъ эти вещицы нарасхватъ, оставляя у себя незначительную часть. Отецъ и мать жениха узнають обо всѣхъ подробностяхъ его поѣздки отъ его товарищей; самъ-же онъ не говорить о ней ни слова.

Иногда случается и такъ, что женихъ въ первый свой прїѣздъ не входитъ въ кошъ невѣсты, а сваха соединяетъ ихъ руки черезъ кереге *) и позволяетъ жениху погладить невѣсту по головѣ. Затѣмъ онъ уѣзжаетъ. Недѣли черезъ 3—4 женихъ снова ѣдетъ къ невѣстѣ. Подѣхавъ къ аулу невѣсты, онъ старается, чтобъ его не видѣли, для этого входитъ въ какую-нибудь юрту и оттуда даетъ знать матери невѣсты и свяхъ о своемъ прїѣздѣ. Сваха снова устраиваетъ его свиданіе съ невѣстой и незамѣтно вечеромъ проводитъ его къ ней. Въ этотъ прїѣздъ женихъ живетъ въ аулѣ невѣсты нѣсколько дней. Все это время дженге (сваха) служитъ ихъ повѣренной.

До взятія невѣсты въ домъ женихъ прїѣзжаетъ къ ней нѣсколько разъ. Свиданія эти дѣлаются съ разрѣшенія отца невѣсты и совершаются безъ особыхъ какихъ-либо церемоній. Посѣщенія эти называются калындыкъ уйнау (игра съ невѣстой), и киргизы считаютъ ихъ самой веселой и пріятной порой своей жизни.

Послѣ долгихъ приготовленій къ свадебному дню настаетъ наконецъ и ожидаемый день бракосочетанія. Женихъ прїѣзжаетъ къ невѣстѣ уже въ послѣдній разъ, чтобы взять ее съ собою. Прїѣздъ этотъ называется ала-келю. Во время этого прїѣзда опять происходитъ пиръ (туй) и кромѣ этого совершается утау-жабаръ и муйнъ тастаръ. Подъ утау-жабаръ разумѣется первая постановка кибитки, предназначенной молодой въ приданое. Дѣлается это на другой или третій день послѣ прїѣзда жениха для ала-келю. По постановкѣ кибитки совершается въ ней одинъ религіозный обрядъ—Ходай жуль—(Большое благословеніе). Для этого рѣжутъ барана, варятъ въ котлѣ мясо, причемъ шейная кость варится въ цѣльномъ видѣ. Послѣ угощенья кость эту, обглоданную, выбрасываютъ изъ кибитки черезъ чангаракъ

*) Кереге—складная, деревянная рѣшетка, составляющая стѣны юрты.

(верхній кругъ) для того, чтобы съ такой-же быстротой выходилъ изъ нея дымъ при жизни молодой. Обычай этотъ и есть муйнъ-тастаръ.

Наканунъ отъѣзда невѣсты изъ родительскаго дома приглашается мулла, который и совершаетъ обрядъ вѣнчанія. „Вѣнчаніе можетъ быть совершено и чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сватовства. Вѣнчаніе совершается муллою въ аулѣ невѣсты, при двухъ постороннихъ свидѣтеляхъ“ (Загряжскій. Для вѣнчанія жениха и невѣсту приглашаютъ въ кибитку и сажаютъ ихъ каждого за особую занавѣску. Занавѣса жениха поднимается, а занавѣса невѣсты опускается. По срединѣ юрты становятся родители невѣсты, по два свидѣтеля съ каждой стороны и совершающій бракъ. Мулла читаетъ бату (молитву) и спрашиваетъ вѣнчающихся, согласны ли они вступить въ бракъ. Согласіе это ровно никакого значенія не имѣетъ. О немъ спрашиваютъ уже тогда, когда все кончено и поворота назадъ быть не можетъ, такъ-какъ бракъ у киргизъ считается заключеннымъ съ уплатой калыма. „Послѣ полной уплаты калыма бракъ не можетъ не быть совершенъ“ (Гродековъ). Женихъ и невѣста на вопросъ муллы могутъ не отвѣчать, молчаніе ихъ принимается за согласіе. Если однако они отвѣчаютъ, то отвѣтъ долженъ быть обязательно данъ въ прошедшемъ времени. напр., на вопросъ: „желаешь-ли вступить въ бракъ?“— должно отвѣтить: „я желалъ“ или „я желала“.

Въ прежнее время, да и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при вѣнчаніи приносится чашка съ водою, въ которую бросаютъ серебро, кольца и другія драгоценныя вещи. Изъ этой чашки пьютъ по глотку женихъ, невѣста и всѣ присутствующіе. Чашка и содержимое идутъ въ пользу муллы. Послѣ окончанія вѣнчанія отецъ невѣсты обращается къ дочери со словами: „балам джеман болма сыпанга палет кельтересин, т. е. живи такъ, чтобы меня не проклипали, а затѣмъ къ зятю: „балам хорлама кызынде, атакымде ултересин, т. е. не оскорбляй жену, этимъ погубишь мою славу“.

Свадьбы у киргизъ совершаются во всякое время. Избѣгаютъ только несчастнаго мѣсяца „Сафаръ айтъ“ и поста „Уразы“.

Въ день, назначенный для отъѣзда, поутру въ юрту молодыхъ приходятъ свахи и приглашаютъ жениха къ тестю. Войдя съ ними туда онъ дѣлаетъ родителямъ молодой тяджимъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, повторяетъ поклонъ и наконецъ на приглашеніе матери молодой—сѣсть дѣлаетъ третій тяджимъ и садится. Сваты находятся тутъ же. Отецъ и мать даютъ молодому въ подарокъ халатъ, иногда что-нибудь болѣе цѣнное, сообразно со своими средствами.

Когда все готово къ отъѣзду и лошадь молодой осѣдлана и убрана парадной попоной, молодая обнимаетъ отца и плачетъ, причитая о разлукѣ съ нимъ, потомъ также прощается съ матерью и другими родными и знакомыми (таньсу). Когда она простится со всѣми, кто-нибудь изъ семьи беретъ кусокъ мяса или другой пищи, заворачиваетъ въ лоскутокъ и обводитъ два или три раза надъ головой молодой, чтобы домашнее счастье не ушло вмѣстѣ съ нею. Мать молодой съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ одноаульцевъ провожаетъ дочь; кромѣ того сваты провожаютъ молодого. Вся эта процессія съ верблюдами, навьюченными юртой и приданымъ, отправляется въ ауль молодого. Въ день пріѣзда молодыхъ домой тамъ собираются гости и начинается празднество. Вечеромъ невѣстку ведутъ въ кибитку къ свекру, гдѣ уже сидятъ родные и знакомые. Ведутъ ее двѣ женщины подъ руки въ сопровожденіи цѣлой толпы. Какъ только она войдетъ, то должна сдѣлать колѣнопреклоненіе (салѣм) три раза до очага; затѣмъ на разложенный по срединѣ кибитки огонь должна вылить поданный ей въ эту минуту ковшъ сала. Къ вспыхнувшему отъ него пламени старухи прикладываютъ ладони, приговаривая: „отъ ауліе, маѣ ауліе (огонь святой, сало святое)!“ Послѣ этого молодую сажаютъ къ лѣвой сторонѣ юрты близъ дверей. Пѣвецъ ей въ это время поетъ наставительныя пѣсни, напр.: „почитай свекра твоего,—онъ твой отецъ; почитай свекровь,—она твоя мать; почитай мужа, онъ твой хозяинъ; не говори сплетень и т. д.“

По окончаніи торжества молодые уходятъ въ свою кибитку.

Дня два, три въ аулѣ продолжаются еще свадебныя торжества, игры, пѣсни и пр. По окончаніи ихъ мать молодой отправляется къ себѣ обратно домой. Отецъ и мать

зятя дѣлають ей подарки. Она, плача, прощается съ дочерью и увѣщаетъ ее—быть послушною и дѣятельною, затѣмъ садится на лошадь и уѣзжаетъ. Молодые женщины и дѣвушки провожаютъ ее за аулъ; подаренный скотъ ведется за нею.

Этимъ заканчиваются брачныя церемоніи, и жизнь снова вступаетъ въ свою обычную колею.

Обычаи относительно нарушенія правилъ сватовства.

„Послѣ совершенія сватовства бракъ не можетъ быть не совершенъ, исключая нецѣломудрія невѣсты, происшедшаго не по винѣ жениха“. (Загряжскій).

Если со стороны жениха или его родителей будетъ нарушено предложеніе, когда оно приняло уже официальный характеръ, т. е., когда у родителей невѣсты были кудачи, ѣвшіе куйрукъ-бауръ и получившіе подарки (кiнты), тогда нарушитель сверхъ айна въ атъ-тунъ обязанъ возратить всѣ кiнты и вознаградить родителей невѣсты за всѣ издержки по приему его сватовъ. Лишается онъ и задатка, если таковой былъ данъ при первоначальномъ предложеніи.

Если нарушеніе послѣдуетъ со стороны родителей невѣсты послѣ приема сватовъ, но еще до полученія части калыма, то они лишаются всѣхъ кiнтовъ и издержекъ своихъ по тую и приему сватовъ.

По правилу же 10-му Кубъ-Кульскаго съѣзда народныхъ судей (1899 г. 25 Марта): „если кто-нибудь просватанную дочь свою отдастъ за другого, за предложенный большій калымъ, то съ него слѣдуетъ взыскать послѣдній полученный калымъ въ пользу перваго жениха и наложить штрафъ не меньше халата и лошади за то, что онъ за выгоду продалъ дочь свою“.

„Если высватанную дѣвицу, за которую платятъ калымъ и къ которой женихъ ѣздитъ неоднократно на свиданіе (калымъ ойнамакъ), отдаютъ замужъ за другого, то виновный по обычаямъ (хурфы) киргизовъ долженъ возратить весь полученный калымъ и соразвѣтственно размѣру такового уплатить штрафъ отъ одной лошади съ кафтаномъ до 3-хъ

девятокъ^{*)}. Главой первой девятки д. б. верблюдъ; второй — лошадь и третьей — кунанъ (двухгодовая лошадь). (§ 1 постановлений чрезвычайнаго Съезда народныхъ Судей Усть-каменогорскаго и Семипалатинскаго уѣздовъ).

Никто не въ правѣ отказаться отъ той, за которую онъ заплатилъ хоть часть калыма. Особенно воспрещается это послѣ извѣстнаго урупъ-келю, когда женихъ допускается къ невѣстѣ и приобретаетъ надъ ней права. Въ первомъ случаѣ, когда женихъ откажется отъ невѣсты до посѣщенія ея, онъ лишается вмѣсто аипа всего отданнаго имъ калыма. а во второмъ случаѣ, когда отказъ послѣдовалъ послѣ перваго посѣщенія, онъ, сверхъ лишенія уплаченнаго калыма, подвергается штрафу въ три тогуза, такъ какъ предполагается, что онъ вмѣстѣ съ урупъ-келю лишилъ невѣсту дѣвственности.

Но нецѣломудріе и другіе недостатки невѣсты, происходящіе не по винѣ жениха, а также неспособность жениха къ брачному сожитію, могутъ быть причинами несовершенія брака и послѣ сватовства.

Если женихъ вслѣдствіе какихъ-нибудь недостатковъ невѣсты совсѣмъ откажется отъ нея, то ему предлагаютъ на выборъ другую дочь или весь уплаченный калымъ.

Если женихъ при первомъ посѣщеніи невѣсты объявить, что онъ нашелъ ее уже лишенной невинности, то родители ея обязаны оправдать честь своей дочери и доказать ея цѣломудріе до пріѣзда жениха присягою двухъ родовичей по выбору жениха. При этомъ, если оправдаются слова жениха, то онъ имѣетъ право требовать уплаченный калымъ, или родители должны дать ему другую невинную дѣвицу. „Если женихъ найдетъ свою невѣсту нецѣломудренною (не отъ его вины), онъ имѣетъ право требовать въ замужество отъ своего тестя другую дочь его, или родственницу, если же таковой нѣтъ, то возвращенія калыма“. (Загряжскій).

Если же недѣвственность невѣсты не докажется, то женихъ обязанъ сверхъ прежняго калыма заплатить родителямъ невѣсты другой калымъ за сдѣланное имъ безчестіе.

*) Девятка тогузъ штрафъ въ 9 шт. скотомъ.

Претензія же жениха на нецѣломудріе невѣсты послѣ первыхъ посѣщеній ея вовсе не принимается во вниманіе и оставляется безъ всякихъ послѣдствій.

Когда по уплатѣ части калыма женихъ начинаетъ посѣщать невѣсту, и она узнаетъ, что онъ неспособенъ къ супружеской жизни, вслѣдствіе чего откажется отъ выхода за него въ замужество, то почетные люди отдають жениха для освидѣтельствованія. Если онъ въ теченіи года не поправится, то дѣвушкѣ представляется право выйти замужъ за другого, а уплаченный женихомъ калымъ поступаетъ къ нему обратно.

Если отецъ просватаетъ свою дочь въ дѣтствѣ и получить за нее калымъ, а по достиженіи совершеннолѣтія она не захочетъ выдти за своего нареченнаго, а также если не желаетъ этого и ея отецъ, то она всетаки отказаться отъ своего жениха не можетъ, если только ея женихъ не заявитъ, что онъ не желаетъ ее взять. Въ такомъ случаѣ отецъ дѣвушки возвращаетъ полученный имъ калымъ и кромѣ того уплачиваетъ небольшой штрафъ, опредѣленіе котораго зависитъ отъ біевъ.

Впрочемъ относительно послѣдняго пункта существуетъ постановленіе Русскаго законодательства, которое, конечно, оказываетъ на него нѣкоторое вліяніе. Положеніемъ 1868 г. киргизкамъ дано право, если онѣ просватаны въ дѣтствѣ, не выходить за своихъ жениховъ. Родители обязаны уплатить обратно жениху полученный калымъ и кромѣ того, уже по Киргизскому обычаю, штрафъ, „девятку (тогузь“, т. е., девять головъ скота, начиная отъ верблюда и кончая двухгодовой коровой. Этотъ штрафъ платитъ отецъ невѣсты за то, что не сдержалъ слова. Положеніемъ 1868 г. запрещено выдавать замужъ ранѣе 16 лѣтъ. Киргизы очень долго скрывали отъ женщинъ этотъ законъ, и только послѣ настоятельныхъ требованій начальства онъ былъ обнародованъ.

Обычаи относительно случаевъ смерти невѣсты или жениха.

Киргизы смотрятъ на сватовство не какъ на предполагаемую связь между отдѣльными личностями, женихомъ и невѣстою, а какъ на связь между двумя семействами и даже

родами, вслѣдствіе чего сватовство не прекращается со смертью жениха или невѣсты.

Въ случаяхъ смерти невѣсты или жениха соблюдаются слѣдующія правила:

Если умереть невѣста, родители ея обязаны выдать жениху другую непросватанную, „свободную“ дочь (бась бось кызъ), а въ случаѣ неимѣнія таковой возратить $\frac{2}{3}$ полученнаго ими калыма. При чемъ, если они замѣняютъ жениху умершую его невѣсту другою дѣвицей, то женихъ, пріѣзжавшій уже къ первой невѣстѣ и имѣвшій съ нею свиданіе, обязанъ прибавить къ прежнему калыму одинъ тогузъ—бастотканъ тогузъ, называемый въ этомъ случаѣ балдызъ—калымомъ (балдызъ—младшая сестра невѣсты или близкая ея родственница моложе ея годами) или прибавочнымъ калымомъ за вторую невѣсту. Женихъ-же, не имѣвшій официального уруннаго свиданія съ первою невѣстой, ничего родителямъ за вторую не приплачиваетъ.

Если по смерти невѣсты сестры ея еще молоды, то отецъ невѣсты приглашаетъ жениха, дѣлаетъ ему подарокъ и проситъ его обождать до болѣе зрѣлаго возраста дѣвицы. Если женихъ отказывается ждать совершеннолѣтія, то ему возвращаются двѣ части уплаченнаго калыма, а одна часть остается въ пользу отца невѣсты. По смерти невѣсты женихъ долженъ посѣтить аулъ ея родителей, иначе онъ теряетъ право на ея сестру.

Если женихъ откажется отъ женитьбы на младшей сестрѣ умершей невѣсты, то онъ лишается отданнаго имъ за умершую калыма.

Если родители умершей невѣсты откажутся отъ выдачи жениху слѣдующей дочери, то они обязываются возратить взятый ими за первую дочь калымъ и сверхъ того заплатить еще анпъ въ одинъ тогузъ. По 3 § Курбамъ—Каикскаго съѣзда народныхъ судей 1896 г.: „Если умереть женихъ, а невѣста еще живетъ у своихъ родителей, и если она не пожелаетъ выйти за кого нибудь изъ его родственниковъ, то пусть весь уплаченный калымъ будетъ возвращенъ его родителямъ“. При возвращеніи жениху калыма родителями умершей невѣсты, за неимѣніемъ у нихъ другой дочери, принимается во вниманіе, имѣли-ли женихъ тайныя сношенія съ невѣстой или нѣтъ, т. е. если смерть

произошла до перваго посѣщенія имъ невѣсты, то калымъ возвращается весь, а если послѣ,—то удерживается изъ него тяс—бастатканъ тогузъ. Впрочемъ за послѣднее время въ этомъ случаѣ стали возвращать только $\frac{1}{2}$ калыма.

Если смерть невѣсты послѣдуетъ послѣ уплаты за нее послѣдней части калыма—туймала, т. е. предъ самымъ взятіемъ ея женихомъ, тогда калымъ возвращается ему не калымомъ, а приданымъ, предназначеннымъ умершей. Женихъ не имѣетъ права требовать ни выдачи за себя взаимно умершей своей невѣсты ея сестры, ни возвращенія себѣ въ натурѣ всего или части калыма,—ибо вмѣстѣ съ уплатою туй-мала кончается весь „брачный торгъ“, и невѣста становится окончательно выторгованною его женою. Смерть ея вполне равносильна тому,—какъ если-бы она послѣдовала по взятіи ея женихомъ къ себѣ въ домъ.

Въ случаѣ смерти жениха невѣста переходитъ къ одному изъ его братьевъ, по преимуществу холостому, или за неимѣніемъ таковыхъ къ ближайшему родственнику въ боковыхъ линіяхъ.

„Если умереть женихъ, то засватанная имъ невѣста дѣлается невѣстой его брата или родственника“. (Загряжскій § 73).

При чемъ къ прежнему калыму прибавляется одна лошадь, если братъ покойнаго холостой, а если онъ уже женатъ, то долженъ прибавить къ прежнему калыму тяс-бастатканъ тогузъ. Само собой разумѣется, что родители невѣсты за выдачу ея женатому брату соглашаются только тогда, когда нѣтъ холостого, или хотя есть холостой, но женатый братъ прибавляетъ къ прежнему калыму двойной или тройной тогузъ.

Если женихъ посѣщалъ невѣсту, то послѣ его смерти родители невѣсты привозятъ ее въ траурной повязкѣ въ аулъ умершаго и здѣсь она оплакиваетъ покойнаго въ теченіи года, а затѣмъ выходитъ замужъ за брата умершаго или его родственника.

Родителямъ умершаго жениха родителями невѣсты дѣлаются утѣшительные подарки—„аза“.

Если послѣ умершаго не осталось ни одного брата, то родители невѣсты возвращаютъ роднымъ жениха калымъ или весь, когда это случится до посѣщенія покойнымъ

своей невѣсты, или съ удержаніемъ изъ него одного тус-бастатканъ тогузъ, или $\frac{1}{2}$, когда умершій имѣлъ при жизни официальное свѣданіе съ невѣстой. Разборъ этотъ дѣлается потому, что нареченные супруги весьма часто спѣшатъ при тайныхъ свиданіяхъ напередъ воспользоваться своими будущими правами, а корыстолюбивые родственники невѣсты предоставляютъ имъ это, какъ право на удержаніе непринадлежащаго имъ имущества.

Если родители невѣсты откажутся отъ выдачи ея замужъ за котораго-бы то ни было изъ братьевъ умершаго жениха, то они обязаны возратить весь калымъ съ прибавленіемъ отъ себя одного тогуза или одной лошади въ штрафъ.

Когда женихъ умретъ послѣ уплаты всего калыма, даже туй-мала, то невѣста его должна быть отослана со всѣмъ приданымъ къ родителямъ умершаго, гдѣ женится на ней кто-либо изъ братьевъ или изъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго.

Какія мѣры принимаютъ иногда киргизы для того, чтобы заставить невѣсту выйти замужъ за брата или за родственника покойнаго жениха, можно видѣть изъ слѣдующаго факта: „молодой киргизъ Полатъ былъ сговоренъ съ самой красивой дѣвушкой Туглукскаго аула. Калымъ уже былъ врученъ отцу дѣвушки Ишъ Джану, и срокъ брака былъ уже назначенъ, но за нѣсколько дней до свадьбы Полатъ умеръ и Муна Аимъ стала опять свободной. Тогда является Сулукъ, братъ покойнаго, и требуетъ Муну Аимъ себѣ въ жены. Отецъ ея рѣшилъ, что ей надо выйти замужъ, но сама она, считая теперь себя обезпеченною вдовой и полною хозяйкой своихъ дѣйствій, на отрѣзъ отказалась выходить замужъ. Отецъ сталъ ее тогда гнать отъ себя. Она взяла свое имущество, ушла изъ отцовской кибитки, купила себѣ маленькую кибитку и поселилась въ ней одна, безъ устали работая надъ своимъ маленькимъ хозяйствомъ. Когда аулъ тронулся съ мѣста, она пошла со всѣми и поставила свою юрту недалеко отъ другихъ. Тогда всѣ старухи озлились на нее. „Что это дѣлается съ Муна Аимъ?“ говорили онѣ,—„она не хочетъ итти къ своему законному мужу и живетъ одна, какъ бродяга,—пойдемте уговоримъ ее!“ И онѣ отправились къ ней, исцарапали ей лицо, драли ее за

волоса, но Муна Аимъ только плакала, ломала себѣ руки, а къ мужу не пошла. Съ тѣхъ поръ старухи стали сходиться къ ея кибиткѣ каждый день, ругали и мучили ее до такой степени, что она чуть глаза себѣ не выплакала, но ничто не могло сломить ее... Тогда Сулукъ взялся самъ покончить съ этимъ дѣломъ по своему. Онъ ночью ворвался съ товарищами въ кибитку Муна Аимъ съ тѣмъ, чтобы увлечь ее къ себѣ и взять ее въ жены, но она защищалась какъ кошка, и мужчины всѣ вмѣстѣ не могли сладить съ нею. Притянутая къ выходу она схватилась за дверной косякъ и держалась такъ крѣпко, что они принуждены были порубить ей пальцы, чтобы сдвинуть ее съ мѣста. Когда они выволокли, наконецъ, ее изъ кибитки, на ней не осталось ни клочка одежды и все тѣло было окровавлено, но она все еще боролась.... Тогда Сулукъ вскочилъ на лошадь, схватилъ дѣвушку за волосы и волочилъ ее до тѣхъ поръ, пока не выдергалъ у ней всѣ волосы съ корнями,—потомъ ускакалъ, а ее бросилъ на землѣ—нагую, окровавленную, полумертвую. Исторія эта окончилась болѣе или менѣе благополучно. Муна Аимъ не хотѣла выйти замужъ за Сулука потому, что любила другого—Алима. Онъ принадлежалъ къ сосѣднему аулу, который зимовалъ рядомъ съ ея ауломъ, а лѣтомъ перекочевывалъ въ другую сторону. Когда Муна Аимъ, не смотря на всѣ истязанія выздоровѣла и вернулась въ свою зимовку, то тамъ она встрѣтилась съ Алимомъ и вышла за него замужъ. Сулукъ же, по распоряженію начальства (генерала Кауфмана), былъ схваченъ и сосланъ въ Сибирь. Товарищи его понесли тоже довольно тяжелое наказаніе.

Условія для вступленія въ бракъ.

1) Вѣроисповѣданіе.

Однимъ изъ первыхъ и главныхъ условій при заключеніи брака киргизъ является единство вѣроисповѣданія брачующихся. „Киргизъ не можетъ вступать въ бракъ съ не единовѣркою. Киркизка же не можетъ выйти замужъ за не единовѣрца“ (§ 43. Загряжскій. Юридическій обычай киргизъ). Бракъ, не удовлетворяющій этому условію, признается

незаконнымъ и немедленно расторгается. Вѣриѣ здѣсь даже и нѣтъ рѣчи о бракѣ, а есть только простое незаконное сожитіе.

2) Согласіе родителей.

Бракъ у киргизъ лишенъ религіознаго значенія. Онъ есть просто гражданская сдѣлка, самое главное условіе которой составляетъ калымъ. О нравственныхъ отношеніяхъ жениха и невѣсты киргизы не имѣютъ представленія. О взаимной любви и симпатіи ихъ не можетъ быть и рѣчи. При заключеніи брачныхъ условій даже не требуется согласія жениха и невѣсты. Все дѣлается по волѣ родителей, и дѣти не смѣютъ имъ противорѣчить и не исполнить ихъ распоряженій. При томъ родители сплошь и рядомъ заключаютъ „брачный торгъ“ еще тогда, когда дѣти ихъ находятся въ пеленкахъ и колыбели. Такимъ образомъ бракъ у киргизъ совершается родителями жениха и невѣсты безъ всякаго активнаго участія со стороны послѣднихъ. Изъ этого видно, что воля родителей при заключеніи брака—все. Дѣти безъ согласія ихъ вступить въ бракъ никоимъ образомъ не могутъ. „Невыдѣленный сынъ не можетъ вступить въ бракъ безъ согласія своего отца, если послѣдній находится въ живыхъ. Киргизка также не можетъ вступать въ бракъ безъ позволенія отца,—говоритъ Загряжскій.—Это рѣшительное значеніе семейной власти въ бракъ согласуется вполне съ тѣмъ состояніемъ быта киргизъ, въ которомъ свойство гражданской личности принадлежитъ не столько отдѣльному человѣку, сколько семьѣ. Каждая семья имѣетъ своего главу и представителя; каждый мужчина въ семьѣ рано или поздно долженъ стать главою и представителемъ семьи своей. Отсюда возникаетъ представленіе, съ одной стороны, о „правѣ“ начальника семьи женить и выдавать замужъ дѣтей своихъ ему подвластныхъ,—съ другой стороны, объ „обязанности“ каждаго взрослого и здороваго человѣка вступить въ бракъ и основать свою семью.

Какіе же мстивы и соображенія руководятъ родителями при бракѣ ихъ дѣтей? у киргизъ есть пословица: „Калынъ алма, кайнъ алъ“, т. е. не выбирай себѣ невѣсты, а выбирай „каинъ“. (Родители, близкіе родственники, какъ

невѣсты, такъ и жениха, и родъ, къ которому они принадлежатъ, по отношенію къ нимъ, называются „каинъ“). Поэтому-то при сватовствѣ многіе киргизы принимаютъ во вниманіе главнымъ образомъ матеріальное состояніе и положеніе въ обществѣ каина. Личныя же качества и достоинства брачующихся не играютъ никакой роли. Богатство и вліяніе каина—вотъ главные мотивы, которые рѣшаютъ судьбу будущихъ супруговъ. Корыстные расчеты при этомъ занимаютъ въ большинствѣ случаевъ, конечно, первое мѣсто. Родители невѣсты стараются взять за свою дочь какъ можно больше калыма, а родители жениха дѣйствуютъ совершенно наоборотъ. При этомъ на калымъ киргизы смотрятъ, какъ на источникъ наживы, а на женщину, какъ на средство для нея. Отсюда и является желаніе продать ее какъ можно дороже и какъ можно выгоднѣе сбыть ее съ рукъ.

3) В о з р а с т ѣ .

Совершеннолѣтіе киргизъ начинается съ 15 лѣтъ. Юноша 14 лѣтъ, смотря по уму можетъ считаться и совершеннолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ. Зависитъ это отъ того, заявитъ ли онъ себя предъ судомъ совершеннолѣтнимъ или несовершеннолѣтнимъ

Вступать въ бракъ киргизы могутъ и до совершеннолѣтія, но во всякомъ случаѣ не ранѣе 13 лѣтъ, какъ жениху, такъ и невѣстѣ. Положеніемъ 1868 г. запрещено вступать въ бракъ ранѣе 16 лѣтъ, но законъ этотъ дѣйствителенъ только на бумагѣ, а не на дѣлѣ и не въ жизни. Однако моложе 15 лѣтъ мужчина и женщина не вѣнчаются; этого не позволяетъ и обычай. Подъ вѣнчаніемъ, какъ мы видѣли, разумѣется выполняемая муллою обрядность, послѣ которой молодая переходитъ въ юрту мужа. Сожительство же жениха и невѣсты нерѣдко допускается не только 13 лѣтъ, но 12 и даже 11.

О вредѣ такого ранняго замужества нечего и распространяться. Дѣтскій, нѣжный организмъ еще не приготовленъ ко всѣмъ тяжелымъ обязанностямъ, къ которымъ предназначена женщина. Отсюда являются болѣзни, преждевременное увяданіе женщины и слабость рождающагося отъ нея потомства.

Если къ этому добавить, что изъ за корыстныхъ видовъ, обусловливаемыхъ калымомъ, юныя дѣвочки соединяются иногда узами брака съ пожилыми людьми, а то и просто со стариками, то стоитъ призадуматься надъ участіемъ этихъ несчастныхъ дѣтей и надъ жестокостью ихъ родителей и родственниковъ. Конечно, подобные браки никогда не бывають результатомъ согласія брачующихся, потому что—кто же у киргизъ станетъ справляться о желаніи дѣвушки? да и можно-ли ожидать разумнаго отношенія въ столь важномъ вопросѣ со стороны 11—12 лѣтнихъ дѣтей?

Много есть причинъ, вызывающихъ у киргизъ подобные браки. Главной изъ нихъ является слѣдующая: киргизы не смотрять на женщину, какъ на существо равное себѣ; они не видать въ ней такое созданіе Божіе, какъ мужчина. Женщина, по ихъ взглядамъ, существо низшее, которое можно продавать и покупать. Последнее воззрѣніе выработалось изъ за второй причины—изъ за калыма. На калымъ киргизы, какъ было сказано выше, часто смотрять какъ на источникъ наживы, а на женщину, какъ на средство для нея. Отсюда и является желаніе, какъ-бы подороже сбыть товаръ съ рукъ. Очевидно, что старикъ за невѣсту дастъ больше, чѣмъ молодой,—и вотъ алчные родители выдаютъ дочь за старика.

Иной разъ нужны деньги, а взять ихъ неоткуда. Смотрять, смотрять родители на дочь, да и махнуть рукой. Гдѣ ждать еще 2—3 года, когда, сыгравъ свадьбу, деньги или скоть можно получить сейчасъ-же. Жертвой этого, козломъ отпущенія и является неразумное дитя.

Нѣкоторые киргизы для оправданія браковъ малолѣтнихъ приводятъ не многія, конечно, экономическія и отчасти даже нравственныя основанія. По ихъ мнѣнію, ранніе браки иногда вызываються прямо таки необходимостью. Умираетъ, напримѣръ, женихъ 18 лѣтнаго возраста и уплатившій за невѣсту калымъ. Невѣста, иногда равныхъ лѣтъ съ умершимъ женихомъ, должна по обычаямъ киргизъ, принадлежать его брату по старшинству. Если послѣднему не болѣе 8 или 9 лѣтъ, то въ такомъ случаѣ невѣсту покойнаго брата стараются взять скорѣе, чтобы сохранить ея нравственность. Главнымъ-же образомъ дѣлають это для того, чтобы она въ ожиданіи совершеннолѣтія своего буду-

шаго супруга, увлеченная, быть может, любовью другого, не вышла за него замужъ тайно, а это для ея родителей въ высшей степени невыгодно, такъ какъ они должны воз-
вратить взятый за нее калымъ, иногда съ чувствительной надбавкой.

Часто послѣ смерти отца и матери невѣсты, не имѣющей состоятельныхъ родственниковъ, отецъ жениха беретъ ее на пропитаніе къ себѣ, чтобы не пропалъ уплаченный за нее калымъ. Дѣти растутъ въ такомъ случаѣ вмѣстѣ, и какъ только начинается въ нихъ проявленіе естественныхъ побужденій, родители предоставляютъ имъ полную свободу для ихъ удовлетворенія.

Иногда родители высватанной невѣсты, по своей бѣдности, добровольно отдають ее ребенкомъ на пропитаніе до извѣстнаго возраста отцу жениха; по достиженіи котораго сосватанные вступаютъ въ супружество на обыкновенныхъ условіяхъ.

Что касается предѣльнаго старческаго возраста, вступленіе въ бракъ послѣ котораго запрещались-бы безусловно, то такового, по обычаямъ киргизъ, нѣтъ. Жениться въ 70, 80 лѣтъ и далѣе не запрещается. Въ степи не рѣдки случаи, что 80 лѣтній старикъ женится на 15—17 лѣтней дѣвочкѣ. Разница лѣтъ брачующихся не является препятствіемъ для заключенія брака. Въ подобныхъ случаяхъ главную роль опять, конечно, играетъ корысть родителей невѣсты: „не старику даемъ, а деньгамъ“, гласитъ киргизская поговорка.

4) Родство, свойство и пр.

Къ общимъ условіямъ вступленія въ бракъ принадлежить также отсутствіе родства между женихомъ и невѣстой въ извѣстныхъ степеняхъ.

Родственниками считаютъ себя всѣ киргизы одного отдѣленія и братъ жену изъ своего отдѣленія нельзя. Прежде правила о родствѣ были въ высшей степени строги, такъ что бракъ запрещался между родственниками до 7 колѣна включительно, теперь же строгость этихъ правилъ въ значительной степени ослаблена. Браки заключаются между ордами, родами, колѣнами и т. д. до седьмого предка, т. е.

до седьмой степени по мужской линіи, но иногда заключаются и до 4-й и 3-ей степени, по женской же линіи бракъ дозволяется и во 2-мъ колѣнѣ. такъ что можно жениться на своей двоюродной сестрѣ, на двоюродной теткѣ и проч. по женской линіи. Однако считается не приличнымъ вступать въ бракъ въ степеняхъ родства отъ 4-го до 7-го колѣна по мужской линіи. Вступившіе въ бракъ въ такихъ степеняхъ родства хотя и не могутъ быть разведены, но подвергаются презрѣнію своихъ родичей.

Вступившіе въ бракъ въ 3-хъ первыхъ степеняхъ родства по мужской линіи, по немедленномъ расторженіи брака, подвергаются посрамленію. Свидѣтели, бывшіе при бракѣ, знавшіе его незаконность, подвергаются тѣлесному наказанію—*отъ 30 до 70 ударовъ нагайкою*. Муллы, незаконно вѣнчавшіе брачующихся лишаются званія муллы и также подвергаются тѣлесному наказанію—*отъ 75 до 90 ударовъ нагайкою или палками*.

Затѣмъ нельзя жениться на мачихѣ, на ея сестрѣ, на падчерицѣ, снохѣ, тещѣ и наконецъ на сестрѣ жены своего родного брата (свояченицѣ).

Свойство является препятствіемъ для брачнаго союза только въ томъ случаѣ, если живо лицо, его установившее. Послѣ же его смерти оно теряетъ всякое значеніе и является даже побудительной причиной къ заключенію брачныхъ узъ. Киргизъ, напримѣръ, не можетъ вступить въ бракъ съ дочерью брата жены, *съ родною сестрою своей жены*, пока эта послѣдняя находится въ живыхъ. По смерти ея онъ имѣетъ право требовать отъ родителей или родственниковъ умершей, чтобы они отдали ему въ замужество или ея сестру, или родственницу. Въ случаѣ ихъ несогласія на это онъ можетъ требовать ихъ къ суду. Такимъ же образомъ и родственники умершей объявляютъ свою претензію на зятя, если этотъ послѣдній будетъ отказываться отъ супружества съ сестрою или родственницею умершей его жены. Зятя считаютъ родственникомъ до тѣхъ поръ, пока жива его жена, говоритъ Харузинъ.

Переходъ вдовы къ брату умершаго мужа также служитъ подтвержденіемъ высказаннаго мнѣнія.

Кромѣ родства кровнаго и свойства оказываетъ вліяніе на заключеніе браковъ ^и киргизъ еще, если можно такъ вы-

разиться, родство искусственное „одномолочность“ и усыновление.

По словамъ Загряжскаго „нельзя заключать бракъ съ молочными сестрами“ — „нельзя жениться на кормилицѣ (энеке) и молочной сестрѣ (эмегдас), на ближайшихъ же родственникахъ ихъ можно) (Гродековъ стр. 30). По свидѣтельству же Харузина „усыновленного считаютъ родственникомъ, и онъ на дочери усыновителя жениться не можетъ“.

Причины, по которымъ киргизы не берутъ невѣстъ въ близкихъ степеняхъ родства тѣ же самыя, какія обыкновенно приводятъ всѣ законовѣды для оправданія такого положенія. Причины эти—нравственныя, фізіологическія и историческія. Такъ, говорятъ, что родство само по себѣ удовлетворяетъ извѣстнымъ потребностямъ человѣческаго духа, но что есть и другія потребности духа, которыя удовлетворяются бракомъ: если бы допустить бракъ между родственниками, то это значило-бы смѣшать разнородныя потребности и не удовлетворить ни одной изъ нихъ. Напримѣръ, отношенія между братомъ и сестрой самыя тѣсныя, нѣжныя, но совершенно иныя, нежели отношенія между лицами разнаго пола, не связанныя родствомъ между собою, такъ что еслибы сестра была женою брата, то она не удовлетворяла бы потребности, которой удовлетворяетъ жена и, точно также, не удовлетворяла-бы той потребности, которой удовлетворяетъ теперь. Кромѣ того, какъ говорятъ киргизы, при близкихъ бракахъ не было-бы стыдливости между парнями и дѣвицами одного аула, и они не стѣснялись-бы имѣть между собою любовныя сношенія (ой насады).

Фізіологическія причины запрещенія браковъ между близкими родственниками тѣ, что будто-бы между лицами, связанными родствомъ, нѣтъ половыхъ влеченій, и что браки между родственниками ведутъ къ дегенераціи поколѣній. Что касается перваго обстоятельства, то оно справедливо только по отношенію къ ближайшимъ родственникамъ и объясняется скорѣе не природою человѣка, а условіями постоянного сожительства, привычкою къ мысли, что между ними не должно существовать никакихъ половыхъ влеченій. Большаго вниманія заслуживаетъ вторая мысль: наблюденія надъ животными, дѣйствительно, пеказываютъ, что отъ со-

вокупленія между родственными парами вырождаются племена животных; по аналогіи должно признать это справедливымъ и по отношенію къ человѣческой природѣ. „При такихъ бракахъ потомство бываетъ не многочисленно (сѣмя ихъ не растетъ—тухми усмейди), и мужъ бываетъ слабосиленъ въ половомъ отношеніи (ургачига кемкуват булады)“.

Наконецъ, историческія причины запрещенія браковъ между родственниками состоятъ въ связи съ условіями родового быта, переживаемаго быстрѣе или медленнѣе каждымъ народомъ. Извѣстно, что въ родовомъ быту первоначально существуетъ вражда между отдѣльными родами и только мало по малу сближаются они между собою; вражда ослабѣваетъ и даже прекращается, между прочимъ помощью браковъ между лицами, принадлежащими къ разнымъ родамъ, такъ что въ медленномъ органическомъ развитіи человѣчества бракъ оказываетъ весьма важную услугу цивилизаціи, составляя одно изъ могущественныхъ орудій Провидѣнія въ приготовленіи общественнаго состоянія, противнаго тому, которое характеризуется всеобщей войною — *bellum omnium contra omnes*. Ту же связующую силу проявляетъ бракъ и впоследствии, по выходѣ общества изъ родового быта: не только сами супруги сближаются до того, что считаютъ всѣхъ остальныхъ болѣе чуждыми себѣ, нежели они другъ къ другу, но и родственники супруговъ, нерѣдко до брака ихъ совершенно чуждые между собою, считаютъ уже себя своими. Причина эта является одной изъ главныхъ при запрещеніи у киргизъ брака между близкими родственниками. Родовой бытъ киргизъ, оказывая громадное вліяніе на всю ихъ общественную жизнь даже теперь, — въ прежнее время былъ единственной силой, которая всецѣло подчиняла себѣ все и всѣхъ. Въ рода не было спасенія. Поэтому вполне понятно, что связь между отдѣльными родами для увеличенія ихъ значенія и могущества завязывалась брачными узами. На это были направлены и нормы права.

5) Ч и с л о ж е н ъ .

„Свободнымъ разрѣшено имѣть четырехъ женъ, такъ-какъ пророкъ сказалъ: „вы можете вступить въ бракъ съ жейщинами пріятными вамъ—двумя, тремя или четырьмя“ (Хидая гл. I стр. 145).

Такимъ образомъ многоженство дозволяется, но въ одно время нельзя имѣть болѣе четырехъ женъ. Въ случаѣ развода или смерти одной изъ своихъ женъ киргизъ можетъ вступить въ новый бракъ съ однимъ только ограниченіемъ—не имѣть болѣе четырехъ женъ. Согласія на новый бракъ, у старыхъ женъ мужъ, конечно, не спрашиваетъ.

Наложницъ киргизъ можетъ имѣть безъ ограниченія количества.

Мужъ четырехъ женъ долженъ, по адату, по очереди ночевать съ каждой. Та, которой очередь ночевать, варить кушанье. Старшей женѣ (байбише) младшія—(токаль или кши катынь) оказываютъ особое уваженіе. Во всемъ прочемъ онѣ одинаковы. Дѣти всѣхъ ихъ равноправны.

Не смотря на то, что у киргизъ дозволено многоженство, изъ нихъ рѣдко кто имѣетъ болѣе двухъ женъ. Обыкновенно-же имѣютъ только по одной. Объясняется это тѣмъ, что содержаніе женъ и уплата за нихъ калыма родителямъ очень обременительна, тѣмъ болѣе, что уплата эта возрастаетъ съ количествомъ женъ, такъ что вторая жена стоитъ дороже первой, третья дороже второй, а четвертая дороже третьей. Вслѣдствіе этого вѣскольکو женъ можетъ имѣть только богачъ, большинство же довольствуется одной.

Для законнаго существованія многоженства киргизы приводятъ различныя причины. По ихъ словамъ, объяснить основаніе многоженства кромѣ допущенія религіею можно еще тѣмъ, что всякій киргизъ, женившійся по произволу родителей, а не по своему выбору,—не всегда находитъ въ своей женѣ тѣ качества, какія-бы ему хотѣлось имѣть въ ней. Вслѣдствіе этого между такими супругами является охлажденіе и разстройство, а потому, если позволяетъ состояніе, киргизъ беретъ себѣ въ жены другую, оставляя впрочемъ за собой и прежнюю. Побудительной причиною къ многоженству является иногда и нерожденіе женою наслѣдника. У киргизъ сложилась даже пословица, безъ объясненія показывающая цѣль ихъ многоженства: „байталь кобъ болса, кулунда куб булады (Если много будетъ кобылъ, то и жеребятъ будетъ много)“.

Однако, не смотря на такія основанія, многоженство среди киргизъ не пользуется симпатіями, что ясно выра-

жается ихъ пословицами: „Имѣющій одну жену будетъ ссориться съ нею“; „Имѣющій двухъ женъ умретъ съ голода“; „Злой собираетъ палки, а глупый набираетъ женъ“ (тентек баканджіаде, телей хатын джіаде); „Старшая (первая) жена—Божіе благословеніе, а послѣдующія—собачій хвостъ“; „Кто имѣетъ двухъ коровъ, у того домъ обиленъ молокомъ. а кто женится на двухъ женахъ, въ домѣ того ссора и распря“ и т. д.

Очевидно, здравомыслящіе киргизы прекрасно сознаютъ вредъ многоженства. Дѣйствительность еще сильнѣе подтверждаетъ это. Киргизъ, обремененный нѣсколькими женами, не знаетъ семейнаго счастья. Не даромъ говоритъ киргизская пословица: „Эки катынъ алыпсынъ бръ балего калыпсынъ“ (не миновать несчастья при двухъ женахъ). Постоянныя ссоры и непріятности между женами часто огорчаютъ мужа, и онъ скоро становится грубымъ и подозрительнымъ по отношенію къ нимъ. Не довѣряя женамъ, онъ ставитъ у каждой шпіона, который, пользуясь покровительствомъ хозяина, доноситъ ему всевозможныя небывлицы. Часто мужъ симпатизируетъ одной изъ женъ, стараясь это скрыть отъ другихъ, но тѣ, обыкновенно, скоро узнаютъ это и между ними и любимицей начинается ожесточенная война. Онѣ прибѣгаютъ ко всевозможнымъ хитростямъ, интригамъ, сплетнямъ, чтобы только вернуть къ себѣ расположеніе мужа и оклеветать и очернить въ глазахъ его другую. И въ такихъ случаяхъ всегда почти беретъ верхъ самая ловкая и хитрая, а правдивая и искренняя неутѣшно страдаетъ и проклинаетъ свою судьбу.

6) Калымъ (калынъ, калынъ малъ).

Вступленіе въ бракъ у киргизъ обуславливается главнымъ образомъ уплатою калыма. „Вступающій въ бракъ обязанъ выплатить родственникамъ невесты калымъ. Калымъ выплачивается *сполна до совершенія* брака“ (Загряжскій). „Никто не имѣетъ права, не уплативши полнаго калыма и обычныхъ съ нимъ каде, рассчитывать на бракосочетаніе съ невестой и на взятіе ся себѣ“. Поступаетъ калымъ въ непосредственное распоряженіе отца невесты, сливается съ остальнымъ его имуществомъ и переходитъ послѣ его смерти

къ его наслѣдникамъ, какъ и все собственное его имущество. Сама невѣста никакихъ правъ на калымъ не имѣетъ. Калымъ уплачивается постепенно. Женихъ ежегодно вносить его частями. Невѣста же ждетъ окончательной его уплаты. Иногда случается, что женихъ не въ состояніи уплатить всего калыма, тогда ему или прощаютъ оставшееся и выдаютъ дочь, или прочать за него другую—помоложе, которая еще можетъ ждать, а старшую выдаютъ за другого. Въ крайнемъ случаѣ выдаютъ жениху обратно то, что отъ него получено.

Если же женихъ не доплатитъ части калыма и увезетъ невѣсту тайно отъ родителей, то онъ, сверхъ возвращенія ея къ родителямъ, подвергается айту отъ одного атъ-туна до одного тогуза. послѣ чего и по уплатѣ состоящей на немъ части калыма имѣетъ право взять невѣсту къ себѣ. Однако въ настоящее время, до уплаты всего калыма, для избѣжанія свадебныхъ расходовъ на угощеніе (туй), на подарки и пр. часто случается, что родители невѣсты сами разрѣшаютъ жениху, какъ-бы тайно, похитить невѣсту и увезти ее къ себѣ. На этотъ случай существуетъ слѣдующее правило: „если женихъ увезетъ невѣсту съ согласія и за нею, по обычаямъ киргизъ, поѣдетъ погоня—ея родные, то послѣдніе должны помириться съ женихомъ, взявши съ него за увозъ невѣсты вознагражденіе (жоль) и обязаться при этомъ доставить приданое (джасау) невѣсты. Если же они приданого не доставятъ, то жениху разрѣшается предъявлять къ нимъ искъ“. (§ 6 Чрезвычайнаго съѣзда Народныхъ Судей Устькамменогорскаго и Семипалатинскаго у.у. 1896 года).

О количествѣ калыма заключаютъ условіе сваты. Размѣры его весьма разнообразны—у богатыхъ и бѣдныхъ, за невѣсту красивую и некрасивую и пр. За дѣвицу со вдовцемъ требуютъ гораздо больше калыма, чѣмъ съ людей холостыхъ, такъ какъ считается даже униженіемъ для киргиза, если дочь его сватаетъ вдовецъ. Богатые киргизы платятъ за невѣсту калымъ, такъ называемый „крыкъ джети“ (47). Этотъ калымъ „47“, распредѣляется на слѣдующія части и названія:

- 1) Басъ джаксы (хорошее начало)—девять верблюдовъ.

2) Кулынды бие (кобыла съ жеребенкомъ)—восемь (16 головъ).

3) Кунанъ-кунаджинъ (жеребята и кобылы по третьему году)—восемь головъ.

4) Тай (жеребята по 2-му году)—7 штукъ.

5) Джика-ту-бия—одна, нѣсколько лѣтъ не жеребившаяся кобыла.

6) Джанама-джаксы (душѣ угодно)—одна лошадь или верблюдъ, по выбору, и въ придачу одна какая-либо лошадь (тусъ-атъ).

7) Аякъ-джаксы (хорошій конецъ)—1 верблюдъ. 1 лошадь, 1 корова и въ придачу оружіе.

Размѣръ калыма средняго класса колеблется между 27 и 37 головами скота. Наконецъ бѣдный классъ народа платить, такъ называемый, „дунгелекъ калымъ“ (круглый), отъ 7 до 9 штукъ скота; но въ сущности этотъ калымъ крайне неопредѣленъ и часто обходится безъ всякихъ подарковъ съ той и другой стороны.

Обыкновенно-же киргизы считаютъ калымъ по жыйырмамъ. Жыйырма—значить двадцать (20). Сначала прирядѣ о калымѣ спрашиваютъ, сколько жыйырма дадутъ въ калымъ. Больше шести никогда не дается. Разсчетъ калымныхъ жыйырма въ большинствѣ случаевъ ведется такой: лошадьми 4 кобылы съ жеребятами и 2 жеребья—„торть кулынды бие“ (это 12), по другому году два самца и двѣ самки—„торть тай“, два жеребчика и двѣ кобылки по третьему году—„еке кунанъ“, итого двадцать штукъ. Шестьдесятъ барановъ, въ томъ числѣ и маленькіе одно и двухлѣтніе,—жыйырма. Два мерина (атъ) и два верблюда или четыре „атанъ“—одна жыйырма. Средняя стоимость жыйырма сто пятьдесятъ рублей (150 руб.).

Калымъ платится постепенно и состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

1) Басъ-жаксы—наилучшее. Въ настоящее время осталось только названіе безъ реального какого-либо содержанія.

2) Кара-малъ, платимый женихомъ при самомъ началѣ сватовства, есть, такъ сказать, фундаментальная часть калыма, выражающая какъ-бы стоимость невѣсты. Величину кара-малъ можно опредѣлить отъ одной до пяти жыйырма.

3) Илю—плата, слѣдующая съ жениха за первое посѣщеніе неvěсты и за первое свиданье съ нею. Свиданье это называется „урунъ келю“ и бываетъ въ большинствѣ случаевъ тогда, когда неvěста достигнетъ четырнадцатилѣтняго возраста. Эта часть по объему почти всегда равняется кара-малъ, а иногда бываетъ и больше его.

4) Туй-малъ-то, что нужно для праздника, которымъ обыкновенно сопровождается окончательный свободный обрядъ вѣнчанія. вмѣстѣ съ этою частью калыма женихъ доставляетъ еще столько кошмъ, сколько нужно для покрытія верхней части приданной кибитки, нижняя часть которой покрывается на счетъ родителей неvěсты. Величина туй-мала соразмѣряется съ приданымъ неvěсты. Эта часть калыма имѣетъ существенное и очень важное значеніе: съ съ уплатою ея кончается брачный договоръ и неvěста дѣлается окончательно женою, такъ что если даже женихъ умретъ послѣ уплаты туй-мала, то неvěста должна быть отослана къ его родителямъ.

5) Сютъ-аки значить плата за материнское молоко, которымъ выкармливалась неvěста въ дѣтствѣ. Простирается она отъ одного до семи верблюдовъ.

Кромѣ этого женихъ еще дѣлаетъ массу подарковъ (каде) родителямъ неvěсты, родственникамъ ея, знакомымъ, подругамъ и т. д.

При обоюдномъ сватовствѣ, когда, напр., женихъ высватаетъ у кого нибудь сестру съ тѣмъ, чтобы выдать за него свою сестру или близкую родственницу, калымъ не платится. Такая мѣна встрѣчается только у самыхъ бѣдныхъ киргизъ. Она называется „карсы-куда“ т. е. встрѣчное сватовство.

Калымъ не уплачивается, если снова вступаютъ въ бракъ бывшіе супруги послѣ развода.

Въ случаѣ смерти неvěсты или жениха и въ случаѣ если ихъ нельзя замѣнить родственниками или родственницами, калымъ возвращается жениху или роднымъ его, смотря по тому, кто производилъ уплату калыма.

Послѣ смерти жены или развода съ нею по требованію мужа калымъ не возвращается, хотя-бы разводъ былъ слѣдствіемъ распутнаго поведенія жены. Мужъ въ правѣ требовать отъ родителей жены возврата части или всего ка-

лыма только въ томъ случаѣ, если жена будетъ добиваться развода противъ его желанія, и если семейная ихъ жизнь разстраивается не по его винѣ. Онъ-же имѣетъ право требовать уплаты калыма съ того, кто увезетъ его жену съ цѣлью жениться на ней, столько, сколько самъ заплатилъ за нее ея родителямъ.

Другія правила о калымѣ и его возвращеніи указаны въ случаяхъ нарушенія сватовства и въ случаяхъ смерти жениха или невѣсты.

По уплатѣ калыма родители невѣсты обязаны выдать ее жениху немедленно съ приданнымъ (джасау), состоящимъ изъ кибитки (утау), верблюда или верховой лошади и другого скота, головного убора невѣсты (саукелѣ) замѣняемаго у бѣдныхъ киргизовъ головнымъ уборомъ женщины (жау-лукъ), постели съ разнымъ приборомъ (тусекъ орынъ) и сундука съ различною одеждою и другими вещами (жасау).

„Калымъ идетъ въ пользу отца или родственниковъ невѣсты, которые, съ своей стороны обязаны дать невѣстѣ приличное ихъ состоянію приданое, заключающееся непременно прежде всего въ юртъ, домашней утвари и постели“ (§ 78. Загряжскій).

Если женихъ уплатилъ калымъ, и родители назначили срокъ свадьбы, а потомъ отложили ее подъ тѣмъ предлогомъ, что неготово приданое, имѣя къ тому средства и полную возможность, тогда должно заставить послѣднихъ къ немедленной выдачѣ невѣсты силою, отдѣливъ, взаменъ слѣдующаго ей приданого, часть изъ родительскаго наличнаго скота. Тоже самое слѣдуетъ сдѣлать и съ тѣмъ, кто, получивъ полный калымъ, не далъ за дочью никакого приданого, имѣя къ тому также полную возможность и средства.

Приданое, принесенное киргизкой, хотя и считается ея собственностью, но фактически имъ распоряжается мужъ. Оно перестаетъ быть ея собственностью, если она убѣжитъ съ кѣмъ-нибудь, или если разводъ ея съ мужемъ состоится по ея винѣ.

При деспотическомъ обращеніи мужа и по другой его винѣ киргизкѣ предоставлено право, на основаніи обычаевъ, требовать справедливаго разбора семейнаго раздора и развода. По полученіи ею разводной бумаги (талагъ кагазъ)

мужъ долженъ возвратить ей саукеле и тѣхъ лошадей и верблюдовъ, которыхъ она получила въ качествѣ приданого.

По смерти киргизки все ея приданое остается у ея мужа, если она послѣ себя оставила дѣтей—прямыхъ наследниковъ. Если послѣ ея смерти не останется дѣтей, то ея родители въ правѣ требовать возвращенія данныхъ ей въ приданое лошадей, верблюдовъ и саукеле. „Если у кого нибудь умереть жена, не оставивъ послѣ себя дѣтей, то, по обычаямъ киргизовъ, отцу этой женщины возвращаются изъ ея приданого верблюды, лошади и саукеле“ (§ 8 чрезвычайнаго сѣзда Народныхъ судей Устькам. Семипал. у.у. 1896 года).

Личныя и имущественныя отношенія между супругами.

1) Л и ч н ы я.

Личныя отношенія между супругами, по самой природѣ своей, не могутъ быть нормированы подробными юридическими правилами. Поэтому нельзя ожидать и отъ народно-обычнаго права подробной юридической нормировки личныхъ отношеній супруговъ. Обычныя правила по этому предмету сводятся почти къ тѣмъ-же немногимъ положеніямъ, какія мы находимъ и въ писаномъ правѣ всѣхъ другихъ народовъ. Обращаясь къ ихъ изложенію, слѣдуетъ имѣть въ виду то, что сфера личныхъ отношеній супруговъ обнимаетъ собою двѣ категоріи правъ и обязанностей: одну изъ нихъ составляютъ тѣ правоотношенія, которыя можно назвать лично-хозяйственными—обязанность совместнаго жительства и обязанность давать содержаніе и жилище; другія же слагаются изъ отношеній чисто личныхъ, каковы: обязанность супружеской вѣрности, обязанность повиновенія и обязанность уваженія личности. При этомъ, однако, должно обратить вниманіе на то, что въ основѣ всѣхъ личныхъ отношеній между супругами въ киргизскомъ быту лежитъ принципъ „власти мужа надъ женой“, и что онъ господствуетъ даже въ сферѣ тѣхъ правоотношеній, которыя заключаются въ обоюдныхъ обязанностяхъ

супруговъ, такъ что преимущество, верхъ всегда оказывается на его сторонѣ, на сторонѣ власти и господства. „Мужу предоставляется господство надъ женою. Богъ всемогущъ и мудръ“ (Коранъ, II, ст. 228). „Мужья должны имѣть преимущество надъ женами; Богъ постановилъ преимущество это для различія одного пола отъ другого“ (Коранъ, IV, 38).

Всѣ права въ семьѣ принадлежать мужу, отцу. Киргизскія женщины не имѣютъ почти никакихъ правъ и состоятъ въ полномъ подчиненіи и распоряженіи мужчинъ. Женщина не имѣетъ возможности помѣшать исполненію воли мужа въ дѣлахъ, касающихся даже судьбы ея дѣтей (выдачи замужъ дочери, женитьбы сыновей), все рѣшаетъ мужъ. Согласна она или нѣтъ, все равно,—ея протестъ не измѣнитъ дѣла. Однимъ словомъ у женщинъ при личныхъ отношеніяхъ съ мужьями правъ нѣтъ, а есть только масса обязанностей.

Говоря о личныхъ отношеніяхъ супруговъ, нужно прежде всего упомянуть о томъ, что мужъ передаетъ женѣ или женамъ своимъ всѣ права, сопряженныя съ его званіемъ и состояніемъ; женщина-же не сообщаетъ правъ состоянія мужу, но сама лично ихъ не теряетъ. (Загряжскій).

Изъ существа брачнаго союза необходимо вытекаетъ обязанность супруговъ къ совмѣстному жительству. Обязанность эта, конечно, обоюдная, но на самомъ дѣлѣ она относится, по киргизскому праву, всецѣло только къ женѣ. Мнѣ не встрѣтилось ни одного правила, которое касалось-бы въ этомъ отношеніи мужа, за исключеніемъ впрочемъ того, что жена, въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія мужа въ теченіи семи лѣтъ, имѣетъ право требовать развода. Мужъ же можетъ всегда требовать къ себѣ жену, и она должна безпрекословно повиноваться ему и исполнять его волю; въ противномъ случаѣ онъ принимаетъ по отношенію къ ней различныя репрессивныя мѣры. Подвергаются наказанію и тѣ, которые разстраиваютъ ихъ семейный союзъ и совмѣстное сожительство. „Замужняя женщина должна быть при своемъ мужѣ, разстраивающихъ же подвергнуть штрафу отъ одной лошади съ кафтаномъ до одной девятки во главѣ съ верблюдомъ“. (§ 2 Чрезвычайн. Сѣзда—Устькам. и Семипал. у.у. 1896 г.).

Кромѣ совмѣстнаго жительства на мужѣ лежитъ обязанность давать женѣ содержанье. Эта обязанность обуславливается сама собою уже тѣмъ, что супруги живутъ вмѣстѣ и имѣютъ общее хозяйство. Бѣи удовлетворяютъ жадобы женѣ въ случаѣ нарушенія мужьями этой обязанности и присуждаютъ ихъ къ тому, чтобы они доставляли женамъ необходимыя средства къ жизни. „Мужъ обязанъ содержать свою жену. Содержаніе должно быть соображено съ общественнымъ положеніемъ и состояніемъ супруговъ“. (Хидая т. I стр. 421). Жена въ случаѣ неполученія ею содержанія отъ мужа въ теченіи опредѣленнаго времени имѣетъ право даже требовать развода, относительно котораго она вообще поставлена въ высшей степени неблагопріятныя условія. „Бракъ расторгается, если мужъ не даетъ содержанія женѣ въ теченіи 6 мѣсяцевъ и 13 дней. (Загряжскій).

Бракъ возлагаетъ на супруговъ обязанность вѣрности. Обязанность эта относится опять таки исключительно къ женѣ и только, такъ сказать, мимоходомъ задѣваетъ мужа. Въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности женою мужъ можетъ наказывать ее тѣлесно и можетъ немедленно развестись съ нею. § 121 Сборника Сибирскихъ Инородцевъ Самоквасова гласитъ: „кто учинитъ блудъ по согласію съ чужой женою и въ томъ изобличенъ будетъ, то мужъ въ правѣ съ нею развестись и съ виновнаго долженъ получить дѣвку—безъ платы калыма; буде же развестись не пожелаетъ, то виновные, по усмотрѣнію, наказываются тѣлесно“.

„Если мужъ, узнавъ, что жена его измѣнила ему, пожелаетъ удалить ее отъ себя, тогда ему долженъ возвратитъ магаръ (условную плату, положенную при вѣнчаніи) тотъ, который беретъ ее за себя“. (§ 14 Куби-Кульскаго Сѣзда Народн. Судей 1899 г.). Жена же подобныхъ правъ не имѣетъ. Если она обвинитъ мужа въ прелюбодѣянніи и холодности къ ней, доходящей даже до того, что онъ не имѣетъ съ нею супружескихъ сношеній, то мужу дѣлается троекратное внушеніе, чтобы онъ точно выполнялъ свои обязанности относительно жены, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, лишиться ее съ приданнымъ и дѣтьми. Но въ претензіи всякой женщины на прелюбодѣянія мужа, если онъ только ночи проводитъ съ нею,—отказывается.

Относительно повиновенія и уваженія женой мужа нечего и говорить. Находясь въ положеніи рабы, вещи, жена безпрекословно слушается мужа и исполняетъ всѣ его распоряженія и требованія Мужъ въ случаѣ нарушенія женой этой обязанности „учить“ ее, наказываетъ и бьетъ. „Будь строгъ къ дитяти въ молодости, а къ женѣ съ перваго дня“; — „Я могу бить свою жену сколько мнѣ угодно, а убью заплачу кунь“, — говорятъ киргизскія пословицы. „...Жена должна быть послушна мужу и сохранять всякую тайну, ибо Богъ охраняетъ женъ чрезъ покровительство мужа. Непослушнымъ нечестивымъ женамъ давайте словесныя наставленія и (въ видѣ наказанія) воздерживайтесь отъ нихъ (оставляйте ихъ однихъ на супружескомъ ложѣ) и наконецъ наказывайте ихъ тѣлесно. Если-же жена послушна, то избѣгайте всякой ссоры съ ней. Богъ великъ и милостивъ“. (Кор. IV, 38).

Однако, въ случаѣ жестокаго обращенія мужей, истязаній съ ихъ стороны жены имѣютъ право оставить ихъ, возвратиться къ своимъ родителямъ и отсюда начинать хлопоты о разводѣ. На дурное обращеніе мужа жена или ея родственники жалуются біямъ, которые, если найдутъ ихъ жалобу справедливой, обязываютъ мужа подпиской обращаться съ ней, какъ слѣдуетъ, *иногда присуждаютъ его къ наказанію розгами*, а въ случаѣ неисправленія даютъ обиженной разводъ. „Въ случаѣ жалобъ жены бію на жестокое обращеніе мужа бій дѣлаетъ увѣщаніе мужу; но если жена снова до трехъ разъ будетъ жаловаться на мужа, тогда бій дѣлаетъ разводъ“. (Загряжскій). „Въ томъ случаѣ, когда жена, сильно обижаемая своимъ мужемъ, уйдетъ къ родителямъ, не получивъ отъ него разводной бумаги, которую мужъ не извѣщаетъ согласія дать, то ей предоставляется ходатайствовать о разводѣ предъ обществомъ“; при этомъ если волостной управитель согласится дать ей свою *печать*, то разводъ считается состоявшимся и наоборотъ, если ей не удастся получить эту печать, — разводъ считается не состоявшимся“. (§ 10 Устькаменногорскаго и Семипалатинскаго съѣзда народныхъ судей 1896 г.). Параграфъ этотъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Подъ „обществомъ“ въ немъ подразумѣваются, какъ оффиціальныя, такъ и неоффиціальныя бій, аксакалы, которымъ обычаями предоставлено право разрѣшать

и семейныя неурядицы. Иногда это общество, не входя въ положеніе обиженной, не удовлетворяетъ ея просьбы, если она не задобрить нѣкоторыхъ его членовъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ расторженіе брака.

Бии этого эреже предоставляютъ добивающейся развода женщинѣ, въ случаѣ неудовлетворенія ея просьбы обратиться къ волостному управителю и просить у него *печатъ*, т. е. она должна просить отъ волостного управителя бумаги, съ приложеніемъ казенной печати, въ томъ, что она не могла получить формальнаго развода отъ мужа. Такая бумага даетъ ей право требовать развода съ мужемъ на съѣздѣ биевъ, или ходатайствовать предъ начальствомъ о предоставленіи ей права выйти за другого. Но и полученіе печати отъ волостного управителя также сопряжено съ большими расходами и хлопотами, а потому-то очень рѣдкимъ, добивающимся развода, удастся получить эту заколдованную печать.

2) Имущественныя.

Обычай гласитъ: „женщина владѣетъ собою и за себя одну отвѣчаетъ“. Формула эта характерно и полно выражаетъ почти отсутствіе всякихъ имущественныхъ права женщины. Дѣйствительно имущественныя права киргизской женщины крайне ограничены. Пока она не замужняя, за ней, какъ и за всѣми несамостоятельными членами семьи, никакихъ правъ на семейное имущество не признается. Количество калыма, при выдачѣ замужъ дѣвушки, зависитъ отъ главы семьи, къ которому и переходитъ все уплаченное женихомъ. Отъ главы семейства зависитъ также размѣръ приданого, которое опять таки поступаетъ не въ собственность выдаваемой замужъ, а въ собственность мужа или свекра, если женившійся не отдѣленъ. Исключеніе изъ приданого составляетъ только саукеле, которое всегда признается собственностью жены. Всякое-же другое имущество, которое какимъ-бы то ни было образомъ досталось замужней киргизкѣ, напр., заработано ею, получено въ подарокъ, переходитъ въ распоряженіе мужа. Онъ можетъ распредѣлять и тратить его по своему усмотрѣнію и произволу. Киргизы въ этомъ отрицаніи имущественныхъ правъ замуж-

ней женщины крайне послѣдовательны. Даже мужъ расточающій не только свое, но и приданое жены, не ограничивается въ своихъ правахъ. Въ крайнихъ случаяхъ ему дѣлается увѣщаніе со стороны родственниковъ, какъ его, такъ и жены. Этимъ дѣло и кончается. До суда бѣвъ жалобы не доходятъ, да еслибы и дошли, то би не сочли-бы себя въ правѣ разсматривать ихъ.

Если жена живетъ съ мужемъ, то она вмѣстѣ съ нимъ участвуетъ въ пользованіи имуществомъ (малынъ сиронкъ); она не можетъ распоряжаться имуществомъ по своему усмотрѣнію (хатын бійлеб мал баралмейди). Въ отсутствіи мужа она управляетъ имуществомъ, но не можетъ отчуждать и входить въ какія-либо договоры и обязательства, такъ-какъ у женщинъ умъ половинный (хатыннын акылы арымдык).

Мужчина, женись на одной женѣ, не раздѣляетъ съ ней своего имущества, и ея имущество, при жизни мужа, вмѣстѣ съ его имуществомъ составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Если-же при жизни первой жены мужъ женится на второй, то обыкновенно выдѣляетъ этой послѣдней изъ собственнаго имущества, состоящаго въ скотѣ и деньгахъ, равную часть противъ первой жены, не касаясь однако ея приданого. Выдѣливъ вторую жену, а если будетъ третья, то точно также выдѣливъ и ее, киргизъ имѣетъ уже не одинъ, а два—три дома, изъ которыхъ каждый пользуется своимъ имуществомъ отдѣльно. При этомъ дѣти, родившіяся отъ каждой изъ женъ, не смѣшиваютъ своихъ правъ на наслѣдство, а пользуются слѣдующею имъ частью изъ того имущества, которое выдѣлено было отцомъ ихъ матери по вступленію ея въ бракъ. Дѣти каждаго брака имѣютъ отдѣльные свои инчи, дѣлящіеся только между ними и наслѣдуемые собственно ими самими безъ вмѣшательства дѣтей прочихъ браковъ. Т. е. дѣти одного брака не имѣютъ права на наслѣдство другого, пока есть отъ него хотя одно лицо. Если-же отъ дѣтей одного брака не остается ни одного наслѣдника, то имущество его или инчи становится общимъ достояніемъ для всѣхъ дѣтей прочихъ браковъ,—съ нѣкоторымъ впрочемъ преимуществомъ для дѣтей самаго старшаго брака, т. е. для дѣтей байдичи.

Нѣкоторыя имущественныя права женщина имѣть тогда, когда она получить разводъ не по своей винѣ, а по волѣ мужа. Въ такомъ случаѣ мужъ долженъ возвратить ей все приданое и даже обязанъ содержать ее до тѣхъ поръ, пока она не выйдетъ замужъ. „Мужъ имѣть право располагать, по своему усмотрѣнію, имуществомъ жены; но послѣ развода со своею женою мужъ долженъ возвратить все, ей собственно принадлежащее“. (Загряжскій).

При разводѣ по винѣ жены, вслѣдствіе, напр., ея распутнаго поведенія, мужъ обыкновенно возвращаетъ ей только саукеле и верховую лошадь, остальное-же все приданое оставляетъ у себя.

Отсутствіе имущественныхъ правъ женщины подтверждается еще и тѣмъ, что наслѣдниками послѣ умершихъ почти всегда являются одни мужчины.

Такая имущественная безправность киргизской женщины тѣмъ болѣе странна, что въ семейномъ быту она является громадной экономической силой. Всѣ домашнія работы и заботы лежатъ на ней. Дневныя работы обыкновенно начинаются съ того, что женщины доятъ кобылъ, коровъ, овецъ, верблюдовъ, козъ, выгоняютъ ихъ на пастбище, выбиваютъ затѣмъ войлоки и ковры, чистятъ хозяйственные принадлежности, поятъ дѣтей айраномъ, лѣчатъ больныхъ животныхъ, носятъ топливо въ кибитки, пьютъ, прялутъ, готовятъ пищу и т. д., и т. д. Вечеромъ всѣ животныя снова пригоняются въ аулъ, снова начинается ихъ доеніе, уходъ за ними, приготовленіе изъ молока различныхъ съѣстныхъ продуктовъ и проч. Сами же киргизы отличаются страшною лѣнностью, они все время или сидятъ въ кибиткѣ, или лежатъ, пьютъ кумысъ, выѣзжаютъ лошадей, охотятся, болтаютъ, слушаютъ рассказы пріѣзжихъ и т. д. Киргизская женщина, когда мужъ ея собирается куда-нибудь уѣзжать, не только собираетъ его въ дорогу, но сѣдлаетъ ему лошадь, подсаживаетъ его на нее, и онъ все принимаетъ это, какъ должное.

Даже такія работы, какъ работы при перекочевкахъ—разборка кибитокъ, нагрузка ихъ со всею домашнею утварью на верблюдовъ, гонка скота и т. п. возлагаются всегда на женщинъ и дѣтей, тогда какъ мужчины садятся на коней и скачутъ впередъ, отыскивая мѣсто для новаго привала.

Длинною нитью тянутся съ дѣтьми и женщинами верблюды, за ними идутъ стада овецъ и крупнаго скота, который разсыпается при этомъ въ поискахъ за кормомъ. Но вотъ мѣсто стоянки. Верблюды падаютъ на колѣна, и женщины сходятъ на землю; всѣ принимаются за установку кибитокъ и разборку привезенныхъ вещей. Тамъ и сямъ зажгли костры... Все оживилось, пришло въ движеніе, наполнилось шумомъ... Дѣло спорится. На установку каждой юрты требуется 10—15 минутъ, а между тѣмъ она устойчива, развѣ только при очень сильномъ вѣтрѣ можетъ сдвинуться съ мѣста. Картина стоянки въ степи, гдѣ иногда цѣлыя десятки верстъ не встрѣтишь ни одной живой души, очень красива и весьма привлекательна. Въ кибиткахъ благодушествуютъ киргизы, а чрезъ открытыя ихъ стороны виднѣются кое-гдѣ спутанныя лошади, спокойно щиплющія зеленую траву; дѣти тутъ-же играютъ на зелени. Дымъ извивается надъ кибитками, придавая имъ чрезвычайно уютный видъ, а издали иногда доносится мягкое, пріятное журчаніе протекающей рѣчки...

Но не до поэтическихъ картинъ киргизской женщинѣ. Съ утра до поздней ночи она занята хозяйственными хлопотами и заботами. Въ вѣчной сутолокѣ, въ безпрестанной работѣ проходятъ дни за днями всей ея жизни. И благо для нея, говорятъ многіе этнографы, что на ней лежитъ масса хлопотъ, и нѣтъ ей времени и возможности вдуматься въ свое положеніе, изъ котораго при настоящемъ состояніи киргизскаго обычнаго права, одинъ только исходъ — могила.

Личныя и имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми. Выдѣль.

а) Л и ч н ы я.

Отношенія между родителями и дѣтьми, точно такъ же, какъ и отношенія между супругами, подлежатъ болѣе опредѣленіямъ закона фізіологическаго и закона нравственнаго, нежели опредѣленіямъ права. Отношенія эти основываются преимущественно на любви родителей къ дѣтямъ,

любви невольной, безсознательной, чуждой всякаго разсчета, нерѣдко незаслуженной со стороны дѣтей и совершенно необъяснимой съ точки зрѣнія холоднаго разсудка. Любовь эта родителей къ дѣтямъ чисто фізіологическая: она однородна съ той привязанностью, которую питають всѣ животныя къ своимъ дѣтямъ. Но, разумѣется, отношенія между родителями и дѣтьми не сводятся исключительно къ фізіологической любви, а опредѣляются также и началами нравственности: они внушаютъ родителямъ сознаніе долга по отношенію къ дѣтямъ, обязанность заботиться объ ихъ воспитаніи, такъ какъ дѣти ими вызваны къ существованію. Точно также и дѣти по закону природы любятъ своихъ родителей, а по закону нравственному считаютъ себя обязанными по отношенію къ нимъ за тѣ безчисленныя и невознаградимыя благодѣянія, какія имъ оказали родители. Такимъ образомъ, законы фізіологіи и законы нравственности опредѣляютъ отношенія между родителями и дѣтьми. Гдѣ измѣняютъ законы фізіологіи, тамъ оказываютъ имъ опору законы нравственности, большею-же частью оба эти закона дѣйствуютъ соединенными силами. Но такъ какъ отношенія между родителями и дѣтьми представляютъ и внѣшнюю сторону, а всѣ внѣшнія отношенія поддаются юридическимъ опредѣленіямъ, то право считаетъ своею обязанностью обнять эти отношенія, тѣмъ болѣе, что встрѣчаются случаи, когда законы фізіологіи и нравственности недостаточно обезпечиваютъ надлежащія отношенія между родителями и дѣтьми. Въ человѣческомъ обществѣ не всѣ явленія нормальны, а встрѣчаются и уклоненія отъ нормы, уродливости: на случай этихъ уклоненій нужны опредѣленія положительнаго права, которыя-бы, по возможности, поддерживали явленія въ ихъ нормальномъ видѣ.

Опредѣленія эти въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми такъ-же, какъ и въ отношеніяхъ между супругами, касаются съ одной стороны личныхъ, а съ другой — имущественныхъ.

Личныя отношенія сводятся, главнымъ образомъ, къ праву власти, принадлежащему родителямъ по отношенію къ дѣтямъ и къ обязанности дѣтей повиноваться приказаніямъ родителей. Древній киргизскій обычай, по которому власть отца простиралась даже на жизнь дѣтей, и который

сохранился въ пословицахъ и поговоркахъ: „аталы ул, колиалы кул“,—т. е. сынъ предъ отцомъ, какъ рабъ предъ господиномъ, или „улун сатыб, ат кельды, кызын сатыб, ас кельды“—продавъ сына, имѣлъ лошадь, продавъ дочь, имѣлъ пищу,—въ настоящее время смягчился весьма существенно. Отцу, по отношенію къ личности сына, предоставляется право наказывать его тѣлесно, прогнать отъ себя, отдать до трехъ разъ въ заработки и пр. „Отецъ не имѣетъ права продавать своихъ дѣтей и лишать ихъ жизни. Для исправленія своихъ дѣтей отецъ имѣетъ право употреблять домашнія исправительныя мѣры. Въ случаѣ недѣйствительности этихъ мѣръ, родители имѣютъ право жаловаться на дѣтей своихъ бѣямъ, которые наказываютъ ихъ, по желанію отца и матери“. (Загряжскій).

Неисправнаго сына отецъ, посовѣтовавшись съ родственниками, прогоняетъ и предоставляетъ ему право жить, гдѣ и какъ угодно. При этомъ, если сынъ холостой, то отецъ даетъ ему выдѣлъ по своему усмотрѣнію, если же женатый, то прогоняетъ его и безъ выдѣла.

Власть родителей простирается и на выборъ мужа для дочери и жены для сына. Согласія дѣтей родители не спрашиваютъ; все это предоставляется обычаемъ ихъ волѣ, чѣмъ они и пользуются, сговаривая дѣтей еще съ колыбели.

Дочь въ сравненіи съ сыномъ находится нѣсколько въ иномъ положеніи. Объясняется это тѣмъ, что она остается членомъ семьи лишь временно, до выхода замужъ, и что за тѣмъ прекращается почти всякая связь между семьей и ею.—„Ул акеныкы, кызшешеникы, т. е. сынъ принадлежитъ отцу, а дочь матери“, говоритъ одна киргизская поговорка. Эта поговорка прямо вытекаетъ изъ основанныхъ на обычаяхъ обязанностяхъ родителей по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Мать должна заботиться о своихъ дочеряхъ, а отецъ о сыновьяхъ. Власть матери не въ такой степени простирается надъ сыновьями, какъ надъ дочерьми. Во время пребыванія въ родительскомъ аулѣ дочь находится въ непосредственномъ распоряженіи матери, отецъ не имѣетъ на нее прямого вліянія и, будучи недоволенъ ею, не наказываетъ ее самъ, а поручаетъ это матери. Мѣры, принимаемыя послѣдней, состоятъ въ пинкахъ, толчкахъ, въ запираніи въ отдѣльное помѣщеніе и т. п. Подобныя наказанія

однако не рекомендуются киргизами; ихъ педагогика предписываетъ по отношеніи къ дѣвушкамъ болѣе кроткія мѣры напр., увѣщаніе: „аке урган, ул унгар, чише урган, кыз унбас. т. е., отецъ бьетъ сына къ лучшему, мать бьетъ дочь не къ лучшему (портитъ ее)“. Съ момента выхода замужъ киргизская дѣвушка эмансипируется изъ подъ родительской власти и переходитъ во власть мужа, а отчасти и свекрови.

Въ случаѣ смерти отца и матери, дѣти обоого пола остаются на попеченіи ихъ ближайшихъ родственниковъ; по смерти матери всѣ дѣти остаются при отцѣ, а по смерти отца дѣти обоихъ половъ остаются при матери только въ томъ случаѣ, если она выходитъ замужъ за одного изъ ближайшихъ родственниковъ своего покойнаго мужа; но если она выходитъ не за родственника мужа, то малолѣтнія дѣти женскаго пола остаются при ней, и въ этомъ случаѣ мать должна уступать ближайшимъ родственникамъ своего умершаго мужа часть ихъ калыма, который уплачивается за ея просватанныхъ дочерей. Дѣти же мужескаго пола, получивъ изъ имущества отца слѣдуемые имъ части, остаются у ближайшаго его родственника. Дѣвочки-сиротки, которыя были уже высватаны кѣмъ-либо при жизни отца и за нихъ уже получена часть калыма, остаются также у родственниковъ мужа.

Таковы, въ общихъ чертахъ, отношенія родителей къ дѣтямъ. Дѣти-же, съ своей стороны, обязаны „почитать своихъ родителей, повиноваться имъ и доставлять содержаніе и пропитаніе, если они бѣдны“. „Если-же сынъ или дочь стануть отпираться отъ родителей своихъ, что они не ими прижиты, таковыхъ отецъ выгоняетъ изъ дома, лишаетъ родства и не даетъ платья и животныхъ, а сверхъ того приказываетъ съ ругательствомъ отыскать извѣстнаго имъ отца; послѣ сего никогда уже къ себѣ не принимаетъ, и судья принять таковыхъ не можетъ отца принудить“. (§ 201. Сборникъ сибирскихъ инородцевъ, Самоковсова).

Въ прежнее время въ степи нерѣдко были большія (сложныя) семьи, когда женатые сыновья оставались при отцѣ и подчинялись его власти. Теперь, въ большинствѣ случаевъ, семья распадается: сынъ, женившись, выдѣляется въ особую кибитку и живетъ своимъ хозяйствомъ отдѣльно

отъ отца. Но и до сихъ поръ большія семьи все-таки встрѣчаются. Въ большой семьѣ стада и казна считаются общими и ими завѣдуетъ глава семьи (ата). Сложная семья, если она бѣдна и не особенно велика, живетъ въ одной кибиткѣ, или въ нѣсколькихъ, если она богата и многочисленна. Глава семьи имѣетъ право наказывать послушника своей воли плетью. Его старшая жена считается матерью и хозяйкой всей семьи: она приказываетъ младшимъ женамъ своего мужа и распоряжается женами другихъ членовъ семьи. Главу семьи и послѣ смерти уважаютъ, про него никогда не говорятъ дурно, помнятъ его свѣты и вѣрятъ, что онъ посѣщаетъ семью по четвергамъ. Послѣ смерти главы семьи, на его мѣсто становится его старшій сынъ, а иногда умѣйшій, которому и должны подчиняться всѣ остальные члены семьи, не исключая и старшихъ дядей. Во главѣ семьи можетъ стать и жена (ана) покойнаго главы. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она пользуется большимъ уваженіемъ членовъ семьи, чѣмъ старшій сынъ, или когда старшій сынъ умершаго главы еще малолѣтній.

Однако по пословицѣ: „Народъ, надъ которымъ начальствуетъ женщина, останется ни съ чѣмъ“.

б) Имущественныя.

Что касается имущественныхъ отношеній родителей съ дѣтьми, то здѣсь прежде всего необходимо различать сыновей не отдѣленныхъ и отдѣленныхъ. Первые никакихъ имущественныхъ правъ не имѣютъ и все нажитое ими поступаетъ въ непосредственное распоряженіе ихъ отца. „Отецъ имѣетъ право располагать имуществомъ дѣтей совершеннолѣтнихъ и не совершеннолѣтнихъ, хотя-бы это имущество было приобрѣтено ими самими“ (Загряжскій). До пятнадцати же лѣтъ дѣти не имѣютъ право на свое имущество, не могутъ заключать по нему никакихъ юридическихъ сдѣлокъ. Они еще „не обладаютъ серьезнымъ умомъ (акыл токтатнайды) а потому и всѣ ихъ юридическія сдѣлки—купля, продажа, заемъ и пр.—считаются не дѣйствительными“ (Гродековъ).

На имущество дѣтей выдѣленныхъ отецъ не имѣетъ права. Отдѣленный сынъ считается главой самостоятель-

наго хозяйства, но нуждающийся отецъ можетъ, всегда по требовать, чтобы сынъ прокармливалъ его, принявъ въ свой аулъ, такъ-какъ содержаніе престарѣлыхъ и бѣдныхъ родителѣй лежитъ на обязанности дѣтей. Въ случаѣ жалобъ родителей на дѣтей бии немедленно присуждаютъ имъ таковое. Съ своей стороны и отецъ долженъ доставлять своимъ дѣтямъ необходимое для нихъ содержаніе.

Исковъ дѣтей къ родителямъ бии не принимаютъ и всѣ подобныя дѣла рѣшаются родственниками, которые, замѣтивъ разладъ въ семьѣ, отдѣляютъ сына отъ отца, давъ ему небольшую часть имущества. Исключеніе изъ этого составляетъ жалоба о томъ, что отецъ не женить сына и не отдѣляетъ его. Жалобы отца на сыновей пользуются напротивъ особенными преимуществами и, если отецъ живетъ съ матерью у сына, удовлетворяются тотчасъ-же.

Объ имущественныхъ правахъ дочери сказано ранѣе въ имущественныхъ правахъ женщины вообще. Здѣсь необходимо упомянуть только о наслѣдственныхъ правахъ дочери-дѣвицы и правахъ отца и матери на имущество замужней дочери.

Если дѣвица при жизни отца не была просватана или не изъявила желанія выйти замужъ по какимъ-либо тѣлеснымъ недостаткамъ, то, по смерти отца, оставаясь въ его домѣ при одномъ изъ братьевъ, она пользуется небольшою частью изъ наслѣдства, и братъ обязанъ содержать ее на свой счетъ по самую смерть. При многихъ дочеряхъ отъ старшихъ женъ, если отъ самой младшей есть одинъ сынъ, то онъ наслѣдуетъ отцовское имѣніе вполнѣ. Если при многихъ дочеряхъ законныхъ женъ есть правильно усыновленный воспитанникъ, то по смерти усыновителя онъ также пользуется всѣмъ наслѣдствомъ. Относительно дѣтей женскаго пола существуетъ еще такой обычай: если у вдовы только одна дочь, то она съ приличною частью изъ имущества отца оставляется при матери; если-же дочерей у нея нѣсколько, то кромѣ одной всѣ остальные переходятъ къ братьямъ покойнаго. Но если есть хотя одинъ сынъ у вдовы, то всѣ дочери остаются при ней вмѣстѣ съ сыномъ.

Права-же отца и матери на имущество замужней дочери въ высшей степени ограничены, такъ какъ хозяиномъ ея имущества является мужъ. Не имущій—бѣдный отецъ

можетъ только поселиться у нея и то съ согласія зятя, мать же, хотя и не обязана испрашивать его согласія, можетъ поселиться у дочери лишь тогда, когда у нея нѣтъ сыновей, которые могли-бы пріютить ее.

в) В ы д ѣ л ь.

Патріархальный строй киргизской жизни, подчиненіе всѣхъ членовъ семьи главѣ ея въ настоящее время, при болѣе близкомъ столкновеніи съ русскими, приходитъ постепенно въ упадокъ и прежде всего это отражается на возрастающемъ постоянно количествѣ выдѣловъ, распаденій семьи на нѣсколько самостоятельныхъ семействъ. Одной изъ важныхъ причинъ выдѣловъ, какъ говорятъ, является то, что прежде наслѣдство служило предметомъ нескончаемыхъ споровъ между наслѣдниками, а потому, во избѣжаніе ихъ, и установленъ былъ обычай, по которому глава семьи еще при жизни своей, выдѣляетъ извѣстную часть имущества членамъ ея, достигшимъ совершеннолѣтія. Теперь на всякомъ отцѣ лежитъ забота о снабженіи каждаго сына калымомъ и надѣломъ—инчи. (Инчи, энчи происходитъ отъ слова эн—зарубки, мѣтки, дѣлаемой на раздѣляемомъ скотѣ для отличія). Выдѣленіе сыновей происходитъ по старшинству и послѣ ихъ вступленія въ бракъ, но не ранѣе того, какъ сыну минетъ пятнадцать лѣтъ, по пословицѣ: „Въ 15 лѣтъ хозяинъ кибитки“.

Бѣдные выдѣляютъ своихъ дѣтей очень рѣдко, какъ по неимѣнію средствъ дать новую юрту, такъ и потому, что, раздѣливъ скотъ и другое имущество, ни отецъ, ни сынъ не могли-бы существовать самостоятельно и безбѣдно.

Поводомъ къ выдѣленію являются обыкновенно тѣснота помѣщенія, неуживчивость кого-нибудь и т. п.

Если отецъ, по просьбѣ сына, не хочетъ выдѣлить его въ данное время, то сынъ можетъ обождать или-же выйти безъ инчи, но уже съ потерей права требовать его послѣ. Если отецъ самъ хочетъ почему-либо выдѣлить сына, то сынъ требуетъ или жену, или инчи. Выдѣленіе сына до женитьбы есть всегда признакъ несогласій его съ отцемъ. И если при этомъ просить выдѣла до женитьбы сына, то

ему не даютъ инчи, такъ-какъ боятся, что онъ уѣдетъ въ даль и тѣмъ его растратить.

Производство раздѣла имущества при выдѣленіи есть одинъ изъ труднѣйшихъ пунктовъ адата. По этому-то для него постоянно призываютъ опытныхъ въ раздѣлѣ людей.

Рѣшившись по какимъ-бы то ни было причинамъ выдѣлить одного изъ своихъ сыновей, выдѣляющій созываетъ родственниковъ и друзей и торжественно объявляетъ о своемъ намѣреніи и о томъ, какую часть имущества онъ даетъ выдѣляемому. При этомъ, какъ и при всякомъ торжественномъ случаѣ, рѣжется баранъ, читается бата, а затѣмъ начинается выдѣлъ и обыкновенно наложеніе знака—тавра новаго владѣльца на каждую выдѣлаемую изъ стада штуку.

Присутствующіе родственники въ свою очередь помогаютъ выдѣляемому, дѣлая ему подарки—„нимурун“. Величина выдѣла членовъ семьи зависитъ отъ состоянія и усмотрѣнія родителей, принимающихъ во вниманіе и экономическое значеніе выдѣляемыхъ въ цѣломъ хозяйствѣ семьи. Если выдѣленный недоволенъ, то говоритъ родственникамъ, эти—отцу,—последній можетъ прибавить и не прибавить. Участіе родственниковъ этимъ кончается, такъ-какъ они имѣютъ только нравственный авторитетъ, а не судебную власть, и отдѣленный не можетъ требовать отъ отца ничего больше.

Въ первое время послѣ выдѣла отецъ обыкновенно помогаетъ сыну; когда же хозяйство его устроится, то онъ обязанъ помогать отцу, главнымъ образомъ своими личными услугами, напр., при покупкѣ различныхъ вещей на деньги отца и т. п.

Если у киргиза имѣется нѣсколько сыновей, желающихъ жить отдѣльно, то всѣ они выдѣляются, а отецъ остается въ своей кибиткѣ съ младшимъ сыномъ, который почти никогда не выдѣляется. По этому на долю младшаго приходится всегда все, оставшееся послѣ выдѣла братьевъ, да еще юрта, домашнее имущество и зимовка. Доли выдѣляемыхъ, конечно, неравны, ибо въ промежутокъ времени между выдѣломъ количество скота можетъ увеличиться или уменьшиться, и доля послѣ отдѣляемаго можетъ быть больше или меньше доли старшаго брата. Впрочемъ, если выдѣленный обѣднѣлъ, или если послѣ его выдѣла богатство

отца значительно увеличилось, то отецъ, обыкновенно, даетъ ему прибавку.

Кромѣ надѣла отецъ еще долженъ за всѣхъ сыновей платить калымъ, а потому при выдѣленіи кого-либо отецъ разбиваетъ, за вычетомъ калымовъ, все имущество на столько частей, сколько у него сыновей, имѣющихъ выдѣлиться, за исключеніемъ младшаго сына. Кромѣ этихъ частей онъ еще откладываетъ двѣ части на пропитаніе себя и жены въ старости. Послѣ смерти отца ему наследуетъ невыдѣленный сынъ (младшій), который жилъ съ нимъ до смерти и хоронилъ его.

Дочерей не выдѣляютъ никогда. Вся забота о нихъ: приготовить приданое, выдать замужъ, а затѣмъ, когда у ней родится ребенокъ, надѣлать ее подарками.

По смерти отца и при опека матери выдѣлъ производится по ея усмотрѣнію такъ-же, какъ и при жизни отца. Если-же опекуномъ будетъ родственникъ отца, то имущество дѣлится на части строго равныя, хотя младшему иногда достается и немного болѣе скота, да юрта съ имуществомъ.

Послѣ смерти отца прежде всего наследуютъ сыновья. Отдѣленные при жизни отца сыновья не имѣютъ никакихъ правъ на наследство, если есть только другіе не отдѣленные. Все наследство достается невыдѣленнымъ, т. е. обыкновенно младшимъ сыновьямъ, которые и обязаны нести расходы на похороны и поминки. Еслибы отецъ захотѣлъ лишить невыдѣленного сына наследства, то онъ непремѣнно долженъ выдѣлить его еще при своей жизни. Если-же невыдѣленныхъ нѣтъ (это возможно только въ случаѣ смерти младшаго), то все имущество умершаго переходитъ къ отдѣленнымъ сыновьямъ и дѣлится между ними поровну. Младшій сынъ не выдѣляется почти никогда, поэтому послѣ смерти отца онъ и получаетъ все оставшееся отъ выдѣла своихъ братьевъ.

Сыновья умершаго киргиза вступаютъ вполнѣ въ права отца, и еслибы, напримѣръ, ихъ дядя умеръ бездѣтнымъ, то они наследуютъ его имущество на тѣхъ-же правахъ, какъ-бы наследовалъ и ихъ отецъ. Если-бы у умершаго бездѣтнаго дяди былъ еще братъ, то имущество дѣлится между этимъ братомъ и племянниками, при чемъ

послѣдніе получаютъ долю нѣсколько меньшую противъ доли перваго.

Если выдѣленный братъ умереть бездѣтнымъ, то имущество его раздѣляется поровну между всѣми братьями, происходящими отъ одного отца, хотя и отъ разныхъ матерей. Жена умершаго выдѣленного сына достается братьямъ по старшинству. Братъ, наслѣдующій вдову, вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ на себя заботу и хлопоты о воспитаніи ея дѣтей, о женитбѣ сыновей и выдачѣ дочерей замужъ по старшинству лѣтъ, о раздачѣ имъ изъ оставшагося послѣ отца ихъ имущества инчи и т. д.

Если братья отъ наслѣдства надъ женой откажутся, то въ такомъ случаѣ, если она пожелаетъ выйти замужъ, ее отдають за кого-нибудь изъ близкихъ родственниковъ отца умершаго; при чемъ изъ имущества умершаго ей дается лошадь съ сѣдельнымъ приборомъ, на которой она ѣздила при жизни мужа, носильное платье, саукеле, кибитка, постельныя принадлежности и пр. Если вдова старшаго брата выйдетъ по наслѣдству за младшаго, то родившіяся отъ этого брака дѣти получаютъ свою часть изъ того имущества, которое досталось по раздѣлу, по смерти старшаго брата, младшему, женившемуся на его вдовѣ. Если вдова не молодыхъ лѣтъ, имѣетъ дѣтей и не желаетъ новаго замужества, то ей предоставляется право не выходить замужъ, а если у нея нѣтъ дѣтей мужскаго пола, то она обязана взять себѣ въ сыновья кого-либо изъ дѣтей ближайшей родни. Въ этомъ случаѣ она пріобрѣтаетъ всѣ права мужа и дѣлается полною хозяйкою всего оставшагося послѣ него, т. е. имущества и дѣтей до ихъ совершеннолѣтія. Бездѣтной-же вдовѣ, особенно молодой, амангеры имѣютъ право отказать въ нежеланіи новаго замужества, какъ въ видахъ могущаго произойти отъ брака съ нею кого-либо изъ нихъ дорогого имъ потомства, такъ и въ видахъ неизбежнаго въ молодые лѣта прелюбодѣянія съ постороннимъ. По этимъ двумъ причинамъ даже самыя крайнія насилія женщинѣ со стороны ея амангеровъ для того, чтобы заставить ее выйти замужъ,—не возбраняются обычаями. Однако, при рѣшительномъ нежеланіи вдовы выходить замужъ, она не приневоливается и оставляется иногда въ покоѣ, но съ тѣмъ, впрочемъ, предостереженіемъ, чтобы

Она не входила въ любовную связь съ постороннимъ киргизомъ, въ случаѣ чего амангеры въ правѣ или заставить ее выйти замумъ за кого-либо изъ нихъ, или прогнать ее съ любовникомъ, отобравъ весь скоть и имущество. Вдовѣ, вышедшей помимо своего амангера за посторонняго, дается одна лошадь и тусекъ-орынь (постельныя принадлежности), а остальное имущество и дѣти удерживаются родителями и братьями покойнаго, каковое лишеніе права на имущество мужа называется „иргеден шыгару“ (въ переводѣ: вывести подъ рѣшетку кибитки).

Когда умершему наслѣдуютъ двое или болѣе сыновей съ матерью и при этомъ есть еще просватанная сестра, тогда принимается во вниманіе слѣдующее: есть-ли между ними женатые или всѣ они холосты, не высваталъ-ли кто-нибудь изъ нихъ себѣ невѣсты или всѣ они еще безъ нѣвъстъ. Если кто-нибудь изъ нихъ женатъ или просватана у нихъ сестра, то полученный первымъ за женою приданный скоть, а за сестру калымъ отдѣляются отъ общаго наслѣдства въ особую пользу этихъ двухъ; потомъ отсюда же выдѣляется та часть скота, которая необходима на калымъ за будущихъ невѣстъ тѣхъ братьевъ, которые еще не имѣютъ ихъ. Остальной скоть дѣлится поровну между всѣми дѣтьми мужескаго пола.

Въ случаѣ смерти всѣхъ выдѣленныхъ дѣтей и если при томъ они были бездѣтны, имущество ихъ переходитъ къ отцу. Если изъ выдѣленныхъ дѣтей всѣ умрутъ, но у одного изъ нихъ останется сынъ, то онъ пользуется выдѣломъ своего отца, имущество-же другихъ умершихъ переходитъ къ дѣду, и только по смерти его внукъ пользуется общимъ наслѣдствомъ.

Усыновленные и пріемный зять.

Каждый киргизъ можетъ усыновлять, какъ ближайшихъ своихъ родственниковъ, такъ и постороннихъ ему.

Если родители усыновляемаго находятся въ живыхъ, то для усыновленія ихъ дѣтей необходимо ихъ согласіе.

Со стороны родителей можетъ быть мѣна дѣтьми.

Усыновленіе совершается при свидѣтеляхъ и сопро-

вождается закланіемъ животнаго, отъ котораго свидѣтель-аксакалъ даетъ въ руки усыновляемому, если это мальчикъ, кость—асыкъ йилик. Усыновляемый, показавъ ее въ рукѣ, начинаетъ ѣсть. Прикосновеніе къ груди названной матери есть символъ того, что она, хотя и не выкормила усыновляемаго, считаетъ его наравнѣ съ собственными, вскормленными ею дѣтьми. Киргизы отдають своихъ дѣтей только въ знакъ особой дружбы, уваженія къ ближнему и большей частью бездѣтному родственнику. Воспитаніе, содержаніе и проч. всецѣло лежатъ на обязанности усыновителя; родители не вмѣшиваются, такъ-какъ вмѣшательство можетъ быть сочтено за недовѣріе.

Никто не можетъ требовать обратно однажды отдавнаго имъ въ усыновленіе сына или на воспитаніе дочь, если послѣдніе еами не пожелаютъ возвратиться къ своимъ родителямъ, или къ обратному требованію ихъ не будетъ особыхъ уважительныхъ причинъ.

Всякому усыновителю вмѣняется въ обязанность, сверхъ воспитанія взятаго имъ въ усыновленіе чужого сына, женитьба и назначеніе послѣднему „инчи“ или доли изъ своего скота. Даже въ томъ случаѣ, когда хотять отвергнуть усыновленнаго ему даютъ или надѣлъ „инчи“, или только калымъ. Въ крайнемъ-же случаѣ—только лошадь съ сѣдломъ для отѣзда.

Если послѣ женитьбы и послѣ полученія инчи воспитанникъ пожелаетъ возвратиться и присоединиться къ своимъ родителямъ, то усыновитель не имѣетъ права его удержать, а долженъ отпустить его съ женой съ доставшимся на его долю количествомъ скота, потому-что, по обычаямъ, и родной сынъ, по женитьбѣ и по полученіи отъ родителей слѣдующей ему доли скота, имѣетъ право оставить ихъ и выбрать себѣ мѣсто жительства по своему усмотрѣнію.

Права приемыша въ новой семьѣ—права сына. Усыновленный причисляется къ семьѣ усыновителя и пользуется одинаковыми правами съ его дѣтьми. Сліянiе усыновленнаго съ семьей усыновителя настолько тѣсно, что даже въ сношеніяхъ киргизъ съ русскими властями онъ присваиваетъ себѣ отчество отъ имени усыновителя. При брачныхъ союзахъ усыновленный считается наравнѣ съ законными

дѣтьми, а потому и не можетъ вступить въ бракъ съ близкими родственниками усыновителя.

А такъ-какъ пріемышей отдають почти исключительно лишь бездѣтнымъ родственникамъ, то они и наслѣдуютъ все имущество усыновителя.

Если послѣ умершаго бездѣтнаго останется усыновленный имъ чужой сынъ, и если этотъ послѣдній взятъ былъ покойнымъ изъ посторонняго рода, то его, надѣливъ инчою равной инчѣ, слѣдующей родному сыну воспитателя, возвращають къ родителямъ, а остальное имущество берутъ себѣ родовичи умершаго, если послѣдній не оставилъ словеснаго или письменнаго завѣщанія въ пользу воспитанника. Въ этомъ случаѣ все имущество умершаго безспорно переходитъ къ воспитаннику его. Но если усыновленный сынъ былъ взятъ покойнымъ изъ собственной родни, то таковой признается полнымъ наслѣдникомъ своего воспитателя и уступаетъ равноправнымъ съ нимъ родственникамъ лишь самую незначительную часть полученнаго имъ наслѣдства.

Если-же сынъ былъ отданъ не бездѣтному родственнику, то права его на имущества усыновителя значительно ограничены. Въ этомъ случаѣ по смерти усыновителя возможны слѣдующія два положенія: а) если пріемышъ женатъ и отдѣленъ при жизни пріемнаго отца, то тогда наслѣдство получаютъ лишь родные дѣти; б) если-же усыновитель умеръ, не успѣвъ женить и выдѣлить пріемыша, то эту обязанность выполняютъ родные дѣти умершаго. Они платять за названнаго брата калымъ, женять и даютъ ему немного скота, не болѣе $\frac{1}{4}$ части изъ доли меньшаго сына умершаго. По смерти единственнаго названнаго брата (бездѣтнаго) все достается пріемышу. Если же братьевъ нѣсколько, то усыновленный ничего не получаетъ. Почти такія же права пріемышъ имѣетъ и на имущество своего родного отца. Онъ наслѣдуетъ все, если не осталось другихъ его братьевъ и ихъ дѣтей. Въ противномъ же случаѣ ему даютъ не болѣе $\frac{1}{4}$ части изъ доли его младшаго — не отдѣленнаго брата. По смерти единственнаго бездѣтнаго родного брата все получаетъ усыновленный.

Сыновья пріемыша сохраняють всѣ права отца.

Теперь посмотримъ, какія права на приемыша имѣютъ усыновитель, отецъ и ихъ потомство. Для яснаго пониманія необходимо помнить, что приемышу все дано усыновителемъ; поэтому, по смерти его все идетъ къ усыновителю и его роднымъ дѣтямъ. Порядокъ раздѣла одинаковъ съ раздѣлами между родными братьями. Семья родного отца получаетъ наслѣдство только въ томъ случаѣ, если послѣ воспитателя не осталось потомства.

Если усыновлена дѣвица, то калымъ за нее получаетъ ея приемный отецъ, родителямъ-же дѣвушки передается только часть подарковъ, а именно „илюу“ и часть (до $\frac{1}{2}$) „сютъ акы“. Если родителей нѣтъ въ живыхъ, то все достается усыновителю.

Если киргизъ возьметъ на воспитаніе внука (сына дочери—джіень), то не даетъ ему выдѣла, и внукъ, женившись на средства дѣда, уходитъ къ своему отцу, отъ котораго и получаетъ юрту и выдѣлъ. На наслѣдство дѣда внукъ уже не имѣетъ никакихъ особыхъ, въ качествѣ приемыша, правъ.

У бѣдныхъ киргизъ случается, что женихъ, если у него нѣтъ родственниковъ, переходитъ къ тестю, присоединяетъ свой скотъ къ стаду послѣдняго и становится подъ его главенство. Послѣ смерти тестя онъ участвуетъ въ дѣлѣ наслѣдства на правахъ одного изъ среднихъ сыновей. Обычай этотъ носитъ названіе „кушкйовъ“. Онъ встрѣчается рѣдко и не пользуется симпатіей киргизъ: „калндагы кйтсуден каргасы джок тазы артык, т. е., не привязанной собакой лучше быть, чѣмъ зятемъ, привязаннымъ къ тестю“.

Незаконнорожденные.

Точно опредѣленнаго юридическаго понятія о незаконнорожденныхъ въ киргизскомъ обычномъ правѣ нѣтъ. Это ясно видно изъ того, что всякій ребенокъ, рожденный внѣ брака, можетъ быть законнымъ, если только его признаетъ отецъ. Вообще-же институтъ о незаконнорожденныхъ развитъ въ высшей степени слабо.

Въ степи почти отсутствуетъ незаконное сожитіе. Киргизскій народъ не допускаетъ незаконнаго сожитія, и если

оно, хотя рѣдко, существуетъ, то въ такихъ случаяхъ мужчины называютъ живущихъ съ ними женщинъ служанками, работающими за плату.

Всѣ дѣти, рожденные отъ законнаго брака, считаются законнорожденными.

Дѣти, рожденные отъ наложницъ, признаются также законными, если отецъ признаетъ ихъ своими.

Дѣти, рожденные и внѣ брака, но признанныя законными отцемъ, считаются законнорожденными.

Дѣти, прижитыя женихомъ и невѣстою до форменнаго заключенія брака, почитаются наравнѣ съ законными, имѣють въ наслѣдствѣ равную часть и пользуются состояніемъ отца, если отецъ признаетъ ихъ за своихъ собственныхъ дѣтей.

Незаконнорожденными у киргизъ считаются всѣ дѣти, прижитыя внѣ брака или же замужней женщиной не отъ своего мужа. Дѣти, прижитыя съ посторонними людьми, напримѣръ, непросватанной дѣвушкой съ кѣмъ-нибудь, просватанной не съ женихомъ, прислугой съ чужимъ человѣкомъ и т. д., остаются при матери, а послѣ ея смерти переходятъ къ ея роду и всю жизнь считаются презрѣнными существами. Презрѣніемъ преслѣдуются и ихъ матери и это то служитъ причиною распространеннаго въ степи обычая изгнанія плода у дѣвушекъ.

Если въ отсутствіе отца чрезъ 9 мѣсяцевъ и 10 дней или больше родится ребенокъ, то онъ считается незаконнорожденнымъ, и мужъ имѣетъ право требовать развода. Жена его выходитъ за любовника, который платитъ прежнему мужу калымъ или свою дочъ, или свою родственницу. Если-же мужъ не желаетъ развода, то онъ получаетъ жену съ чужимъ ребенкомъ и штрафъ съ любовника въ 2—3 верблюда.

Если-же ребенокъ произошелъ хотя и отъ любовника, но не въ отсутствіе отца, то онъ считается законнымъ ребенкомъ мужа.

Предъ смертью матери или раньше незаконнорожденные спрашиваютъ ее о своемъ отцѣ и отыскиваютъ его. Въ случаѣ признанія ихъ отцомъ они пользуются правами состоянія отца, отъ щедрости и воли котораго зависитъ количество ихъ выдѣла изъ имѣнья. Если умершій не оставитъ послѣ себя законныхъ дѣтей, незаконнорожденные пользуются полнымъ наслѣдствомъ. Если-же есть законныя дѣти,

то часть незаконнорожденного опредѣляется отцомъ въ завѣщаніи. Въ случаѣ смерти отца, не сдѣлавшаго духовнаго завѣщанія, незаконнорожденный получаетъ часть изъ имущества, но всегда меньшую противъ законныхъ дѣтей, по приговору бievъ.

Прекращеніе брака. Разводъ.

Право развода установлено между мусульмавами на совершенно иныхъ основаніяхъ, какъ во всѣхъ христіанскихъ законодательствахъ. Разводъ по мусульманскому праву есть дѣйствіе одностороннее; если разводъ не исполняется по закону, какъ необходимое дѣйствіе къ расторженію брака, или же какъ естественное послѣдствіе опредѣленныхъ въ законѣ обстоятельствъ, то въ остальныхъ случаяхъ разводъ зависитъ отъ одного произвола мужа, который въ правѣ приступить къ нему и исполнить его безъ объясненія повода и причинъ, побудившихъ его къ этому. Мусульманамъ ставится только одна преграда въ дачѣ развода по произволу мужа; преграда чисто матеріальная, такъ какъ она состоитъ въ обязанности выплачивать мехръ. Предоставляя право развода на произволь мужа, законодатель Ислама хотѣлъ однако предупредить всякое необдуманное, всякое внезапное, подъ вліяніемъ моментныхъ страстей, расторженіе брака. Онъ установилъ возможность троекратнаго объявленія развода, и лишь послѣ третьяго объявленія бракъ расторгается окончательно. „Вы въ одинаковой степени не можете любить всѣхъ женъ вашихъ, сколько-бы вы этого ни желали: посему разлучайтесь съ ними, но безъ изъявленія вражды и отвращенія. Будьте великодушны и Богъ будетъ снисходителенъ и милостивъ къ вамъ“ (Кор. IV, 128). Эти-же самыя начала дѣйствуютъ и въ киргизскомъ обычномъ правѣ.

Въ черной ордѣ разводъ производится бiями при постороннихъ свидѣтеляхъ, изъ которыхъ одинъ разсѣкаетъ ножомъ прутикъ, концы котораго держатъ отцы или родственники разводимыхъ супруговъ. Разсѣкающій получаетъ подарокъ по состоянію супруговъ и есть непреложный свидѣтель расторженія брака. У киргизъ другихъ — разводъ

производится мужемъ при свидѣтеляхъ, произносящихъ три раза „таляк“. Жена въ это время покрывается покрываломъ въ доказательство, что она сдѣлалась для мужа постороннею. Обыкновенно, впрочемъ, разведенною считается жена, когда она уходитъ въ отцовскій домъ или къ тому, кто ее выдалъ замужъ.

Разводъ бываетъ слѣдствіемъ или взаимнаго согласія супруговъ, или-же единоличнаго желанія мужа. Взаимное согласіе, завися вполнѣ отъ воли супруговъ, позволяетъ имъ устанавливать какія угодно условія, какъ по отношенію къ дѣтямъ, такъ и по отношенію къ имуществу.

Разводъ по одностороннему желанію мужа не требуетъ приведенія наличности никакихъ провинностей со стороны жены. Достаточно, чтобы мужъ трижды въ одинъ день сказалъ женѣ—„син талак—уйди прочь“, и она разведена навсегда. Случаи такого немотивированнаго развода бываютъ очень рѣдки; большею частью мужъ отсылаетъ жену вслѣдствіе ея дурнаго поведенія, неумѣнія вести хозяйство и т. п. причинъ.

Супруги, разошедшіяся по взаимному согласію или вслѣдствіе односторонняго желанія мужа, могутъ опять сойтись до истеченія 3-хъ мѣсяцевъ и 10 дней и въ такомъ случаѣ никакихъ формальностей не требуется; по истеченіи же этого срока требуется, чтобы они вторично повѣнчались.

Если кто засталъ жену на мѣстѣ преступленія, въ положеніи, какъ выражаются киргизы, не вынутой изъ ноженъ сабли, и когда нѣтъ противъ такого обвиненія возраженія или оправданія со стороны жены, мужъ имѣетъ право прогнать ее къ ея „тюркунъ“, т. е. на родину къ родителямъ, удержавъ при себѣ всѣхъ дѣтей отъ нея и все ея имущество—приданое. Если-же жена не поймана *in flagranti*, то мужъ доказываетъ ея невѣрность свидѣтельскими показаніями и присягой. Онъ долженъ имѣть противъ ея не менѣе 4-хъ свидѣтелей, показанія которыхъ должны быть совершенно согласны между собою. Въ огражденіе женщины отъ ложнаго въ этомъ случаѣ обвиненія магометанскій законъ налагаетъ наказаніе на того, кто, обвинивъ ее въ невѣрности мужу, не будетъ въ состояніи представить 4-хъ свидѣтелей. Такому обвинителю предлагается клясться 4 раза въ томъ, что онъ говоритъ правду, и пятый разъ—призывая

на себя проклятіе въ случаѣ ложнаго свидѣтельства. Если же онъ этого сдѣлать не можетъ, то Магометъ совѣтуетъ такому обвинителю дать 80 ударовъ и не принимать его свидѣтельства въ чемъ-бы то ни было. Женщина, какъ и мужъ ея, клянется пять разъ: 4 раза въ томъ, что мужъ ея солгалъ на нее, а въ 5-й разъ призываетъ на себя гнѣвъ Божій, если мужъ сказалъ о ней правду, и она дала ложную клятву.

Всякій, кто обвинить жену въ неуваженіи и непочтительности ея къ нему, но безъ прелюбодѣянiя, и подтвердить свое обвиненіе достовѣрными свидѣтелями, тотъ имѣетъ право развестись съ нею и отпустить ее къ роднымъ, но долженъ дать ей лошадь подъ верхъ, постель и часть приданого.

Хотя на разводъ и нѣтъ уважительныхъ причинъ, но тѣмъ не менѣе разъ мужъ выражаетъ неотступное желаніе развестись съ женою, онъ можетъ это сдѣлать, лишь-бы не удерживалъ у себя женинаго приданого и дѣтей отъ нея.

Если жена обвинить мужа въ прелюбодѣянiи и холодности къ ней, доходящей до того, что онъ даже не имѣетъ съ нею супружескихъ сношеній, то мужу дѣлается троекратное внушеніе, чтобы онъ точно выполнялъ свои обязанности относительно жены, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, лишиться ея съ приданнымъ и съ дѣтьми. Но въ претензіи всякой женщины на прелюбодѣянiе мужа, если онъ только ночи проводить съ нею,—отказывается.

Если жена заявить на мужа, что онъ неспособенъ къ отправленію супружескихъ обязанностей, тогда должно положить его, выражаясь по киргизски, на такъ называемый— „сарап“, т. е. подвергнуть его публичному освидѣтельствуванію, заставивъ его совершить требуемую отъ него женою обязанность при свидѣтеляхъ. Съ каждой стороны выбирается по одному свидѣтелю, и эти двое съ третьимъ почетнымъ и не заинтересованнымъ лицомъ помѣщаются въ юртъ, гдѣ и производить свои наблюденія. Если же мужъ отзовется естественно пробуждающимся у всякаго при этомъ чувствомъ совѣсти и стыдливости, тогда испытаніе его способности дѣлается чрезъ холодную воду, отъ которой дѣтородный членъ при исправномъ его состояніи уменьшается, а при дѣйствительной неспособности остается въ одномъ по-

ложениі. Подъ вліяніемъ русскихъ властей въ настоящее время киргизы для медицинскаго освидѣтельствованія способности мужа къ супружеской жизни обращаются къ мѣстнымъ врачамъ и заключеніе ихъ принимаютъ во вниманіе.

Удоставрившись тѣмъ или другимъ способомъ испытанія въ неспособности мужа, должно развести его съ женою, которая удерживаетъ за собой приданое. Если при такомъ разводѣ окажутся дѣти, это будетъ свидѣтельствовать, что мужъ лишился способности недавно, или что они прижиты его женой отъ посторонняго. Тогда, если мужъ желаетъ удержать дѣтей при себѣ, долженъ присягою двухъ родовичей доказать прижитость ихъ, именно, отъ него во время его способности, которой онъ лишился послѣ, или если не представить присяги,—уступить ихъ матери.

Если мужъ, увѣряя въ недавней своей неспособности, надѣется получить выздоровленіе при медицинской помощи, тогда прежде развода должно предоставить ему вылечиться въ теченіи года, по прошествіи каковаго срока, если къ нему не возвратится способность,—развести супруговъ окончательно.

Кромѣ этихъ причинъ бракъ расторгается еще по безвѣстному отсутствію мужа въ продолженіи семи лѣтъ, если въ этотъ срокъ не отыскали его и не привезли отъ него женѣ средствъ къ пропитанію. Жена въ этомъ случаѣ доказывается старшему брату безъ калыма.

Бракъ расторгается, если мужъ не даетъ женѣ содержанія въ теченіи 6 мѣсяцевъ и 13 дней.

Въ случаѣ жалобы жены бію на жестокое обращеніе мужа, бій дѣлаетъ увѣщаніе мужу, но если жена снова до 3-хъ разъ будетъ жаловаться на мужа, тогда бій дѣлаетъ разводъ.

Въ случаѣ незаконности брака бракъ расторгается. Относительно расторженія брака вслѣдствіе его незаконности одинъ изъ чиновниковъ Кустанайскаго у., Тургайской обл. передавалъ мнѣ такой фактъ. Во время посѣщенія одного аула уѣзднымъ начальникомъ молодая киргизка лѣтъ 15—16 падала ему просьбу о разводѣ и горячо настаивала на немъ, такъ какъ мужъ ея вслѣдствіе дѣтскихъ лѣтъ не удовлетворяетъ ея, а на оборотъ только сильнѣе разжигаетъ ея страсть и доводитъ ее до бѣшенства. Когда привели ее

мужа, то оказалось, что это мальчикъ 11—12 лѣтъ. Убѣд-
ный начальникъ передалъ это дѣло народному судѣ, ко-
торый сначала продержалъ просительницу въ своемъ аулѣ
недѣли двѣ и, широко воспользовавшись своею властью,
далъ ей потомъ разводъ.

Супруги разведенные могутъ снова вступать въ бракъ.
При этомъ вторичномъ вступленіи — калымъ не уплачивается.
Въ случаѣ же троекратнаго развода съ одною и тою-же же-
ною, не иначе на ней можно жечиться, какъ послѣ того,
когда разведенная въ 3-й разъ жена, вступивъ въ бракъ съ
постороннимъ лицомъ, разведется съ этимъ послѣднимъ.

Смерть одного изъ супруговъ отражается весьма раз-
лично на оставшемся въ живыхъ, смотря по тому, кто
умеръ — мужъ или жена. Между тѣмъ какъ смерть жены
вполнѣ прекращаетъ отношенія мужа къ семейству умершей,
вдова по смерти мужа должна, по обычаю, перейти къ брату
или ближайшему родственнику покойнаго и только въ на-
стоящее время еще иногда можетъ уклониться отъ этой
обязанности. По отношенію къ срокамъ для новой свадьбы
и ношенія траура замѣчается то же самое различіе. Смерть
жены не влечетъ никакихъ обязанностей для мужа и дѣ-
тей; напротивъ смерть мужа возлагаетъ на жену и дочерей
обязанность носить въ теченіи года траурную повязку и не
совершать свадьбы въ теченіи того-же времени. Въ настоя-
щее время срокъ этотъ для вдовы, подъ вліяніемъ Корана,
сократился, и она не должна выходить замужъ въ продол-
женіи ста дней. При этомъ — если вдова пожелаетъ снова
выйти замужъ, то, какъ было сказано выше, должна не-
премѣнно выйти за родного брата своего мужа или за бли-
жайшаго его родственника. Если-же она пожелаетъ остаться
вдовою, то принуждать ее ко вторичному браку никто не
имѣетъ права. Вдова можетъ выйти и за посторонняго кир-
гиза, но въ такомъ случаѣ она теряетъ все свое имущество,
и дѣти, не исключая грудныхъ и еще не рожденныхъ отъ
перваго брака, отбираются у нея и передаются роднымъ
умершаго мужа.

Такимъ образомъ при полномъ произволѣ мужа въ
разводѣ, при полной его свободѣ по прекращеніи брака за
смертью жены, мы опять видимъ совершенное безправіе
женщины, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ.

О п е к а.

Несовершеннолѣтними считаются лица какъ мужскаго такъ и женскаго пола до истеченія 15 лѣтняго возраста, Несовершеннолѣтніе не могутъ распоряжаться своимъ имуществомъ. Продажа, купля, заемъ, совершенные несовершеннолѣтними считаются не дѣйствительными. Въ виду этого, „дѣтей, оставшихся послѣ отца или матери не совершенныхъ лѣтъ, кои еще имѣніемъ владѣть не въ состояніи, поручаютъ ближнему родству подъ опеку, а если родственниковъ нѣтъ, то постороннимъ достойнымъ людямъ до настоящаго возраста“. (§ 204 Самоквасовъ—Сборн. обычн. права Сибирск. инородцевъ). Опека эта не юридическая а патриархальная. Опекуномъ долженъ быть непременно ближайшій по старшинству родственникъ. Даже воля умершаго не можетъ измѣнить порядка опеки; кому бы онъ не поручилъ опеку, его все равно не слушаютъ, и опека переходитъ къ ближайшему родственнику. Но если нѣтъ родственниковъ, или если они извѣстны своимъ предосудительнымъ поведеніемъ, то бѣи назначаютъ опекунами и постороннихъ лицъ. Отказъ отъ опеки дозволенъ, и тогда опекуномъ становится слѣдующій родственникъ. Число опекуновъ не опредѣляется, но большею частью бываетъ, конечно, одинъ. Опекунъ беретъ къ себѣ дѣтей, умершаго, скотъ, имущество и пр. На его обязанности лежитъ: одѣвать, кормить и заботиться о сиротахъ, какъ о своихъ собственныхъ дѣтяхъ. Всѣ ходатайства по ихъ имуществу лежатъ на немъ. Какъ только сироты подрастутъ и женятся, ихъ выдѣляютъ. Выдѣлъ лежитъ на обязанности и совѣсти опекуна; никто въ это не вмѣшивается, если только опекаемые въ дадахъ съ опекуномъ. Если же сироты не вѣрятъ опекуну и ссорятся съ нимъ, то раздѣлъ производится при помощи ихъ родственниковъ.

Отчета по опекѣ никому не дается. Если-же случится обманъ и сироты узнаютъ объ этомъ, то они ищутъ съ опекуна черезъ бѣевъ. За растрату имущества опекаемыхъ опекуны отвѣчаютъ своимъ состояніемъ.

Скотъ и другое имущество въ моментъ выдѣла женившигося сироты дѣлится на равныя части. Дочери не имѣютъ права на имущество отца, и еслибы случилось

послѣ раздѣла остаться дѣвушкамъ-сироткамъ, то онѣ переходятъ къ младшему или къ другимъ отдѣленнымъ братьямъ; могутъ остаться и у опекуна, хотя это бываетъ крайне рѣдко. Въ послѣднемъ случаѣ опекунъ все-же не оставляетъ скота для пропитанія сиротъ; онъ оставляетъ лишь женское платье, которое и идетъ послѣ съ ними въ приданое. Калымъ въ этомъ случаѣ идетъ опекуну. Точно также поступаетъ и братъ, взявшій сестеръ отъ опекуна. Словомъ—калымъ идетъ тому, кто воспиталъ и выдалъ дѣвушку.

Опекунъ за свою заботу о сиротахъ не получаетъ никакого вознагражденія. Права его къ опекаемымъ—права отца.

Если умереть мать, то объ опекѣ нѣтъ и рѣчи, дѣти продолжаютъ жить у отца, подѣ его надзоромъ. Если умереть мужъ, а вдова, имѣя сыновей, выйдетъ за ближайшаго родственника, то съ ней переходятъ всѣ дѣти и скотъ, а новый ея мужъ становится опекуномъ своихъ пасынковъ. Это бываетъ при малолѣтнихъ дѣтяхъ. Если-же у вдовы есть взрослый женатый сынъ, то скотъ и имущество остаются въ его распоряженіи; у него остаются и всѣ его братья, надъ которыми онъ становится опекуномъ. Мать-же съ дочерьми переходитъ къ новому мужу безо всего.

Если по смерти мужа вдова не выйдетъ замужъ, то вступаетъ въ права умершаго и распоряжается всѣмъ также неограниченно, какъ-бы распоряжался ея мужъ, будь онъ живъ.

Вѣи должны заботиться, чтобы доставить пропитаніе и назначить опеку круглымъ сиротамъ, хотя бы у нихъ не было никакого состоянія.

Въ томъ-же самомъ порядкѣ и на тѣхъ-же условіяхъ опекуны назначаются, по желанію родственниковъ, надъ безумными и сумасшедшими и надъ ихъ имуществомъ. „Равнымъ образомъ и безумные сынъ или дочь, оставшіеся по смерти отца или матери, ввѣряются ближнему родству, а когда они не имѣютъ, то общество принимаетъ ихъ въ свое покровительство до смерти ихъ; послѣ того все имѣніе дѣлится на поминки мулламъ и ближнимъ“. (§ 205 Самоквасовъ—Сборн.—Сибирск. Инор.).

По желанію и по просьбѣ родственниковъ сіи могутъ назначить опеку и надъ имуществомъ расточителей.

Приложенія.

I.

Въ виду того, что мнѣ неоднократно приходилось упоминать о различныхъ наказаніяхъ, аипахъ за проступки, считаю нужнымъ пояснить нѣкоторыя изъ нихъ:

а) Атъ тунъ аипъ—штрафъ въ одну лошадь и халатъ.

б) Атъ-тунъ—въ немъ лошадь нерѣдко замѣняется однимъ только халатомъ.

в) Тогузъ—9 штукъ скота (девятка).

г) Тье-бастатканъ-тогузъ—изъ 3-хъ верблюдовъ, 3-хъ лошадей и 3-хъ штукъ рогатаго скота.

д) Атъ-бастатканъ тогузъ—изъ 3 хъ лошадей, 3-хъ шт. рогатаго скота и 3-хъ барановъ.

е) Угуз-бастатканъ тогузъ—изъ 3-хъ шт. рогатаго скота и 6 барановъ или изъ одного быка съ 8 ю баранами разнаго возраста.

ж) Бійлыкъ—штрафъ въ пользу бія рѣшившаго дѣло.

з) Калямъ-хакъ—плата за перо.

II.

„Эреже“ (постановленія) чрезвычайныхъ Съѣздовъ народныхъ судей.

Относительно постановленій чрезвычайныхъ Съѣздовъ народныхъ судей должно замѣтить, что они во многомъ далеко ушли отъ обыденныхъ нормъ обычнаго права—адата. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что составляются они подъ сильнымъ вліяніемъ русской администраціи—уѣзднаго начальника, его помощника и пр. Благодаря этому чисто внѣшнему, наносному фактору и жизненность ихъ, къ сожалѣнію, больше бумажная, а не дѣйствительная.

1) Лѣтомъ 1896 г. былъ чрезвычайный Съѣздъ народныхъ судей на урочищѣ Курбанъ-Каикъ для разбора спорныхъ дѣлъ между киргизами 2-хъ смежныхъ уу. *Зайсан-*

скаго и Устькаменногогорскаго, на которомъ бѣи постановили эреже слѣдующаго содержанія.

а) „Если высватанную невѣсту, къ которой на свиданье ѣздилъ женихъ, отдадутъ замужъ за другого, то родители невѣсты пусть возвратятъ жениху весь полученный калымъ и кромѣ того пусть заплатятъ ему штрафъ одну лошадь съ кафтаномъ и верблюда съ девятью (т. е. верблюда, лошадь, корову, барана, козу, кафтанъ и три лоскутка матеріи. Если говорятъ „лошадь съ девятью“, то значить надо уплатить въ пользу истца или потерпѣвшаго лошадь, корову, барана, козу, кафтанъ и четыре лоскутка матеріи)“.

б) „Если невѣста, къ которой ѣздилъ на свиданье женихъ, умереть, то жениху пусть будетъ возвращена половина уплаченнаго имъ калыма“.

в) Если умереть женихъ, а невѣста еще живетъ у своихъ родителей, и если она не пожелаетъ выйти за кого-нибудь изъ его родственниковъ, то пусть весь уплаченный калымъ будетъ возвращенъ его родителямъ“.

г) „Если невѣста умереть послѣ того, какъ ее увезетъ къ себѣ женихъ, и если послѣ себя она не оставитъ дѣтей, то ея приданое дѣлится на двѣ части,—одну часть пусть получаетъ ея отецъ, а другую—ея мужъ“.

д) „Вдова пусть по своей волѣ выходитъ замужъ“.

е) „Послѣ смерти мужа (не оставившаго послѣ себя сыновей) пусть вдова выдаетъ третью часть его имущества братьямъ мужа; если-же у вдовы останется дочь отъ умершаго мужа, то по выходѣ ея (дочери) замужъ пусть вторая треть имущества ея отца идетъ въ пользу ея родственниковъ“.

Такимъ образомъ, по смыслу постановленія, послѣдняя треть наследуется самой вдовой“. (Киргизская Стенная Газета 1896 г. № О. Альджановъ).

2) *Эреже* (постановленіе) чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей Устькаменногогорскаго и Семипалатинскаго уѣздовъ. Кирг. Ст. Газ. 1898 г. № 34.

1896 г. 17 августа мы, нижеподписавшіеся и приложившіе свои казенныя печати официальные бѣи (народные судьи) Устькаменногогорскаго и Семипалатинскаго у.у. въ присутствіи г.г. уѣздныхъ начальниковъ постановили на-стояща Эреже на чрезвычайномъ съѣздѣ, бывшемъ на рѣкѣ

Гарѣ, на урочищѣ Кошекѣ, объ единогласномъ между собой рѣшеніи претензій киргизовъ на основаніи народныхъ обычаевъ, руководствуясь нижеприведенными §§.

I.

Дѣла брачныя и семейныя.

1) „Если высватанную дѣвицу, за которую платять калымъ и къ которой женихъ ѣздилъ неоднократно на свиданіе (калын ойнамакъ), отдаютъ замужъ за другого, то виновный по обычаямъ (хурфы) киргизовъ долженъ возвратить весь полученный калымъ и соответственно размѣру такового уплатить штрафъ отъ одной лошади съ кафтаномъ до 3-хъ „девятковъ“. Главой первой девятки долженъ быть верблюдъ, второй—лошадь и третій—кунанъ (лошадь двух-годовалая)“.

2) „Замужняя женщина должна быть при своемъ мужѣ, разстраивающихъ-же подвергнуть штрафу отъ одной лошади съ кафтаномъ до одной девятки во главѣ съ верблюдомъ“.

3) „Если высватаютъ невѣсту только для того, чтобы получить свадебные подарки (кѣнтъ), а не для того, чтобы платить за нее калымъ и жениться на ней, то признанные виновными въ томъ дѣяніи должны возвратить кѣнтъ и заплатить за обманъ штрафъ одну лошадь съ хомутомъ“.

4) „Если во время „калымъ ойнамека“ умретъ невѣста, то двѣ трети заплоченнаго за нее калыма должны быть возвращены жениху; если умретъ женихъ и его невѣста не пожелаетъ выйти замужъ за брата покойнаго, то $\frac{2}{3}$ заплаченнаго за нее калыма получаетъ обратно сторона жениха, при этомъ согласно обычаямъ невѣста получаетъ вознагражденіе (жоль)“.

5) „Если кто-нибудь женится на дѣвицѣ и во время ихъ супружеской жизни она ему не понравится, то онъ не долженъ продавать ее за скотъ, а долженъ дать ей разводъ и отпустить на свободу. Тотъ, кто покупаетъ женщину, долженъ обратно получить свой скотъ и уплатить штрафъ въ размѣрѣ одной лошади и халата“.

6) „Если женихъ увезетъ свою невѣсту съ согласія и за нею, по обычаямъ киргизовъ, поѣдетъ погоня—ея род-

ные, то послѣдніе должны помириться съ женихомъ, взявши съ него за увозъ невѣсты вознагражденіе (жолъ) и обязаться при этомъ доставить приданое (джасау) невѣсты. Если-же они приданого не доставятъ, то жениху разрѣшается предъявить къ нимъ искъ“.

7) „Вдовѣ предоставляется право выбрать себѣ мужа по своей волѣ, если она не пожелаетъ выйти замужъ за одного изъ родственниковъ своего мужа. Въ такомъ случаѣ малолѣтнія дѣти остаются при матери. Вдова-мать обязана дѣлиться первою получкою калыма, поступаемаго за послѣдовавшую за нею дочь, съ ближайшими родственниками покойнаго мужа, отъ котораго эта дочь прижита. Въ томъ случаѣ, когда вдова съ малолѣтними дѣтьми мужескаго пола вздумаетъ выйти замужъ не за родственника покойнаго мужа, а за человѣка посторонняго, то эти дѣти ея, получивъ слѣдуемая имъ части наслѣдства (состоящаго изъ юрты и другого имущества), остаются у родственниковъ своего отца“.

8) „Если у кого-нибудь умретъ жена, не оставивъ послѣ себя дѣтей, то, по обычаямъ киргизовъ, отцу этой женщины возвращаются изъ ея приданого верблюды, лошади и саукеле (головной уборъ)“.

9) „Въ томъ случаѣ, когда вдова, достигши среднихъ лѣтъ, выйдетъ не за родственника своего покойнаго мужа, то родственникамъ послѣдняго возвращается $\frac{1}{4}$ заплаченнаго за нее калыма“.

10) „Въ томъ случаѣ, когда жена, сильно обижаемая своимъ мужемъ, уйдетъ къ родителямъ, не получивъ отъ него разводной бумаги, которую мужъ не изъявляетъ согласія дать, то ей предоставляется ходатайствовать о разводѣ предъ „обществомъ“; при этомъ, если волостной управитель согласится дать ей свою печать, то разводъ считается состоявшимся и наоборотъ, если ей не удастся почему либо получить этой печати,—разводъ считается не состоявшимся“.

3) *Эреже — постановленіе бѣевъ на Кубь-Кульскомъ сѣздѣ.* (Кирг. Ст. Газ. 1899 г. 41).

1899 года 25 Августа, мы, бии 8 волостей, проживающихъ около станціи Баянь-ауль, по общему нашему согласію, постановили настоящее эреже на Кубь-Кульскомъ

сѣздѣ о нижеслѣдующемъ, что удостовѣряется съ приложеніемъ казенной печати.

Мною взяты только §§, относящіеся къ семейному праву.

11) „Если кто-нибудь просватанную дочь свою отдастъ за другого, за предложенный большой калымъ, то съ него слѣдуетъ взыскать послѣдній полученный калымъ въ пользу перваго жениха и наложить штрафъ не меньше халата и лошади за то, что онъ за выгоду продалъ дочь свою“.

12) „Если высватававшій дочь, кого-бы то ни было, заплатить часть калыма, а остальное при несостоятельности своей своевременно не уплатить, то ему отецъ невѣсты долженъ возратить полученный калымъ со штрафомъ, давъ халатъ и лошадь, и тѣмъ дать дочери полную свободу“.

13) „Если отецъ или братъ отдастъ замужъ дѣвицу противъ ея воли, а она подастъ жалобу, тогда слѣдуетъ наложить штрафъ на отца ея за безжалостный поступокъ со своей дочерью“.

14) „За соблазнъ чужой жены на виновнаго слѣдуетъ наложить большой штрафъ и подвергнуть тѣлесному наказанію“.

15) „Если мужъ, узнавъ, что жена его измѣняетъ ему, пожелаетъ удалитъ ее отъ себя, тогда ему долженъ возвратитъ магаръ (условную плату, положенную при вѣнчаніи) тотъ, кто беретъ ее за себя“.

16) „Если мужъ безвинно будетъ бить жену и дастъ по своей волѣ разводъ, тогда съ нея ничего нельзя требовать, а напротивъ она должна взять свое имущество“.

17) „Послѣ смерти мужа вдова пользуется полною свободой, и никто насильно взять себѣ въ жены ее не можетъ, считая себя правымъ по обычаю киргизовъ, а предоставляется ей право выйти замужъ по ея желанію съ имѣющимъ имуществомъ“...

II.

Изъ практики киргизскаго народнаго Суда. Брачныя дѣла.

1) „Киргизъ № 4 аула Чингельской вол., Иргизскаго у. Тажмамбетъ Кубекеновъ словесно заявилъ сѣзду народныхъ судей упомянутой волости, что киргизъ Тукенъ Космамбетовъ въ 1885 г. выдалъ свою сестру въ замужество за брата

просителя, Нурмамбета, за которую Кубекеновы въ разное время уплатили условленный калымъ (9 головъ разнаго скота). Затѣмъ въ 1892 г. Космамбетовъ выдалъ свою сестру за другого жениха, почему Кубекеновъ взялъ отъ него обратно выданный ему калымъ. Вслѣдствіе этого Кубекеновъ просить взыскать съ Тукена Космамбетова за самоволіе въ аипъ 1 тогузъ, т. е. 9 головъ разнаго скота.

Отвѣтчикъ Космамбетовъ объяснилъ, что въ 1892 году самъ-же проситель Кубекеновъ сказалъ, что братъ его Нурмамбетъ умеръ, а потому онъ и возвратилъ ему взятый калымъ, а сестру свою выдалъ въ замужество за другого киргиза.

Сѣздъ народныхъ судей Чингельской волости 14 апрѣля 1894 г. за № 18 опредѣлилъ: отвѣтчику Космамбетову оправдаться присягою родственника въ 3-мъ колѣнѣ за исключеніемъ малолѣтнихъ и лицъ, имѣющихъ вражду со сторонами. Выборъ присягателя предоставить просителю Кубекенову. Если отвѣтчикъ оправдается, то жалобу просителя оставить безъ послѣдствій, а если-же не оправдается, то взыскать съ отвѣтчика Космамбетова за самоволіе въ пользу просителя одинъ тогузъ въ аитъ, т. е. 1 верблюда, 1 лошадь, 2 дунаана, 2 кунана бычка, 2 тая бычка, 1 теленка по одному году, всего на сумму 142 руб. и судьямъ въ бійлыкъ 14 руб. 20 коп. Срокъ присяги 19 апрѣля. Присягаетъ киргизъ № 1 аула Шоканъ Шокѣевъ. Рѣшеніе объявлено и стороны остались довольны". (Тургайская газета 1895 г., № 9.).

2) „Киргизъ № 3 аула Чингельской вол. Кара Булкумбаевъ заявилъ тому-же сѣзду народныхъ судей, что въ 1893 г. киргизъ Сентовъ соблазнилъ его жену къ прелюбодѣянью и увелъ ее въ свой аулъ; такъ-какъ Сентовъ проживаетъ съ женою Булкумбаева и по настоящее время, то послѣдній просить сѣздъ возвратить ему жену и взыскать съ Сентова за прелюбодѣяніе,

Отвѣтчикъ Сентовъ объяснилъ, что Булкумбаевъ самъ далъ своей женѣ волю проживать съ нимъ.

Сѣздъ народныхъ судей 16 апрѣля 1894 г. за № 20 опредѣлилъ: справедливость заявленія отвѣтчика оправдать присягою родственника въ 3-мъ колѣнѣ за исключеніемъ лицъ, имѣющихъ съ нимъ вражду и малолѣтнихъ. Право

выбора присягателя предоставляется просителю Булкумбаеву. Если назначенный присягатель не оправдает заявления его, то жалобу Булкумбаева оставить без послѣдствія, а женѣ предоставить свободу проживанія съ кѣмъ-угодно. Если-же заявленіе Булкумбаева будетъ оправдано присягою, то жену возвратитъ просителю и взыскать съ Сентова за прелюбодѣяніе одинъ тогузъ, т. е. 9 головъ разнаго скота на сумму 120 руб., въ бійлыкъ судьямъ 12 руб. и калямз-хакъ 1 руб. Срокъ присяги 19 апрѣля. Присягатель киргизъ № 3 аула Кидыръ Шартаевъ. Рѣшеніе сторонамъ объявлено и стороны остались довольны⁴. (Тург. Газ. 1895 г. № 9).

3) „Въ Каратургайской волости Тургайскаго уѣзда въ 1895 г. однимъ изъ единоличныхъ народныхъ судей было рассмотрѣно брачное дѣло по прошенію одной киргизской дѣвушки, ходатайствующей о дарованіи ей свободы къ выходу въ замужество по ея желанію. Обстоятельства дѣла заключались въ слѣд.: въ 1891 г. отецъ этой дѣвицы, просваталъ ее 12 лѣтъ, противъ ея желанія, за человека пожилаго и имѣющаго уже другую жену и дѣтей. Она, находя такой бракъ не подходящимъ для себя, просила у начальства свободы и покровительства.

Народный судья, которому это дѣло было ввѣрено тяжущимися, приступая къ его рассмотрѣнію, вызвалъ заинтересованныхъ въ немъ лицъ, изъ которыхъ дѣвица, конечно, высказала судѣ свое нежеланіе выйти замужъ за назначеннаго ей отцомъ жениха, а женихъ настаивалъ на этомъ, объясняя судѣ, что онъ уже выплатилъ за невѣсту условленный калымъ—въ 25 головъ скота. Въ противномъ случаѣ онъ просилъ судью обязать отца невѣсты возвратитъ ему означенный калымъ съ приплоднымъ % и съ аипомъ, какъ съ лица, не сдержавшаго своего слова. Затѣмъ, по обычаю, обѣ тяжущіяся стороны на время судебного совѣщанія были удалены, послѣ чего дѣвицѣ, ожидавшей рѣшенія въ свою пользу, была объявлена слѣдующая резолюція судьи: чтобы женихъ, получивъ обратно съ отца невѣсты отданный имъ калымъ, далъ бы ей свободу на выходъ замужъ, по ея усмотрѣнію, при чемъ отецъ невѣсты долженъ уплатить, кромѣ возвращенія калыма, въ % 8 тай чигаръ (жеребятъ по 2-му году) и въ аипъ одинъ тогузъ, т. е. 1 верблюда, 1 извѣстную лошадь сиво-лысой масти и

7 барановъ, а если пожелаетъ взять за себя невѣсту, то отдалъ-бы отцу просительницы одинъ тогузъ, состоящій изъ одного сиваго иноходца, жеребенка по 2 му году и 7 барановъ. Дѣвица на такое рѣшеніе, конечно, изъявила свое неудовольствіе и перенесла дѣло въ Областное Правленіе“. (Тург. Газ. 1895 г. № 18)

4) „У народнаго судьи въ 1896 года разбиралось такое дѣло: киргизка аула № 2 Бурлинской волости, Бати Токаева въ дѣтствѣ была просватана за киргиза того-же аула и волости Баймукана Айсарина, при чемъ отецъ жениха уплатилъ отцу невѣсты 4 головы скота. Со временемъ невѣста и женихъ возмужали. Вдругъ Баймуканя Айсаринъ умеръ. Тогда его отецъ Айсары сталъ требовать, чтобы Бати Токаева, по киргизскому обычаю, вышла въ замужество за родного брата покойнаго—Ирмукана Айсарина. Но Бати отказалась; она уже полюбила другого киргиза Косыма Сартаева, за котораго и хотѣла выйти замужъ. Это показалось киргизу Айсары святотатствомъ и онъ предъявилъ искъ къ Токаю, отцу Бати. Искъ этотъ разбирался у народнаго судьи аула № 2 Бурлинской волости Утегула Мендыбаева. Народный судья, руководствуясь киргизскими обычаями, постановилъ такое рѣшеніе: Токай долженъ выдать свою дочь Бати въ замужество Ирмукану Айсарину (брату умершаго Баймукана); если-же Токай этого не пожелаетъ, то долженъ уплатить киргизу Айсары (отцу Ирмукана) калымъ въ 12 головъ скота; затѣмъ новый женихъ Косымъ Сартаевъ, если онъ женится на Бати Токаевой, долженъ уплатить тому-же Айсары штрафъ въ одинъ „тус бастатканъ тогузъ“, т. е. 9 головъ скота, во главѣ которыхъ долженъ быть верблюдъ. Высшее наказаніе тус бастатканъ тогузъ въ настоящемъ случаѣ къ Бати примѣнено за то, что она не хочетъ, слѣдуя обычаю, перейти по наслѣдству къ Ирмукану Айсарину, а хочетъ по любви выйти замужъ за Сартаева“. (Тургайская Газета, 1897 г. № 5).

5) „По дѣлу киргиза аула № 5, Каракульской волости, Тасмухамеда Крumbaева съ женой его Дженбикою. Обстоятельства дѣла слѣдующія: первый мужъ у этой женщины умеръ; затѣмъ она была выдана за просителя, какъ родного брата ея покойнаго мужа; въ настоящее время не желаетъ болѣе оставаться замужемъ по причинѣ дурнаго обраще-

нія съ ней. Вслѣдствіе согласія обоихъ сторонъ на разводъ біемъ Достаномъ Амановымъ постановлено: уплатить мужу расходы, употребленные на одежду жены въ продолженіи 4-хъ мѣсячнаго проживанія съ нею, а женѣ получить разводный листъ на право свободнаго проживанія“. (Казалинскій уѣздъ, 1868 года).

6) „Киргизъ Чардаринской волости и аула, Таламишъ Кизылбаевъ, женившись на дочери Ужадъ-бая, Олджанъ, изъ племени Кара-Кеса и, будучи неспособенъ къ супружеской жизни, далъ ей окончательный разводъ; послѣ чего женился на ней младшій его братъ—Мамитъ, который тоже оказался неспособнымъ къ супружеской жизни. Олджанъ заявила объ этомъ чардаринскимъ біамъ, которые пригласили для разбора дѣла объ стороны. Таламишъ и Мамитъ сознались въ своей неспособности къ супружеской жизни и, по своей доброй волѣ, дали въ присутствіи біевъ, окончательный разводъ Олджанъ, получивъ отъ киргиза Сирке-бая Тукебаева, который женился на ней, по киргизскому адату, вмѣсто калыма, сто барановъ, одного двухгодовалого жеребенка и одну лошадь. Біи Чардаринской волости приложили свои печати“ (Кураминскій уѣздъ, 1877 года).

7) „Киргизъ Чиназской волости Ахунбекъ Ходжабековъ заявилъ чрезвычайному съѣзду біевъ жалобу, что, давъ 30 тиллей *) въ долгъ и 20 тиллей на пропитаніе вдовѣ покойнаго брата своего Илгичъ, онъ взялъ ее себѣ въ жены; между тѣмъ братъ ея, киргизъ Чиназской волости, Анарбай, увезъ ее и продалъ киргизу Чардаринской волости, Мусабай Халифъ за 300 рублей.

При разборѣ дѣла отвѣтчикъ Анарбай показалъ: 1) сестра его Илгича, послѣ смерти мужа своего, переселилась къ нему на житье; спустя годъ, Ахунбекъ, въ присутствіи казія и біевъ Чиназской волости, имѣлъ съ ней тяжбу и, получивъ съ нея оставшееся отъ перваго мужа имущество и всю домашнюю утварь, прекратилъ свою обычную о невѣстѣ претензію, въ чемъ Анарбай представилъ документы; 2) Илгича, по окончаніи тяжбы съ Ахунбекомъ, обратилась въ уѣздное управленіе, гдѣ заявила о смерти мужа и о

*) Тилля=3 руб. 80 коп.

томъ, что она живетъ безъ пропитанія; получила разрѣшеніе отъ начальства выйти замужъ по своему желанію; 3) о деньгахъ, отданныхъ въ долгъ и на пропитаніе, Ахунбекъ, получивъ отъ начальства приказъ, обратился къ біямъ Чиназской волости о взысканіи съ него, Анарбая, 80¹/₂ тиллей; біи назначили ему джановъ и когда онъ согласился привести ихъ, то истецъ отказался; на этомъ основаніи біи отказали ему въ искѣ; относительно этого онъ представилъ сѣзду бумагу.

Истецъ на вопросъ біевъ, имѣетъ-ли онъ свидѣтелей въ томъ, что взялъ себѣ въ жены Илгичу, по совершеніи обряда бракосочетанія, отвѣтилъ, что свидѣтелей не имѣетъ; былъ только одинъ мулла, совершавшій бракъ, но и тотъ скончался. Въ полученіи имъ всего имущества, оставшагося послѣ брата и племянниковъ, также и въ томъ, что онъ имѣлъ тяжбу съ Анарбаемъ о 80¹/₂ тилляхъ, отданныхъ имъ Илгичѣ въ долгъ и на пропитаніе, сознался.

По адату о бракосочетанія требуется не одинъ, а два благонадежныхъ свидѣтеля и еще мулла, совершающій обрядъ и читающій молитву; поэтому заявленіе истца, что онъ взялъ Илгичу себѣ въ жены законнымъ образомъ, какъ неправдоподобное и несогласное съ адатомъ, постановлено оставить безъ уваженія. Если-бы ахунбекъ дѣйствительно взялъ Илгичу себѣ въ жены по совершеніи обряда бракосочетанія, то не долженъ былъ получать отъ нея обратно имущество, оставшееся послѣ покойнаго брата своего, а равно и его дѣтей. Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь сказалъ: „я далъ законной женѣ своей деньги въ долгъ и на пропитаніе“.

Такъ-какъ всѣ эти слова не согласуются съ адатомъ, то постановлено Ахунбеку въ искѣ съ Анарбая отказать“.

8) „Киргизъ Тулагайской волости, Иргизскаго уѣзда, Била-Чубай-Кудратъ Бергановъ, заявилъ, что киргизъ Каратюбинской волости Бай-Мамбетъ Кунаровъ отобралъ у него его мать, двухъ родныхъ сестеръ, 4 верблюдовъ и кибитку, въ которой онъ жилъ, со всѣми домашними вещами, сумма коихъ, вмѣстѣ съ калымомъ двухъ сестеръ, простирается до 1480 рублей и просилъ взыскать съ Кунарова эту сумму.

Приглашенный для дачи отвѣта Кунаровъ показалъ, что упомянутая женщина его жена, послѣ брата его Куд-

ратъ Бергана, который скончался въ 1880 г.; онъ женился въ 1882 г. на вдовѣ его Силубигѣ, при которой были: одна кибитка, два мѣшка ячменя, два верблюда и двѣ дочери, изъ коихъ старшей 8 лѣтъ отъ роду, а младшей 4 года.

На основаніи показанія сторонъ и вслѣдствіе того, что оба тяжущіеся близкіе другъ другу люди, мы не назначили имъ присяги и по случаю разводнаго листа, даннаго Бай-Мамбетомъ Кунаровымъ женщинѣ Силубигѣ, по общему совѣщаніи, постановили: Силубигѣ считать разведенною; жалобу истца о старшей дочери, жившей и вышедшей замужъ при Кунаровѣ, оставить безъ послѣдствій; Силубигѣ, ея младшей дочери и жалобщику Кудратъ Берганову жить вмѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы отвѣтчикъ никакихъ правъ на эту младшую дѣвушку не имѣлъ; въ остальномъ искѣ отказать“ (Чрезвычайный сѣздъ Казалинскаго уѣзда).

9) „По дѣлу Аяна Тулубекова, Кысбугутской волости, съ киргизомъ той-же волости, аула № 4, Наузабекомъ Синдыгуловымъ, о неотдачѣ первому послѣднимъ другой дѣвицы, вмѣсто умершей. По разборкѣ біемъ Джаваемъ Кабаевымъ, оказалось, что Тулубековъ, послѣ смерти невѣсты своей, не былъ у родителей покойной, что обязательно слѣдовало по народному обычаю; кромѣ того безъ дозволенія родителей покойной невѣсты высваталъ себѣ другую невѣсту у посторонняго лица, а потому постановлено: согласно народнаго обычая, взыскать съ Тулубекова въ пользу Синдыгулова одинъ тогузъ, состоящій изъ 1 верблюда и 8 головъ лошадей“. (Казал. у. 1870 г.).

10) „Я, киргизъ аула Акчагнакъ, Ходжа Гельдибай Болсуновъ заявилъ жалобу біямъ на киргиза Чарбаринской волости Асиль-бая Джанишбаева въ томъ, что мною былъ выплаченъ ему за невѣсту калымъ, но онъ выдать теперь ее за меня не хочетъ. Какое-бы постановленіе ни сдѣлали біи, я имъ останусь доволенъ, въ чемъ, по доброй волѣ, приложилъ тамгу. Я, отвѣтчикъ Асиль-бай Джанишбаевъ останусь доволенъ рѣшеніемъ біевъ, какое они постановятъ. Въ удостовѣреніе вышесказаннаго біи приложили свои печати.

Мы, біи Чарбаринской волости, приложившіе ниже сего свои печати, по жалобѣ киргиза Ходжи Гельдибай Болсунова на киргиза Асиль-бая Джанишбаева объ одной невѣстѣ, пригласили стороны. При разборѣ дѣла Асиль-бай

показалъ что дочь его, которая была засватана, скончалась и что онъ именно ее сваталъ, а не другую. Поэтому было предложено ему лично и одному изъ родственниковъ третьяго поколѣнія подтвердить это заявленіе подъ присягою. Если Асиль-бай и родственникъ его Осиръ бай Чагаровъ 19-го мизана, въ присутствіи біевъ примутъ присягу, то дочь отвѣтчика освобождается, а жалобщикъ получаетъ обратно калымъ; если-же они присяги не примутъ, то дочь покойной жены Асиль-бая должна выйти за жалобщика замужъ. Въ назначенный срокъ поименованныя лица не явились принять присягу, поэтому мы-бы постановили: выдать замужъ за Болсунова дочь покойной жены Асиль бая, въ чемъ и приложили свои печати“. (Кураминск. у. 1877 г.).

11) „15 сунбула 1884 г. киргизъ Чимкентскаго у. Акмуллинской волости Джанкбай Балыкбаевъ заявилъ жалобу на киргиза Туркестанскаго у, Алшатинской волости Тикабая Тукмирзаева о невѣстѣ, говоря, что такъ-какъ его невѣста умерла, то онъ проситъ возвратить ему выплаченный калымъ. Отвѣтчикъ показалъ, что онъ дѣйствительно засваталъ за жалобщика свою дочь, но она умерла; онъ теперь согласенъ, если захочетъ жалобщикъ, выдать за него другую дочь, а если онъ не согласится, то вернетъ полученное имущество по счету.

По обоюдному соглашенію сторонъ дѣло кончено миромъ. Жалобщикъ согласился засватать другую дочь отвѣтчика. Въ удостовѣреніе этого бии съѣзда Туркест. и Чимкент. уѣздовъ приложили свои печати“.

12) „Киргизъ Чардаринской волости Карджубай Бекджановъ предъявилъ къ Нару Мутанову споръ о невѣстѣ.

При разборѣ дѣла отвѣтчикъ показалъ, что спорная невѣста съ малолѣтства воспитана имъ, потому и принадлежитъ ему. Карджубаю назначили свидѣтеля, котораго онъ не могъ привести; на основаніи этого постановлено: въ искѣ отказать“. (№ 5—12 взяты изъ Гродекова „Киргизы и Каракиргизы Сыръ Дарьинской области“, Юридич. Быт. т. I).

13) Похищеніе замужней женщины. (Тургайскія Областныя Вѣдомости 1891 г. № 7). :

„Киргизъ Илецкаго уѣзда Каратургайской волости, аула № 9 Нурмухамедъ Кыйсыковъ заявилъ жалобу мѣстному уѣздному начальнику на увозъ его жены киргизами

Аки-Тюбинской волости, аула № 2 Байменемъ Баубековымъ и сыномъ его Тюлебаемъ. Жалоба эта разбиралась волостнымъ съѣздомъ бievъ Акъ-Тюбинской вол., при чемъ истецъ объяснилъ, что жена его Ахча, въ ночь на 17 iюля 1889 г., была увезена киргизами Байменемъ Баубековымъ и сыномъ его Тюлебаемъ. скрывавшими затѣмъ ее у себя въ аулѣ нѣсколько дней при содѣйствіи жены Тюлебая Рысты и отправившими ее со вторымъ сыномъ Байменя-Байбасыномъ неизвѣстно куда. Спрошенные на съѣздѣ отвѣтчики не признали себя виновными въ возведенномъ на нихъ обвиненіи и объяснили, что Байбасынъ Байменевъ уѣхалъ изъ аула на заработки одинъ и что о пропажѣ жены у Кыйсыкова ничего имъ неизвѣстно. Съѣздъ бievъ, принимая во вниманіе, что Байбасынъ Байменевъ и жена просителя Кыйсыкова—Ахча скрылись одновременно и находятся до сихъ поръ оба въ неизвѣстной отлучкѣ, каковое обстоятельство нельзя объяснить простымъ совпадениемъ, рѣшеніемъ на 22 октября 1890 года, руководствуясь киргизскими обычаями, постановилъ: назначить Баймену Баубекову, сыну его Тюлебаю и женѣ послѣдняго Рыстѣ шестимѣсячный срокъ на розысканіе Ахчи Кыйсыковой и Байбасына Байменева, или оправдаться въ тотъ же срокъ присягою своего родственника изъ 4-го колѣна, по выбору просителя, въ томъ, что Ахчи не увозили и Байбасыну Байменеву не передавали. Въ случаѣ розысканія должны передать Ахчу мужу ея Кыйсыкову и уплатить въ пользу его айпу одинъ тогузъ, начиная счетъ съ лошади; если же въ назначенный срокъ Кыйсыкова не будетъ розыскана и отвѣтчики присягою своего родственника не оправдаются, то взыскать съ нихъ въ пользу Кыйсыкова за пропавшую жену 8 лошадей, 8 коровъ, 2 верблюда и 2 лошади, всего 20 головъ скота, съ отвѣтственностью въ уплатѣ этого взысканія родственниковъ отвѣтчиковъ до 3 колѣна.

Отвѣтчики такимъ рѣшеніемъ остались недовольны и перенесли дѣло въ Областное Правленіе.

14) Искъ дѣвицы о свободѣ на вступленіе въ бракъ. (Тург. Обл. Вѣд. 1891 г. № 9).

„Дѣвица, киргизка № 3 аула, Буртимской волости, Илецкаго у., Фатима Игинбаева обратилась къ Илецкому уѣздному Начальнику съ прошеніемъ о предоставленіи ей

полной свободы выйти въ замужество за кого пожелаетъ. Она заявила, что 5 лѣтъ тому назадъ, имѣя 13 лѣтъ отъ роду, она была просватана за киргиза, № 2 аула, Шапія Давлетбаева, который уплатилъ отцу Ичинбаю 8 головъ скота и получилъ въ подарокъ (кѣить) 3 штуки скота, 3 шелковыхъ и 2 простыхъ халата и 1 руб. денегъ. Въ началѣ іюля 1891 г. женихъ ея Шапій умеръ и къ ней предъявлено требованіе выйти замужъ за киргиза Абдралія Джазыкбаева, именующагося ближайшимъ родственникомъ умершаго жениха и намѣревающагося увести ее, просительницу, силою. Она же знаетъ, что у жениха ея Шапія братьевъ и племянниковъ нѣтъ, и желаетъ вступить въ бракъ по своему выбору, а не за Джазыкбаева. Прошеніе это разбиралось на Буртимскомъ волостномъ сѣздѣ бѣевъ, который вызвалъ отца просительницы — Игинбая Таженова и отвѣтника Джазыкбаева. Джазыкбаевъ объяснилъ, что при сватовствѣ у Таженова дочери онъ отдалъ въ калымъ 16 головъ скота, а получилъ въ кѣить 1 лошадь, кунана 3-хъ годовъ, басмана годового, 1 волчью шубу, 3 халата шелковыхъ и 2 простыхъ и 1 руб. денегъ. — Игинбай Таженовъ показалъ, что онъ за дочь свою получилъ въ калымъ не 16, а только 8 головъ скота и отдалъ въ кѣить указанные выше вещи. Джазыкбаевъ дополнилъ, что онъ Игинбаю Таженову отдалъ еще одинъ басманъ, 3 халата и 4 рубля денегъ. Выслушавъ эти объясненія, волостной сѣздъ бѣевъ, по киргизскимъ народнымъ обычаямъ, рѣшеніемъ на 16-е февраля 1891 г. опредѣлилъ: предоставить Фатимѣ Игинбаевой полную свободу на выходъ въ замужество по своему выбору, а съ отца ея Игинбая Таженова взыскать въ пользу Джазыкбаева возвратный калымъ — 14 головъ скота на 210 р., взаимные-же расчеты упомянутыхъ лицъ о подаркахъ при сватовствѣ оставить безъ послѣдствій; въ бѣйлыкъ 21 руб. и калымъ какъ 1 руб. взыскать съ Таженова. Таженовъ перенесъ дѣло въ Област. Правленіе

15) Искъ о возвратѣ калыма. (Тург. Обл. Вѣд. 1891 г. № 11).

„Киргизъ № 6 аула, Буртимской волости, Илѣцкаго у, Досмагиль Куркунбаевъ заявилъ Буртимскому сѣзду бѣевъ словесную жалобу о томъ, что въ 1871 г. онъ высваталъ за своего сына 4-хъ лѣтнюю сестру одноаульца Сарсея Кармсакова Фатиму и отдалъ въ калымъ 16 головъ скота, въ

1886 г. добавилъ еще 12 головъ скота, 30 руб. денегъ, коверъ и халатъ. Сынъ просителя, за котораго была просватана Фатима, умеръ и по обычаю Сарсень Кармсаковъ долженъ былъ пріѣхать къ нему, Куркунбаеву, для общей молитвы по умершемъ и затѣмъ выдать сестру за одного изъ трехъ его племянниковъ, но ничего этого онъ не сдѣлалъ и выдаетъ Фатиму за киргиза Каратургайской волости съ полученіемъ за нее второго калыма въ 17. головъ скота и 200 руб. деньгами. Куркунбаевъ проситъ сѣздъ биевъ на стоять на томъ, чтобы Фатима Кармсакова была выдана за одного изъ его племянниковъ. Спрошенный по содержанію этой жалобы, Сарсень Кармсаковъ объяснилъ, что отъ Куркунбаева онъ получилъ въ калымъ въ первый разъ 9 головъ скота, а во второй разъ 7 головъ, коверъ и халатъ но отдалъ въ отдаръ 4 халата и одного быка. Кромѣ этого Фатима добавила, что Куркунбаевъ изъ корыстныхъ расчетовъ вмѣсто племянниковъ „подставляетъ“ двухъ дряхлыхъ стариковъ и своего работника и требуетъ, чтобы она вышла за одного изъ нихъ. Сообразивъ эти обстоятельства и получивъ разъяснительныя свѣдѣнія, сѣздъ биевъ постановилъ предоставить на волю отвѣтчика Кармсакова—отдать сестру Фатиму за одного изъ племянниковъ Куркунбаева и получить отъ него 1 верблюда въ 30 рублей и 1 лошадь въ 20 рублей, или же уплатить Куркунбаеву въ возвратъ калыма 16 головъ скота на 220 рублей и кромѣ того аипъ-бастатканъ тогузъ въ 110 рублей, и тогда Фатима можетъ быть свободна“.

16) „Искъ о возвратѣ калыма (Тург. Областные Вѣд. 1893 г. № 6).

„Киргизъ Тусунской волости Байгабыль Таумановъ подалъ жалобу о томъ, что киргизъ Чубаланской волости Джаманбай Акпаевъ, просваталъ дочь свою за брата просителя Иргабыла съ полученіемъ въ калымъ 9 верблюдовъ, уклоняется отъ выдачи другой своей дочери, за смертью просватанной. Жалоба эта разбиралась на Чубаланскомъ волостномъ сѣздѣ биевъ, который, за неявкою по тремъ вызовамъ отвѣтчика, постановилъ 15 марта 1893 г. заочное рѣшеніе о томъ, чтобы Акпаевъ выдалъ за брата истца вмѣсто умершей невѣсты другую свою дочь, а если этого не исполнить и не оправдается присягою одного лица изъ 2-хъ пятиде-

сятковъ, по выбору истца, въ томъ, что калыма не получалъ, то взыскать съ него 9 „порядочныхъ“ верблюдовъ на сумму 270 руб., а при карадашествѣ—4 верблюдовъ и 1 лошадь на сумму 135 руб., въ бійлыкъ 27 руб., въ атмай 4 руб. и калямъ-хакъ 2 руб.

17) Увозъ чужой невѣсты, (Тург. Обл. В. 1891 г. № 12), „Киргизъ № 4 аула, Аманъ—Карагайской волости. Николаевского у., Аксары Куанышевъ предъявилъ въ Ара-карагайскомъ волостномъ сѣздѣ бievъ искъ къ киргизамъ Валию и Мунгузбаю Кандыбасовымъ за увозъ его невѣсты, киргизки Умучтаки Байгутдиной, и съ нею 570 руб., денегъ, данныхъ, будто-бы ей на храненіе. Хотя отвѣтчики по вызовамъ на сѣздѣ не явились, сѣздъ бievъ нашелъ, что Кандыбаевы уличаются въ увозъ Умучтаки, и что искъ Куанышева о 570 руб. голословный, а потому постановилъ: Куанышеву въ искѣ 570 руб. но бездоказательности отказать, а съ Кандыбасовыхъ за увозъ чужой невѣсты, признаваемый по киргизскимъ обычаямъ предосудительнымъ, взыскать въ пользу Куанышева 100 руб., съ обращеніемъ этого взысканія въ случаѣ несостоятельности отвѣтчиковъ на родственниковъ ихъ Истайлаковыхъ“.

18) Искъ о расторженіи брака. (Тург. Обл. В. 1892 г. № 41).

„Кабыргинскій волостной сѣздъ бievъ Иргизскаго у. 19 іюля 1892 г. разбиралъ дѣло по просьбѣ киргизки Карылгашъ Байбековой о разводѣ ея съ мужемъ Жантлеу Байбековымъ по неспособности его къ супружеской жизни. Призванный на судъ отвѣтчикъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно былъ боленъ два года, но болѣзнь эта была на него наущена разными молитвами и другими средствами одного муллы, который былъ нанятъ для этой цѣли отцомъ его жены Кутебаромъ Жалкибаевымъ. Что-бы избавиться отъ болѣзни онъ, Жантлеу, въ свою очередь нанималъ муллу за 392 руб., который его и вылѣчилъ, и въ настоящее время онъ совершенно здоровъ. Разсмотрѣвъ это дѣло, волостной сѣздъ опредѣлилъ: 1) женѣ киргиза Жантлеу Байбекова-Карылгашъ предоставить свободу съ тѣмъ, чтобы желающій съ нею вступить въ новый бракъ уплатилъ мужу ея обратно калымъ изъ 20 головъ скота, въ томъ числѣ 9 лошадей, 8 верблюдовъ и 3 коровы, на сумму 385 р., въ бійлыкъ 38 руб. 50 коп. и калямъ-хакъ 1 руб., а всего 424 руб. 50 коп.

и 2) киргиза Кутебара Жалкибаева обязать оправдаться присягою родственника изъ 4 колѣна въ томъ, что онъ не нанималъ муллы для того, чтобы сдѣлать своего зятя Жантлеу Байбекова неспособнымъ къ супружеской жизни, и если не оправдается, то взыскать съ него, Жалкибаева, на удовлетвореніе Байбекова 200 руб. и въ бійлыкъ 20 руб.

19) Искъ о наслѣдствѣ (Тург. Обл. Вѣд. 1892 г. № 6).

„28 ноября 1891 г. въ Куландинскомъ волостномъ сѣздѣ бievъ разбиралось дѣло по иску киргиза Куландинской вол., Иргизскаго, у., Илемеса Жарылганова и вдовы Ульжаны, по мужу Танатаровой къ киргизу Агызу Исетову о выдѣлѣ имъ части имущества, доставшагося послѣднему по смерти киргиза Танатора-Акъ-Идилева. При разборѣ иска оказалось: 1) что имущество умершаго киргиза Акъ-Идилева было приведено въ извѣстность по распоряженію мѣстной власти и по оцѣнкѣ онаго простиралось на сумму 1776 руб 50 коп.; 2) что все оно, въ силу духовнаго завѣщанія покойнаго, должно перейти къ пріемному сыну его—Агызу Исетову и 3) что вдова умершаго Ульжана Танатарова при составленіи описи заявила о принадлежности ей одной верблюдицы, отъ приплода которой она считаетъ своею собственностью 15 верблюдовъ. Такія обстоятельства дѣла послужили названному суду бievъ объявить слѣд. рѣшеніе: духовное завѣщаніе покойнаго, какъ подтвержденное 4 свидѣтелями, подписавшимися подъ завѣщаніемъ, утвердить и вслѣдствіе сего передать все имущество усыновленному Акъ-Идилевымъ Агызу Исетову, ему же Исетову предоставленъ право лично присягнуть въ томъ, что въ наслѣдуемомъ имъ имущества ничегонѣтъ принадлежащаго вдовѣ Ульжанѣ, если-же таковой присяги не будетъ выполнено Исетовымъ, то послѣдній обязанъ отдать Ульжанѣ 15 верблюдовъ, но при томъ условіи, когда она не согласится совместно жить съ Исетовымъ, ибо на его обязанности лежитъ дать ей призрачїе до смерти. Что-же касается претензіи Жарылганова, то она, какъ не имѣющая никакихъ основаній, оставлена судомъ безъ уваженія.“

П о с л о в и ц ы.

1) Оскорбившій своего отца не осуществитъ своихъ желаній.

2) Оскорбившій своего отца будетъ презираемъ народомъ, оскорбившій свою мать будетъ нуждаться въ кускѣ хлѣба.

3) Проклятіе отца—стрѣла, проклятіе чужаго—каль (т. е. не имѣетъ значенія).

4) Если хочешь что-нибудь сказать родственнику, говори съ пропускомъ, если отецъ укажетъ тебѣ дѣло, прекрати молитву и исполни.

5) Телята вмѣстѣ съ двухгодовальными телками—не ко-рова; братья вмѣстѣ не отецъ съ матерью.

6) Душа бездѣтнаго проситъ молитвъ сверхъ опредѣ-леннаго срока (о томъ, чтобы имѣть дѣтей).

7) Хотя-бы сынъ твой былъ и дуракъ, пусть здрав-ствуешь.

8) Чужой ребенокъ не останется у тебя, хотя бы ты далъ ему кипиМишу; твой-же собственный ребенокъ не уйдетъ, хотя-бы ты толкалъ его прямо въ грудь.

9) Если найдешь равнаго по состоянію и положенію (жениха), выдай даромъ (т. е. безъ калыма) дочь свою.

10) Не выдавай дочь за неимѣющаго штановъ (т. е. за бѣдняка), не давай кумыса не имѣющему кобыль.

11) Не выдавай дочь за иногородняго пришлеца: онъ увезетъ ее, — что подѣлаешь?.

12) Если мужчина пойдетъ,—дорога откроется, если пойдетъ женщина,—откроется ея задъ.

13) Женщина—наказанье Божіе; ея ласки—ядъ змѣи.

14) Хитрость одной женщины составитъ поклажу для 40 ословъ.

15) У собаки нѣтъ измѣны, у женщины нѣтъ вѣрности.

16) Жена не плетка, съ руки не сбросишь.

17) Лагушка безъ хвоста; женщина—безъ разума.

18) Два арбуза не умѣстятся подъ одной подмышкой (т. е. нельзя любить двухъ женъ).

19) Имѣющій одну жену будетъ ссориться (съ ней); имѣ-ющій 2-хъ женъ умретъ съ голода.

20) Нѣтъ тебѣ почета отъ своей жены, потому что она видитъ твое тѣло. нѣтъ тебѣ почета отъ своего родственника, потому что онъ видитъ лицо твое.

21) Хорошая жена—благополучіе дома; хорошіи халаты—красота пира.

22) Если жену берешь, бери посмотрѣвши; если покупаешь лошадь, бери поѣздивши.

23) Не покупай лошади по совѣту пѣшехода, не бери жены по указанію холостого.

24) Женщинѣ (правятся) объятія, лошади (нуженъ) ножъ (для прокалыванія ноздрей, когда она задыхается).

25) Мужъ и жена—пара соединенныхъ ярмомъ воловъ.

26) Жена—помощница мужа.

27) Когда состарится у тебя жена, не держи собаки (есть кому будетъ ворчать).

28) Лучше пусть будетъ одряхлѣвшій мужъ, нежели 30 сыновей (мужъ и слабый заботится о женѣ, а сыновья, особенно пасынки, бываютъ непочтительны).

29) Жена—за спиной мужа, ханша—за спиной хана.

30) Пусть не будетъ печали у твоего родственника.

31) Кто отдѣляетъ (на пашнѣ) мерзлый слой, тотъ будетъ ѣсть масло, кто раздѣляетъ родственниковъ, тотъ будетъ ѣсть калѣ.

32) Кто отца не слушаетъ, да бьетъ, тотъ долго не проживетъ.

33) Умри жена богача,—все-жъ не бѣда, а умри жена бѣдняка,—вотъ гдѣ горе да тоска.

34) Сынъ отца не учить.

35) Узнай мать и сватай дочь.

36) У кого двери худы, къ тому въ юрту не ходи, у кого мать худая, у того дочь не бери.

37) У одной женщины—сорокъ व्यюковъ выдумокъ и хитрости.

38) Отецъ о сынѣ заботится, а мать о дочери.

39) Не надѣйся на верховую лошадь и свою жену.

40) Имѣя хорошую жену и дрова будешь въ домѣ имѣть, а худую—то въ пріѣздъ твоихъ родственниковъ и товарищей найдешь дома одинъ дымъ.

41) Пусть лучше жена будетъ обезславлена, чѣмъ сапоги тѣсны.

42) Если женщина будетъ прихорашиваться, то ей и казана не сварить.

43) Желудокъ сироты въ 40 рядовъ.

44) Если дитя не плачетъ, развѣ даютъ ему сосать грудь?

45) Присмотрѣвшись къ матери, бери дочь, присмотрѣвшись къ мѣрѣ, бери бязь.

46) Лучше мужчина съ мѣдной головой, чѣмъ женщина съ золотой головой.

47) Если попадется тебѣ дурная жена, не застрѣлишь ея и не поведешь продавать на базарь.

48) Если у тебя въ домѣ будетъ двѣ жены, будетъ ссора, если будетъ двѣ коровы, будетъ сейрамъ (напитокъ изъ молока).

49) Назначеніе дѣвицы быть женой; будешь стѣсняться жены, то и дѣтей у тебя не будетъ.

50) Хотя займи, а женись; вѣдь жена останется при тебѣ.

51) Соединять молодыхъ благодѣяніе, разъединять молодыхъ грѣшно.

52) Женщина—врагъ.

53) Злой собираетъ палки, а глупый набираетъ женъ.

54) Большой калымъ просятъ за ту дѣвицу, которую не хотятъ выдавать замужъ.

55) Нельзя не жениться на второй женѣ, одна жена плохо ухаживаетъ за мужемъ.

— 56) Старшая (первая) жена—Божіе благословеніе, а послѣдующія—собачій хвостъ.

57) Кто имѣетъ двѣ жены, у того въ домѣ споръ, кто женатъ на плохой, у того въ домѣ врагъ.

58) Кто не пьетъ кумыса, кто не ухаживаетъ за дѣвушкой?

59) Умная и добрая жена является душой мужа, а глупая и злая—только помощницей въ работѣ.

60) Если покунаешь коня, посоветуйся съ одноаульцами, если женишься, посоветуйся съ родичами.

61) Женщина безъ стыда все равно, что пища безъ соли.

62) Если двѣ женщины бранятся, то припоминать все дурное.

63) Кто не слушаетъ отца, тотъ скоро погибнетъ.

64) У мальчика имѣющаго отца, ротъ играетъ (сытъ), а у сироты играютъ лишь глаза.

65) Что сдѣлаешь для своихъ родителей, того-же ожидай себѣ отъ своихъ дѣтей.

66) Сынъ думаетъ—родился выше отца, но онъ рождается на четверть ниже его.

67) Хотя-бы у отца вась родилось шесть человѣкъ, но если у тебя нѣтъ собственнаго сына ты, одинокъ.

68) Удаляйся сына, говорящаго предъ отцемъ, когда послѣдній молчитъ; удаляйся дочери, говорящей предъ матерью, когда послѣдняя молчитъ.

69) Сироты бываютъ обидчицы.

70) Если будешь почитать родителей, будешь долго-вѣченъ, а если не будешь почитать ихъ, то будешь нести душевныя муки.

71) Тотъ можетъ считаться сыномъ, кто пойдетъ по отцовской дорожкѣ.

72) Сынъ-же родится похожимъ на отца, а дочь—на мать.

73) Сынъ предъ отцомъ, какъ рабъ предъ господиномъ.

74) Отецъ бьетъ сына, исправляетъ его; мать бьетъ дочь, портитъ ее.

75) У кого есть младшій братъ, у того есть и отдыхъ; у кого есть старшій братъ, у того есть счастье.

76) Кто имѣетъ старшаго брата, у того есть защита.

77) Дурный жеребецъ рвется въ табунъ, дурный зять рвется къ роднѣ своей.

78) Кто своего брата не уважаетъ, тотъ и за чужого не заступится.

79) Не спрашивай совѣта у отца, которому за 60 лѣтъ.

80) Сила и отца не уважаетъ.

81) Если кочерга длинная, не обожжешь руки; если много родныхъ, люди не обидятъ.

82) Лучше быть непривязанной собакой, чѣмъ зятемъ привязаннымъ у тестя.

83) Происходящіе отъ одного рода не обижаютъ другъ друга.

84) Голодный ребенокъ не играетъ съ сытымъ.

✓ 85) Мужчина, имѣющій женскій голосъ не способенъ къ супружеской жизни.

86) Женщина безъ совѣсти — подобна птицѣ безъ соли, молодой человѣкъ безъ приличія похожъ на лошадь безъ узды.

87) Чѣмъ ѣздить на худой лошади, лучше ходить пѣшкомъ; чѣмъ жениться на дурной женщинѣ, лучше быть холостымъ.

88) Разбогатѣеть сартъ, строить домъ, разбогатѣеть киргизъ — набираетъ женъ. (см. стр. 29).

89) Дочка, тебѣ говорю: сноха моя, слушай (т. е. сноха должна принять къ свѣдѣнію замѣчанія, дѣлаемые отцомъ дочери).

90) Чѣмъ, увидѣвъ, взять красавицу, лучше, не увидѣвъ, взять родовитую.

91 Хитрый съ хитрымъ сватается, но не проходитъ и года, какъ ихъ сватовство разстраивается.

92) Дочь дома, а поступки ея наружи.

93) Родовитый молодецъ выдѣляется въ толпѣ.

94) У кого нѣтъ родныхъ, и друзей? Но отъ нихъ меньше участія, чѣмъ отъ чужого.

95) Если ты выхолишь отошавшій скоть, то носъ и ротъ твои въ маслѣ будутъ; а если ты вырастишь дурного человѣка, то носъ и ротъ твои въ крови будутъ.

96) У кого родится хорошій сынъ, тотъ зажжетъ огонь, а у кого родится дурной сынъ, того и на верблюдѣ собаки заѣдятъ.

97) Не та красавица, которая красива, а та, въ которую влюбишься.

98) Воспитанный отцомъ будетъ строгать стрѣлы, а воспитанный матерью будетъ кроить халаты.

99) Кормившему тебя одинъ день кланяйся 40 дней.

100) Двѣ бараньи головы не помѣстятся въ одномъ котлѣ.

101) Болѣзнь отъ пищи, тяжба отъ родныхъ.

102) Дурной родственникъ хуже чужого.

103) Не жалѣй сироту: сирота „сигеръ кутингди“ (т. е. отъ сироты нельзя ожидать благодарности).

104) Когда ты выдаешь дѣвицу, смотри на мать; когда ты выбираешь холстъ, смотри на длину; когда ты выбираешь ястреба, смотри на бѣлизну.

105) Въ одинъ сапогъ не входятъ двѣ ноги.

106) Когда сойдутся двѣ женщины, то будетъ базарь.

107) Собака найдетъ мѣсто, гдѣ она насытилась, мужъ—мѣсто гдѣ онъ родился.

108) Если твоя жена зла, что пользы отъ спокойствія народа? если твой сапогъ, тѣсенъ, что пользы отъ обширности міра?

109) Въ дѣвицахъ, что красное пламя; ставши женой,—лишена цѣны.

110) Дочь сбывается, благодаря славѣ отца, ткань сбывается, благодаря славѣ маты. (Мата—бумажная матерія, идущая на рубахи и нижнее бѣлье).

111) Между хорошими мужчинами лежитъ сѣдло и лошадь; между хорошими самками (женщинами) лежитъ люлька и сынъ.

112) Добрый сынъ есть волосокъ сердца, дурной сынъ, — нечистоты носа.

113) Лучше быть безъ жены, чѣмъ брать дурную жену; лучше быть безъ дѣтей, чѣмъ имѣть дурныхъ дѣтей; лучше ходить пѣшкомъ, чѣмъ ѣздить на дурной лошади.

114) Родственники ссорятся, но не отказываются другъ отъ друга.

115) Родной идетъ къ родному, а на чужого обрушивается бѣда.

116) Сошедшіеся не становятся близкими, родственники не становятся далекими.

117) Текущій съ горъ ручей изливается въ море; не радуйся, что у злого родился добрый, онъ пойдетъ по стопамъ его-же.

118) Безстыжій сынъ плохъ,, своевольная дочь плоха; плохая дочь, какъ иней,—она уйдетъ когда-нибудь; дурная сноха, какъ постоянный иней,—твоя душа терзается каждый день.

119) Продавъ сына, имѣлъ лошадь; продавъ дочь, имѣлъ пищу.

120) Сердце матери етремится къ ребенку, сердце ребенка—въ степь.

121) Что не вошло съ молокомъ матери, то не войдетъ съ молокомъ коровы (т. е. никогда).

122) Кто не слушаетъ отца, тотъ не долго проживетъ благополучно.

123) Если твоя лошадь дурная, то можешь избавиться, продавъ ее; если жена твоя дурная, какъ тебѣ избавиться?

124) Только глупый человѣкъ можетъ забыть мѣста, гдѣ онъ родился и выросъ.

125) Лучше быть пастухомъ въ своемъ родѣ, чѣмъ царемъ въ чужомъ народѣ.

126) Мужъ—голова,—жена—шея.

127) Волоса у женщины длинныя; умъ у нихъ короткій.

128) Когда твоя жена дура, то пусть твоя нагайка будетъ толста.

129) У женщины, пришедшей за огнемъ, есть тридцать предметовъ для разговора.

130) Свадьба для тѣхъ, у кого есть халатъ, поминки для тѣхъ, у кого есть лошадь (для скачекъ).

131) Хорошая лошадь,—конь Буракъ на дорогѣ; хороший сынъ—свѣтило сердца; если у тебя лошадь плохая, уходитъ удовольствіе, если у тебя сынъ плохой, уходитъ сила, если у тебя жена плохая, уходятъ изъ твоего дома гости. а если и придутъ гости, то ты уйдешь отъ нихъ понурый.

132) Не бери ту, которую ты видѣлъ сквозь дверь; бери ту, которую ты видѣлъ съ колыбели.

133) Не повѣрай своей тайны женщинѣ, не вѣрь, пока не убѣдишься.

134) Народъ, надъ которымъ начальствуетъ женщина, останется не съ чѣмъ.

135) Если умереть братъ, то сноха—наслѣдство; если сдохнетъ лошадь, то шкура—наслѣдство.

136) Жена не уважаетъ мужа, потому что что видитъ его голое тѣло; свекоръ не будетъ уважать невестку, если часто видитъ ея лицо,

137) При отцѣ сирота, безсовѣстная сирота, при матери сирота—цѣнная сирота.

138) На головѣ сироты при матери играетъ рука и гребень; на головѣ сироты безъ матери играютъ вши.

139) Собака приноситъ пользу, а жена—горе.

140) Домъ съ дѣтьми—базаръ, а безъ дѣтей—мазаръ (могила).

141) У богача жена умретъ,—постель обновится, а у бѣднаго умретъ, голова вскружится.

142) Красивая женщина не можетъ быть не развратницей.

143) Нѣтъ врага сильнѣе жены: она незамѣтна,—лежитъ въ объятяхъ.

144) Въ 15 лѣтъ становится хозяиномъ кибитки.

145) Я могу бить свою жену, сколько мнѣ угодно, а если убью, то заплачу кунъ.

146) Женщина владѣетъ собой и за себя одну отвѣчаетъ.

Оглавление:

	Стр.
Литература.	3
Обычное киргизское право, его характеристика и пр. . .	4
Общій характеръ брака	8
Положеніе киргизской женщины	11
Сватовство, орунтой и вѣнчаніе	20
Обычаи относительно нарушенія правилъ сватовства . .	30
Обычаи относительно случаевъ смерти невѣсты или жениха	32
Условія для вступленія въ бракъ:	
1) Вѣроисповѣданіе	36
2) Согласіе родителей	37
3) Возрастъ.	38
4) Родство, свойство и проч.	40
5) Число женъ	43
6) Калымъ (калынъ, калынъ малъ).	45
Личныя и имущественныя отношенія между супругами:	
1) Личныя	50
2) Имущественныя	54
Личныя и имущественныя отношенія между родителями и дѣтьми. Выдѣлъ.	
а) Личныя	57
б) Имущественныя	61
в) Выдѣлъ	63
Усыновленные и пріемный зять	67
Незаконнорожденные	70
Прекращеніе брака. Разводъ.	72
Опека	77
П р и л о ж е н і я.	
I. Объясненіе аиновъ	79
II. Постановленіе чрезвычайныхъ сѣздовъ народныхъ судей.	—
Дѣла брачныя и семейныя	81
Изъ практики киргизскаго народнаго суда	83
Пословицы.	96